

Максим Лебский

Рабочий класс СССР

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Максим Лебский

РАБОЧИЙ КЛАСС СССР

жизнь в условиях промышленного патернализма

москва горизонталь 2021

УДК 33+314+316+93/94
ББК 60.54 63.3(2)28 65.8
Л33

ISBN: 978-5-6043030-4-7
© Лебский М. А., текст

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
I. Социальные функции советского предприятия в 1917–1965 гг	32
II. Реализация косыгинской реформы	58
III. Фонды экономического стимулирования	67
IV. Усиление промышленного патернализма	83
V. О росте потребительских настроений в советском обществе	99
VI. Межведомственная борьба	114
VII. Распад Советского Союза	134
VIII. Рабочие в постсоветской России	151
IX. Почему так произошло?	178
X. Ошибки советского руководства	200
Заключение	210
Приложение	213
Библиография	228

ВВЕДЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ДАННУЮ книгу я хотел бы начать с попытки ответа на вопросы: что такое пролетариат и рабочий класс? Как они соотносятся с друг другом? Наиболее полный научный анализ возникновения пролетариата дали родоначальники марксизма. Марксизм как научная теория начал формироваться в 1840-е гг. — в эпоху промышленного переворота в западноевропейских странах. На базе мануфактуры возникла промышленная фабрика, которая олицетворяла новый этап в развитии кооперации труда. Концентрация рабочих в одном цеху вместе с использованием машин-двигателей и машин-орудий обеспечила небывалый рост производительности труда на фабриках. При этом рабочий полностью лишался каких-либо средств производства, становясь живым придатком к мертвой машине.

Для классиков марксизма рабочий класс был более широким понятием, чем пролетариат. Рабочие существовали до промышленного переворота и включали в себя широкий слой кустарей и надомников. Все они были рабочими. Для мануфактурных рабочих были характерны две особенности: ручной ремесленный труд и использование собственного инструмента, а в ряде случаев и собственного помещения. Энгельс писал про них:

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам ее не обрабатывал, пряжа продавалась.

И далее (Энгельс 1955: 243–244):

...Ткач большей частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать, когда и сколько ему хотелось. Правда, земледelec он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Но с развитием промышленного производства начинает формироваться новый тип работника – пролетарий, лишенный каких-либо средств производства и занятый машинным трудом.¹ Под пролетариатом Маркс и Энгельс понимали

...Общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, – класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд,

¹ Энгельс писал: «Пролетариат возник в результате введения машин, которые начали изобретать с середины прошлого столетия и из которых главнейшими являются: паровая машина, прядильная машина и механический ткацкий станок. Эти машины, которые стоили очень дорого и поэтому могли быть доступны только богатым людям, вытеснили тогдашних рабочих, ибо при помощи машин можно было изготавливать товары дешевле и быстрее, чем это в состоянии были делать прежние рабочие на своих несовершенных прялках и ткацких станках». См.: Энгельс 1970: 83–86.

т. е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции. Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века (Энгельс 1955b: 322).

В результате развития индустриального производства происходила унификация условий труда разных категорий рабочих. Все они постепенно переезжали в отдельные рабочие кварталы промышленных городов. Идиллический образ жизни старого рабочего класса, похожий на крестьянский, исчезал в результате роста индустриальных городов и пауперизации рабочих.

Почему Маркс обращал такое внимание на абсолютное и относительное обнищание пролетариата? Он сам был свидетелем резкого ухудшения жизни трудящихся. Они лишались собственных средств труда и превращались в настоящих пролетариев – людей, обладающих лишь потомством, объединенных в одну трудовую армию. Так, например, в своей книге о жилищном вопросе Энгельс четко разграничивает пролетария и рабочего по их отношению к жилью. Пролетарий не может владеть собственным домиком, а рабочий может (Энгельс 1961: 235). Таким образом, пролетарий по своему положению ближе к пауперу, который живет в бараке или работном доме, нежели к ремесленнику Средневековья.

Промышленный переворот на первоначальном этапе влек за собой резкое ухудшение материального положения рабочих, но классики марксизма возвели эту временную тенденцию в общий закон капитализма (Маркс, Энгельс 1955b: 435):

Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится паупером, и пауперизм растет еще быстрее, чем население и богатство. Это ясно пока-

зывает, что буржуазия не способна оставаться дольше господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона. Она неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет. Общество не может более жить под ее властью, т. е. ее жизнь несовместима более с обществом.

На момент написания манифеста этот вывод был абсолютно верен. Маркс и Энгельс, конечно, не могли предвидеть в 1848 г., что пролетариату европейских стран в будущем удастся значительно улучшить свое материальное положение в условиях развития и расширения капитализма на весь земной шар. Но уже в 1858 г. Энгельс в одном из писем Марксу пишет о причинах кризиса чартистского движения (Энгельс 1962б: 293):

...Английское пролетарское движение в его старой традиционной-чартистской форме должно окончательно погибнуть, прежде чем сможет развиваться в новую, более жизнеспособную форму. И все же трудно предвидеть, какова будет эта новая форма. [...] Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно.

В «Капитале» для лучшего понимания законов развития буржуазного общества Маркс рассматривал развитую модель капитализма, лишенную каких-либо пережитков феодальных отношений. Предмет исследования Маркса – это теоретическая модель капитализма, возникшая на основе обобщения исторического материала и проекции в будущее логики развития буржуазного общества. Соответственно, при развитом

капитализме, по мнению Маркса, пролетариат станет единственным отрядом рабочего класса, поглотив всех ремесленников. Именно поэтому Маркс использует в «Капитале» понятия «пролетарий» и «рабочий» как синонимы, не делая между ними различия. А в середине XIX века оно еще существовало. К примеру, в Париже к концу 1860-х гг. было зарегистрировано 416 тыс. рабочих. В среднем на одно предприятие приходилось 4 рабочих, хотя реальное распределение их было следующим: 61 % предприятий обходились без рабочих или имели только одного рабочего, 31 % имел от 1 до 10 рабочих и лишь 7 % – свыше 10. Доля фабрично-заводского пролетариата в общей численности парижских рабочих – 10 %, и большая часть из них была занята в изготовлении одежды, предметов роскоши, строительстве. Александр Тарасов справедливо заключает (Тарасов 2009):

На две трети парижская промышленность состояла из карликовых предприятий, почти на треть – из мелких и уж совсем ничтожный процент составляли средние и крупные. Типичный парижский рабочий – это кустарь-одиночка или ремесленник с одним-двумя подмастерьями.

Еще во времена Парижской коммуны возникла путаница между терминами «пролетарий» и «рабочий». Прудонисты, хоть и называли себя «пролетарскими революционерами», выражали интересы кустарей и ремесленников, которых было большинство в общей массе рабочих. Путаница в головах практиков и отождествление рабочих и пролетариев в трудах Маркса и Энгельса привели к тому, что пролетариат в программах большинства социал-демократических партий эпохи Второго Интернационала стал полностью тождественен рабочему классу.

Ленин всегда действовал и размышлял как политик-практик, поэтому у него нет однозначного определения пролетариата: оно менялось вместе с развитием политической ситуации в стране. Владимир Ильич в своих работах отталкивался, прежде всего, от российских реалий полупериферийного ка-

питализма, в котором промышленный пролетариат составлял меньшинство трудящихся. В своих ранних трудах, стремясь расширить социальную базу социал-демократического движения, он толкует пролетариат в крайне широком смысле, включая в него кустарей («промышленный пролетариат, разлитый вне фабрики в городах и деревнях»), сельский пролетариат (деревенские поденщики и батраки), фабрично-заводских рабочих (Ленин 1967: 448). Безусловно, Ленин выделяет промышленных рабочих по степени их организованности и политическому развитию, но он не отделяет их качественно от остальных слоев пролетариата. Владимир Ильич прекрасно понимал, что малочисленный промышленный пролетариат России не сможет стать единственной социальной опорой революционных сил, поэтому стремился сформировать широкую коалицию городского и сельского пролетариата. Понятия «рабочий класс» и «пролетариат» Ленин также использует как синонимы, не видя между ними принципиальной разницы.

В постреволюционный период, когда экономика страны была разрушена вследствие Первой Мировой и Гражданской войн, Ленин сужает понятие пролетариата, стремясь отметить его связь с крупным промышленным производством (Ленин 1970а: 161):

...У нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, [промышленный пролетариат — М. Л.] деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Таким образом, Ленин стремился выделить из общей массы деклассированных рабочих именно те слои, которые занимались не кустарным промыслом в условиях разрухи,

а индустриальным трудом на крупном производстве. Это было особенно актуально в свете задачи скорейшего восстановления народного хозяйства. Подводя логическую черту, следует сказать, что поздний Ленин выделяет «основную массу рабочих» и «ядро рабочего класса» — фабрично-заводских рабочих или, иными словами, «промышленный пролетариат».

В 1926 г. И. В. Сталин в споре с оппозицией излагает собственное видение структуры рабочего класса. Для него понятия «пролетарий» и «рабочий» являются синонимами, но в рамках пролетариата он выделяет «чистокровный пролетариат» — ядро, состоящее из людей с большим рабочим стажем. Второй слой включал в себя недавних выходцев из мещанства, интеллигенции, крестьянства, еще окончательно не порвавших своих связей с землей и старой социальной средой. Третий же слой — рабочая аристократия (Сталин 1948: 9–11). Приведенная классификация использовалась Сталиным, прежде всего, для объяснения социальных корней оппозиции, существовавшей внутри ВКП(б). Таким образом, Сталин не только рассматривал рабочий класс в рамках постоянного внешнего конфликта мелкой буржуазии и пролетариата, но и внутри пролетариата он видел столкновения разных слоев (Сталин 1948: 10):

...Последние два слоя рабочего класса [выходцы из деревни и рабочая аристократия — М. Л.] представляют более или менее общую среду, питающую оппортунизм вообще, оппортунизм открытый, поскольку берут верх настроения рабочей аристократии, и оппортунизм, прикрытый «левой» фразой, поскольку берут верх настроения не вполне порвавших еще с мелкобуржуазной средой полумещанских слоев рабочего класса.

Известная американская исследовательница Шейла Фицпатрик в своей статье о классовой структуре советского общества в 1920-е гг. отмечает, что большевистское определение пролетариата базировалось на наличии у рабочих классового сознания: рабочий, осознающий свою особую

историческую роль, — пролетарий, рабочий же без такого сознания был по определению «случайным элементом», зараженным мелкобуржуазными взглядами (Фицпатрик 1990). Таким образом, по трактовке Фицпатрик, большевики понимали под пролетариатом не только индустриальных рабочих, а всех наемных работников физического труда, преданных Советской власти. На мой взгляд, подобная глубоко субъективистская трактовка классовой теории не была свойственна ни Ленину, ни Сталину. Фицпатрик и не обращается к их трудам, а анализирует нижний исторический пласт — заявления рядовых советских служащих и партийных активистов. Безусловно, крайне важно проследить восприятие этими людьми пролетариата в постреволюционный период (1921–1924 гг.), когда накал межклассового противостояния еще не остыл. Но исследовательница не обращает внимание на объективные критерии классовой дифференциации в трудах лидеров РСДРП(б). Она делает исторические обобщения на основе анализа лишь небольшого исторического отрезка, когда страна находилась на разломе, прежнее классовое общество было разрушено, а новое — еще не выстроено.

Большевики, конечно, могли маневрировать теоретически, сужая или расширяя понятие пролетариата, но они не определяли его сугубо на основе единственного критерия политической лояльности новой власти. Можно говорить о динамическом равновесии двух сторон марксизма: научной системы и политической практики. В ситуации обострения классовой борьбы пролетариат определялся более с политической точки зрения («сознательные рабочие»), в периоды же стабилизации это понятие возвращалось к экономической основе («рабочие, занятые в крупной промышленности»).

ИСТОРИОГРАФИЯ

В советский период вышли тысячи книг, брошюр и статей о рабочем классе в СССР. Я остановлюсь только на наиболее важных работах.

Социолог О. Шкаратан рассматривает развитие социальной структуры рабочего класса с 1917 г. до конца 1960-х гг. в опубликованной в 1970 г. книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование)». Его анализ раннесоветского периода (1917–1930-е гг.) базируется на внутриклассовой дифференциации, предложенной еще Сталиным: кадровые рабочие без земли, рабочие с землей и рабочая аристократия.

Исследователь всячески пытается зависить процент кадровых рабочих до 1929 г., чтобы максимально расширить пролетарскую социальную базу Советской власти и доказать, что масса крестьян, хлынувшая в города в ходе индустриализации, встретила с твердым ядром кадровых рабочих. Шкаратан явно недооценивает влияние индустриализации на размывание рабочего класса, хотя сам он приводит цифры, свидетельствующие в пользу того, что уже с 1931 г. большая часть (53,2 %) рабочих, поступивших в этом году на производство, были крестьянами (Шкаратан 1970: 279). Проблема заключается и в том, кого считать кадровым рабочим. Например, если процент ленинградских рабочих, имевших хозяйство на земле, был минимальным, то уральские рабочие традиционно имели сильные связи с деревней. В 1926–1927 гг. 74 % из них владели земельными наделами, 83 % держали корову, 55,4 % имели в распоряжении лошадь (Фельдман 2002: 40). Эти факты говорят в пользу того, что в крестьянской стране бессмысленно вычислять процент «чистых рабочих», оборвавших все связи с деревней. Многие рабочие на периферии имели, помимо заработной платы, сторонний доход, представляя собой переходный тип на пути от крестьянина к пролетарию, лишенному какой-либо собственности.

Согласно концепции Шкаратана, в развитом социалистическом обществе с 1960-х гг. на первый план выходят не классовые, а иные социально-дифференцирующие признаки: социально-экономическая неоднородность труда, профессия, квалификация, должность, участие в общественном самоуправлении (Шкаратан 1970: 461). В своем исследова-

нии Шкаратан всячески подчеркивает гомогенность советского общества при наличии внутриклассовых различий. На мой взгляд, в конечном счете это приводит к размыванию понятия «рабочий класс», которое трансформируется в рамках социологического исследования в понятие «наемный работник».

Кроме того, Шкаратан в своей работе не привел статистики по важному вопросу: какой процент рабочих пользовался землей в деревне или садоводческих товариществах, активно создававшихся предприятиями в 1960-е гг.? Рабочие не владели этой землей на правах полноценных собственников, но наличие дополнительного дохода, не связанного с наемным трудом, безусловно, влияло на их психологию. Этот важный фактор не учитывается Шкаратаном, который, как и многие советские исследователи, склонен приближать советское общество к коммунистическому идеалу. При этом стоит отметить, что названная работа является добротным, фундированным исследованием, опирающимся на большое количество статистических материалов и самостоятельные наработки автора.

Среди позднесоветских исследований важное место занимает книга Л. Гордона и А. Назимовой «Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития». Авторы отмечают, что рост советского рабочего класса происходил в условиях сохранения старых и возникновения новых технологических укладов. В советской экономике 1980-х гг. они выделяют три экономических уклада: доиндустриальный, развитый индустриальный, научно-индустриальный (Гордон, Назимова 1985: 93–94). Доиндустриальный уклад характеризуется преобладанием ручного труда, который вовсе не исключает использования отдельных механизмов и машин. Но, в отличие от развитого индустриального уклада, в данном случае работник не встроен в систему конвейерного производства. Он не взаимодействует с системой машин. Доиндустриальный технический уклад преобладает в сельском хозяйстве и строительстве. Основу индустриального

уклада образует «система энергетических и рабочих машин, дополненных необходимыми передаточными механизмами и инфраструктурными устройствами» (95). Данный уклад преобладал в большинстве отраслей советской промышленности.

Научно-техническая революция в западных странах привела к массовой автоматизации производственных процессов. Человек исключался из непосредственного взаимодействия с производимой продукцией, его функции ограничивались программированием машин и контролем над ними. В советской промышленности научно-индустриальный технологический уклад делал в 1970–80-е гг. только первые робкие шаги. Как отмечают Гордон и Назимова, данный уклад пока не реализовался в отдельных сферах производства, он сосуществовал с развитым индустриальным укладом в наиболее наукоемких отраслях (98–99). Включение рабочих в разные технологические уклады неизбежно накладывало определенный отпечаток на их социальное поведение, мировоззрение и привычки. В этой связи Гордон и Назимова сделали ориентировочный расчет распределения промышленных рабочих по трем вышеназванным укладам: ручным трудом на конец 1970-х гг. заняты 35 %, механизированным и конвейерным трудом – 52 %, автоматизированным трудом – 13 % (123).

Гордон и Назимова, в отличие от большинства советских авторов, пытаются уйти от привычного восприятия советского рабочего класса как единой социальной общности. В рабочем классе они выделяют три крупные группы, существенно отличающихся друг от друга по своему месту в производственном процессе. Авторы – на мой взгляд, достаточно упрощенно – наделяют рабочих ручного труда безынициативностью, неорганизованностью, социальной безответственностью, в то время как рабочие, занятые на фабрике машинным трудом, оказываются их положительными антагонистами. Ошибка исследователей состоит в том, что внешняя регламентация труда выдается за сознательную

организованность. Действительно, технологические условия крупного производства обеспечивают лучшие предпосылки для организации, но люди должны предпринять большие самостоятельные усилия, чтобы прийти к осознанному коллективизму. Многие марксисты, писавшие об имманентной прогрессивности промышленных рабочих по сравнению с другими отрядами рабочего класса, зачастую забывали об этом. По мнению Гордона и Назимовой, ключевые проблемы рабочего класса СССР заключались в медленном сокращении доли ручного труда и незначительном росте доли занятых в наукоемких отраслях.

В постсоветский период интерес ученых к истории советского рабочего класса резко ослаб. Многие исследователи, вынужденные заниматься установленной сверху темой по необходимости, а не из интереса, уходят в «свободное плавание» и благополучно забывают рабочий вопрос. Известный социолог Ядов в одном из интервью емко описал конец советской «социологии труда» (Ядов 2007: 14):

Социология труда начала умирать, хотя сейчас немножко возрождается. Она начала умирать, потому что появился рынок. И те, кто занимался проблемами, входившими в область предмета социологии труда, стали изучать рынок. Всем стало интересно, что же происходит на рынке. Товарные отношения и т. д. гораздо шире, чем отношения на производстве. Кроме того, денег не было, средств не было, и все или почти все заводские социологические службы были ликвидированы. Единицы остались.

Особенно печально, что в 1990-е гг. была разрушена налаженная система социологических служб, действовавших при промышленных предприятиях. Заводская социология и ее центр — Ленинградская социологическая школа — в одночасье стали не нужны новым собственникам, стремившимся поскорее избавиться от «социалистического балласта» (Максимов 2014: 108–109). Рабочим классом продолжают заниматься лишь отдельные ученые-энтузиасты. Среди них

стоит назвать социолога Л. Гордона, который в 1990-е гг. пишет работы о шахтерском движении (Гордон 1992). Также следует выделить исследователя Б. Максимова, автора ряда важных работ о российском рабочем классе 1990-х гг. (Мирошникенко, Максимов 1994; Максимов 2004).

М. Плынов в своей монографии, вышедшей в 1998 г., прослеживает изменение численности, уровня жизни и образования рабочих Ленинграда в 1985–1995 гг. Его труд отличает скрупулезное внимание к статистике и рассмотрение положения ленинградских рабочих на фоне тех глубоких социально-экономических перемен, которые переживала Россия в начале 1990-х гг. Плынов опирается на широкий круг источников, включая архивные документы и заводские газеты, но его исследованию явно не хватает системного анализа Перестройки и неолиберальных реформ. Констатацией фактов он заменяет рассмотрение глубинных причин и следствий превращения отдельного завода в независимого товаропроизводителя, заявляя, в частности: «...курс на усиление самостоятельности предприятий и экономических методов управления был закономерен и неизбежен» (Плынов 1998: 57). Его книга ценна как сборник статистических данных по ленинградской промышленности и рабочему классу на рубеже 1980–1990-х гг.

В рамках освещения самых важных книг, вышедших в постсоветский период, нельзя не назвать фундаментальное исследование А. Маркевича и А. Соколова (2005), которые прослеживают эволюцию мотивации к труду на московском заводе «Серп и Молот» за всю его историю с 1883 по 2005 г. Из недавних работ стоит выделить кандидатскую диссертацию М. Пискунова (2018) о трудовом коллективе Выборгского целлюзно-бумажного комбината. Исследование Пискунова представляет собой редкий в отечественной историографии пример изучения жизни коллектива отдельного предприятия на рубеже переломной эпохи начала 1990-х гг. Также крайне плодотворна, на мой взгляд, попытка Пискунова методологически соединить достижения «новой рабочей истории»

Э. Томсона, «теорию трудового процесса» Г. Бравермана и «историю понятий» Р. Козеллека.

Ведя речь о западной историографии, важно выделить ее общую тематическую особенность – большое внимание к методикам, при помощи которых правящая элита и заводские управленцы держали рабочих под контролем и максимизировали производство прибавочного продукта. Из трудов западных исследователей следует отметить серию работ американского советолога Дональда Фильцера: «Советские рабочие и поздний сталинизм», «Хрущевская эпоха: десталинизация и границы реформ в СССР», «Советские рабочие и крах перестройки» (Filtzer 1992, 1993, 1994). Фильцер создает широкую панораму жизни советского рабочего класса на разных этапах его существования, уделяя большое внимание механике рабочего процесса и организации труда. Один из главных тезисов Фильцера состоит в том, что сопротивление советских рабочих производственной бюрократии развивалось не в привычных для западного капитализма формах (стачка, забастовка), а в виде специфической «пассивной борьбы» (прогулы, брак и т. п.).

Ценным исследованием является работа Боба Арнота «Контроль над советским трудом: экспериментальный переход от Брежнева к Горбачеву» (Arnot 1988). С точки зрения Арнота, центральное противоречие советской экономической системы заключалось в сосуществовании двух тенденций – экстенсивном росте за счет включения в оборот новых материальных и людских ресурсов при сохранении широкого контроля со стороны непосредственного производителя за собственным рабочим процессом. Такие факторы советской экономики как отсутствие безработицы, нехватка рабочей силы, неритмичные поставки комплектующих и сырья на предприятия вынуждали их руководителей идти на негласные соглашения с рабочими, старавшимися не допустить повышения норм выработки и планов.

По мнению Арнота, в 1930–1950-е гг. негативные последствия расширенного контроля со стороны рабочих компенсиро-

ровались абсолютным увеличением прибавочного продукта за счет перекачки рабочей силы из села в город и использования новых ресурсов. С исчерпанием источников экстенсивного роста данная экономическая политика зашла в тупик. С конца 1950-х гг. наметился экономический спад, который советское руководство пыталось остановить с помощью реформ и экспериментов. Данные реформы были нацелены на увеличение производства прибавочного продукта за счет использования интенсивных факторов (производительность труда), что предполагало выстраивание прямой связи между результатами труда и вознаграждением. Арнот констатирует неспособность советской правящей элиты решить эту проблему. Советское общество 1970-х гг. сильно изменилось по сравнению с 1930-ми гг., когда власть для поддержания трудовой дисциплины могла использовать методы принуждения. В позднесоветский период административные меры по борьбе с негативным контролем со стороны рабочих натолкнулись на существование на производстве миникорпорации – союза управленцев и рабочих. Трудовой коллектив – от рабочего до директора – не был заинтересован в повышении плана, которое накладывало бы большие обязательства без должного вознаграждения.

* * *

Данная работа не претендует на исследование истории советского рабочего класса в целом. Для меня это стало бы непосильной задачей. Делая необходимые экскурсы в сюжеты раннесоветской истории, я целенаправленно концентрируюсь на периоде, последовавшем за косыгинской реформой, – 1965–1995 гг. Эта реформа не привела к революции в производственных отношениях советского общества, но она качественным образом усилила уже существовавшие тенденции – прежде всего, промышленный патернализм, сыгравший в истории СССР крайне противоречивую роль. Поэтому тему данной книги можно сформулировать следующим образом: влияние промышленного патернализма на совет-

ский рабочий класс после реформы 1965 г. Соответственно, под советским рабочим классом я понимаю наемных работников умственного и физического труда, занятых в сфере материального производства (промышленность, строительство, транспорт и др.) и ряде отраслей нематериального производства (ЖКХ, связь), не занимающих руководящих постов в среднем и высшем звене управления предприятия. В силу масштабов рассматриваемого явления моя работа основана, прежде всего, на изучении рабочих, занятых в промышленности. На мой взгляд, на примере изучения промышленных рабочих как самого большого отряда советского рабочего класса можно выделить общие закономерности их жизни и деятельности, беря в расчет специфику труда в разных отраслях экономики.

Перед началом данного исследования я задавался вопросом: почему многомиллионный советский рабочий класс в начале 1990-х гг. не встал на защиту устоев советского общества? Отчасти выводы этой работы стали открытием для меня самого, заставив пересмотреть некоторые теоретические положения, созданные в рамках марксистской политической традиции. Один из главных вульгарно толкуемых тезисов марксизма состоит в том, что промышленный пролетариат обладает некой перманентной революционностью, готовой развернуться в удачный момент времени. Все дело в обстоятельствах и политической организации. Сторонник подобной позиции снимает с рабочих всякую ответственность за собственную судьбу, превращая их в пассивный инструмент политических интриг. В действительности же промышленные рабочие находятся в условиях капиталистического производства, которые действительно располагают к коллективной самоорганизации. Но это расположение ни в коем случае нельзя принимать за свершившуюся возможность. В разные исторические периоды и в различных социальных системах на рабочих действуют экономические, культурные факторы, размывающие их классовую самоидентификацию и мешающие коллективной борьбе. Если рабочий

класс России в 1917 г. состоялся как класс и стал субъектом истории, то 1991 г. ознаменовался его распадом.

Эти мысли привели меня к выводу о том, что было бы ошибкой идеализировать рабочий класс как таковой, на новый лад бросаясь в идолопоклонство ранних народников перед крестьянами. Другой крайностью стала бы полная утрата веры в способность рабочих решать исторические задачи, стоящие перед человечеством. Своей книгой я хотел бы предложить альтернативу подобному «черно-белому» восприятию. Поэтому девизом ее могут стать слова, написанные когда-то Барухом Спинозой (2015: 244):

Итак, мысленно обращаясь к политике, я не имел в виду высказать что-либо новое или неслыханное, но лишь доказать верными и неоспоримыми доводами или вывести из самого строя человеческой природы то, что наилучшим образом согласуется с практикой. И для того, чтобы относящееся к этой науке исследовать с тою же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики, я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать.

Хочу выразить большую благодарность за подготовку текста к публикации и дружеские советы Д. Кольман, Н. Вирту, И. Гиркому, М. Волчкову, редакции интернет-журнала «Вестник Бури».

А СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ В СССР РАБОЧИЙ КЛАСС?

Главной провозглашенной целью существования советского государства было создание коммунистического общества, т. е. уничтожение классов. В Советском Союзе классы продолжали существовать, но они были качественно иными по сравнению с буржуазным обществом. С завершением НЭПа и началом индустриализации в СССР пролетариата в точном марксистском смысле не было, так как под пролетариатом следует понимать один из двух антагонистиче-

ских классов буржуазного общества. Пролетариат и буржуазия — это два взаимозависимых социальных класса, без первого нет и второго. Об этом в одной из своих работ писал Сталин,¹ верно указывая на то, что пролетариат СССР не просто видоизменился, но на его основе появился качественно новый класс: «...рабочий класс СССР — это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества» (Сталин 1997: 123). В советской историографии позднее 1935 г. нельзя встретить заголовок «История советского пролетариата». Он неизбежно вызвал бы неудобные вопросы: если есть пролетариат, значит, его эксплуатирует класс-угнетатель? В ходу были другие заглавия, например, «Рабочий класс — ведущая сила коммунистического строительства» (Корнилов 1966) или «От российского пролетариата к социалистическому рабочему классу» (Игнатовский 1971).

Британский экономист Боб Арнот верно отметил трансформацию понимания класса в советской науке с 1960-х гг. (Arnot 1988: 30):

Класс был истолкован как социологическая категория, основной целью которой была однозначная классификация индивидов по профессиональной иерархии, а не по категории политической экономии. Как предполагалось ранее, структура классов отражает и влияет на процесс извлечения прибавочного продукта и не обязательно приводит к такой однозначной схеме классификации. Не имеет значения, если один индивид или даже группа индивидов

¹ «Взять, например, рабочий класс СССР. Его часто называют по старой памяти пролетариатом. Но что такое пролетариат? Пролетариат есть класс, лишенный орудий и средств производства при системе хозяйства, когда орудия и средства производства принадлежат капиталистам и когда класс капиталистов эксплуатирует пролетариат. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. Но у нас класс капиталистов, как известно, уже ликвидирован, орудия и средства производства отобраны у капиталистов и переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. Стало быть, нет больше класса капиталистов, который мог бы эксплуатировать рабочий класс» (1997:141–142).

не могут быть аккуратно вписаны в «классовую систему», потому что в теории не входит предоставление такой схемы. Классовый анализ — это не процесс навешивания ярлыков, а попытка понять центральную динамику социально-экономической формации.

В свете вышесказанного совершенно не случайно, что с 1960-х гг. в СССР рабочим классом стали заниматься не политэкономы, а социологи: А. Здравомыслов, В. Ядов, Л. Гордон, О. Шкаратан и другие. Как впоследствии признавался сам Ядов, советские социологи в 1960-е гг. «втащили втихаря» в свои работы структурный функционализм Т. Парсонса (Ядов 2002: 162; Фирсов 2013: 151–156). Если взять, к примеру, книгу О. Шкаратана (1970) о рабочем классе, то в ней можно обнаружить методологическую эклектику из марксизма и структуралистских идей. Взамен базовой марксистской категории «классовое общество» вводится категория «социальная структура». Дело не просто в выборе удобного термина, а в смене методологической основы — если марксизм нацелен на межклассовый конфликт, то структурализм делает акцент на взаимодействии разных социальных элементов ради поддержания стабильности всей социальной структуры. В рамки теоретической концепции Парсонса укладываются только действия элементов системы, которые способствуют ее гармонизации, революционные же преобразования и социальные конфликты воспринимаются как девиации (Батыгин 2003: 32).

Классовая борьба в СССР не прекращалась, хотя и была скрыта за официозными фразами о взаимодействии классов в рамках «развитого социализма». Но существование классов в экономике не всегда ведет к наличию у них политического представительства. В Советском Союзе с конца 1920-х гг. рабочий класс был политически обезличен в связи с тем, что государственно-партийная бюрократия оттеснила рабочих от управления обществом. В книге «Нищета философии» Маркс писал о том, что капиталистические условия производства превратили массы народонаселения в рабочих, а позже, в хо-

де борьбы с буржуазией, пролетариат стал превращаться из класса в себе в класс для себя (Маркс 1941: 147):

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой.

На протяжении советской истории шел обратный процесс деконструкции рабочего класса и превращения рабочих в аморфную массу советских обывателей. Интересно отметить, что политическая деконструкция советского рабочего класса проходила на фоне его количественного и качественного роста. В годы первых советских пятилеток это привело к размыванию его классового ядра, состоявшего из рабочих с дореволюционным стажем. В 1932–1933 гг. была проведена перепись рабочих 13 профсоюзов (1,5 млн человек). Согласно ее данным, средний возраст рабочих различных профессий колебался от 26 до 33 лет. Средний возраст рабочих в черной металлургии в 1932–1933 гг. равнялся 28,8 годам, в электротехнической промышленности – 27,8 годам (Гольцман, Коган 1934: 16). Даже с учетом того, что после революции многие люди начинали работать на заводе с 16–18 лет, в начале 1930-х гг. большая часть рабочих не имела дореволюционного стажа и, соответственно, опыта борьбы с буржуазией. В черной металлургии дореволюционный стаж имели лишь 15 % рабочих, в транспортном машиностроении – 19 %, в сельхозмашиностроении – 12 % (19). НЭП не обогатил существенно опыт борьбы большинства советских рабочих, так как с частным капиталом взаимодействовало меньшинство трудящихся. Например, в 1926 г. на частных предпринимателей работали лишь 1,8 млн рабочих (18 % от общей массы) (Шкаратан 1970: 233).

Миллионы приехавших в города крестьян не обладали навыками и традицией отстаивания своих социальных прав.

Вырвавшись из крестьянской среды, они включались в мобильную трудовую армию, которую власти перебрасывали на поднимающиеся одна за другой великие социалистические стройки. В ходе индустриализации ковался новый рабочий класс, который был крайне восприимчив к упрощенным политическим лозунгам о победе социализма в СССР. Конечно, новые рабочие не были полностью послушными исполнителями воли начальства. Но их протест против тяжелых условий труда чаще всего проявлялся либо в увольнении, либо в осуществлении негативного контроля над производством: производстве брака, нарушении трудовой дисциплины. Стремительность, с которой ломался старый крестьянский уклад и формировался рабочий класс, приводила к появлению переходного типа полурбочего-полукрестьянина, уже утратившего большую часть деревенских представлений, но еще не ставшего горожанином по духу. В силу того, что в 1950–1960-е гг. продолжался бурный приток крестьян в города и многие рабочие долго не порывали своих связей с деревней, этот переходный тип рабочего сохранялся на протяжении нескольких десятилетий.

В своем исследовании о трансформации «капиталистического Петербурга» в «социалистический Ленинград» Е. Герасимова и С. Чуйкина на основе интервью 50 рабочих выдвигают гипотезу о формировании в нескольких районах северной столицы городских микросообществ. Недавние выходцы из деревни, селившиеся на окраинах города, общались преимущественно со своими земляками, образуя собственный круг общения и формы досуга на основе родственных связей и территориальной общности (земляки, соседи). Рабочие из числа ленинградцев были больше привязаны к своему трудовому коллективу на предприятии. Авторы приходят к выводу: «...при заводах формировались относительно замкнутые микросообщества, существовавшие несколько десятков лет» (Герасимова, Чуйкина 2000: 48). Звеном, которое скрепляло сообщества двух этих типов, была располагавшаяся в рабочих районах заводская социальная инфраструктура.

Трудящиеся посещали одни кинотеатры и танцевальные площадки, что постепенно стирало разницу между новыми и потомственными членами класса.

Классовый состав населения СССР (в %)

	1913	1924	1928	1939	1959	1970	1979	1987
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100
Рабочие	14,6	10,4	12,4	33,7	50,2	57,4	60	61,8
Служащие	2,4	4,4	5,2	16,5	18,1	22,1	25,1	26,2
Колхозное крестьянство икооперированные кустари	-	1,3	2,9	47,2	31,4	20,5	14,9	12
Крестьяне- единоличники	66,7	75,4	74,9	2,6	0,3	0,0	0,0	0,0
Буржуазия, помещики, торговцы	16,3	8,5	4,6	-	-	-	-	-

Источники: Население СССР 1983: 143; Население СССР 1988: 107.

***

В марксизме классы определяются через отношения друг к другу, зачастую крайне конфликтные. В советской идеологии еще с 1930-х гг. была закреплена четкая трехчленная классовая структура: рабочий класс, крестьянство, советская интеллигенция. Если Сталин подводил под репрессии идеологическое обоснование (обострение классовой борьбы по мере строительства социализма), то после его смерти вышеназванная схема устройства советского общества не предполагала возможности межклассовых или внутриклассовых конфликтов: все классы должны были строить коммунизм слаженно и без каких-либо противоречий. Механистическое представление о Советском Союзе как о единой социальной машине привело к тому, что само понятие «класс»

в СССР потеряло реальный научный смысл. Данное явление не прошло мимо внимания некоторых советских ученых. Например, Гордон и Назимова писали (1985: 34):

Классовое деление на рабочих и крестьян перестает отражать главное отношение социальной структуры зрелого социализма. Советское общество поднимается на такую ступень своего развития, где оно приобретает неклассовый характер, где оно становится обществом, в котором исчезают классы, четко отличающиеся своим отношением к средствам производства и вытекающими отсюда особенностями условий жизни.

Но в данном контексте советские исследователи имели в виду рост рабочего класса и включение в него большинства общества. Таким образом, все общество становится единым классом, что, по мысли исследователей, тождественно отсутствию классов.

Отчуждение рабочих от участия в политике привело к тому, что на излете советского проекта классы существовали в экономическом смысле, но не в политическом. СССР был классово обезличенным обществом. Советская бюрократия взрастила общество как совокупность обывателей. Именно поэтому, несмотря на усиленную пропаганду выхолощенного марксизма, в период Перестройки трудящиеся СССР стали объединяться не по классовому принципу, а по совершенно иным — национальным, религиозным, политическим.

Правда, стоит заметить, что в этой общей тенденции к деклассированности было свое исключение. Речь идет, конечно, о советской партийно-государственной номенклатуре. Именно номенклатура была одной из важнейших составляющих нового правящего класса современной России. Постоянный контроль над финансовыми потоками привел к формированию в разных сферах советской экономики мощных кланов, которые пытались распределять союзный бюджет в свою пользу. Наиболее стремительно данный процесс классовобразования шел в сфере топливно-энергетического комплекса,

так как управленцы этой экспортоориентированной отрасли имели более сильные экономические связи с мировым рынком, чем руководители других отраслей экономики СССР.

* * *

Важной особенностью советского социума был промышленный патернализм. Ячейкой общества была не семья, а трудовой коллектив. Вся жизнь советских рабочих и их родственников оказалась теснейшим образом связана с предприятием как организатором социально-экономического пространства. Включенность всех сторон жизни рабочего в цикл работы завода приводила к резкому сокращению автономного пространства, которое можно было использовать для сопротивления. Неслучайно большевики в дореволюционный период боролись против «хозяйских квартир» (Буров 1912):

Хозяйская квартира вошла в обиход жизни некоторых профессий, как то: приказчиков, булочников, строительных рабочих и др., и теперь много усилий нужно затратить, чтобы избавиться от этого остатка форменного крепостничества. Крепостничество заключается в том, что живущие на хозяйской квартире продаются уже тем самым хозяину на круглые сутки. Хозяйское «недреманное око» всюду наблюдает за своим рабочим. [...] Понижая заработок рабочего, хозяйские квартиры, уже не говоря о скверных санитарных условиях, лишают рабочего возможности по своему усмотрению использовать свободное время. Вот почему рабочие и служащие должны во что бы то ни стало бороться за уничтожение хозяйских квартир и за выдачу квартирных денег на руки.

Советские рабочие вносили борьбу в сам трудовой процесс, но выражалась она не в форме забастовок и митингов, а в виде прогулов, пьянства, некачественной работы и других видах «негативного контроля за производством» (термин Боба Арнота: Arnot 1988: 79). Это было возможно в условиях острого дефицита рабочей силы, который начала испытывать советская экономика с 1960-х гг. Возникал замкнутый круг:

плохого работника было невыгодно увольнять, а хорошие кадры не имели особой материальной мотивации лучше трудиться ввиду слабой связи заработка с результатами работы, а также по причине роста товарно-денежного дисбаланса.

Самой большой ошибкой при изучении позднесоветского рабочего класса стало бы развешивание политических ярлыков – определение класса как «революционного» или «реакционного». Подобные ярлыки не только ничего не объясняют в процессе эволюции советского общества, но и, что опаснее всего, создают иллюзию существования в позднем СССР некоего целостного классового субъекта с единой политической волей. В данной книге я постарался доказать, что это не так. На протяжении советской истории классовая идентичность рабочего класса сужалась до группового сознания на уровне конкретного предприятия. Советский коллективизм не был фикцией: он имел под собой реальные предпосылки в виде слабого экономического расслоения внутри трудовых коллективов, идеологии социальной однородности и общей для всех наемных работников цели – выполнения государственного плана. Однако к концу существования СССР советское общество состояло из разрозненных трудовых коллективов, которые не рассматривали друг друга в рамках классовых категорий («мы – рабочие»).

В Советском Союзе рабочий класс существовал в экономическом, но не в политическом смысле. Именно поэтому бессмысленно заявлять, что рабочие выбрали капитализм и отказались от «советского социализма». За исключением шахтеров, классовая самоидентификация у рабочих была крайне ослаблена и не играла в ходе Перестройки важной роли. Поэтому и нельзя говорить, что советские рабочие совершили какой-то выбор в качестве единого классового субъекта. Скорее, они стали пассивными наблюдателями политических бурь, захлестнувших Советский Союз в конце 1980-х гг.

Подобный взгляд на историю советских рабочих отсылает нас к вопросу о том, как нужно воспринимать социальный класс. Английский социолог Э. Топмсон в своем известном

труде о становлении английского рабочего класса писал (Thompson 1966: 10):

Повсеместно сегодня существует соблазн рассматривать класс как вещь. Это не то понимание класса, которое демонстрирует Маркс в своих исторических произведениях, и эта ошибка портит множество современных «марксистских» работ. Предполагается, что «он», рабочий класс, имеет реальное бытие, которое может быть определено почти математически — как множество людей, состоящих в определенном отношении к средствам производства.

Подобная методологическая ошибка приводит к тому, что многие исследователи воспринимают рабочий класс как некую законченную сущность, которая может измениться количественно и качественно, но всегда останется целостным классом. Томпсон рассматривает рабочий класс как социальную общность, которая не рождается автоматически вместе с промышленным производством, а становится целостным субъектом истории в ходе разворачивания социальных отношений конфликта и взаимодействия. В процессе становления класса важную роль играет не просто физическое присутствие людей на одной фабрике, а чувство и осознание причастности отдельного человека к большой социальной общности (9):

...Класс появляется, когда некоторые люди на основании общего опыта (внутреннего или внешнего) ощущают и артикулируют идентичность своих интересов как между собой, так и в противостоянии с теми людьми, чьи интересы отличны (и обычно противоположны).

Все вышесказанное нацелено на обоснование главной мысли — советское общество было качественно новым феноменом индустриальной эпохи XX века. Историк не может адекватно изучать социальные процессы в этом обществе, некритично используя категориальный аппарат, выработанный

ный для анализа структуры буржуазного социума. Соответственно, следует быть очень осторожным в использовании понятий «рабочий класс», «рабочая солидарность» применительно к СССР. Это совершенно не означает, что данные явления полностью отсутствовали в Советском Союзе. Но в советской истории они имели иную механику и структуру. Бессмысленно изучать любой социальный класс в качестве изолированного объекта. Класс можно постичь лишь как субъект непрекращающегося социального взаимодействия с другими классами. Отсутствие в СССР класса-угнетателя совершенно меняет диспозицию социальных сил. Рабочий может не любить начальство, но он уже не способен видеть своего врага через призму классовой борьбы рабочих против буржуазии. Он начинает рассматривать свою борьбу с точки зрения общего противостояния граждан и государства, что размывает внутриклассовую солидарность, формируя общественный консенсус: «Все мы, независимо от социальной принадлежности, выступаем против власти номенклатуры». Бюрократизация советского общества закономерно привела к тому, что в сознании большинства советских рабочих классовая идентичность отошла на второй план, уступив место иным идентичностям: региональной, религиозной, национальной, политической и т. д.

...Величайшим искажением основных начал Советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти.

В. И. Ленин (1974: 481)

Каждый трудовой коллектив должен отвечать за результаты своей деятельности, получив в законодательном порядке полную хозяйственную самостоятельность. Трудовые коллективы должны иметь право распоряжаться результатами своего труда, для чего ему необходимо делегировать право собственника в лице СТК до проведения приватизации.

Из обращения Союза трудовых коллективов к трудовым коллективам суверенных республик [19 октября 1991 г., Москва]

В условиях роста концентрации производства, расширения производственных связей существующие рамки хозяйственной самостоятельности стали тесными для современных социалистических предприятий и сдерживают их возможности повышения производительности труда и эффективности производства. Расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, рост политической сознательности и активности рабочего класса открывают возможность более широкого участия коллективов под руководством партийных организаций в управлении производством.

А. Н. Косыгин (1979: 327)

I. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СОВЕТСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В 1917–1965 ГГ.

СМОМЕНТА своего возникновения структура советского социума приобрела своеобразный вид, основывавшийся на противостоянии буржуазному миру. Если во всех классово-антагонистических формациях основной экономической ячейкой общества выступала семья,¹ то в Советском Союзе дело обстояло несколько иначе. Стремясь выстроить общество на принципах коллективизма, со-

¹ Энгельс (1961: 69–79) писал: «Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. [...] Единобрачие – это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий. [...] С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда».

ветские руководители не раз говорили, что именно трудовой коллектив должен стать основной социальной ячейкой социализма.¹ Например, В. И. Ленин в проекте программы РКП(б) писал (1969: 92):

...Первичной избирательной единицей и основной ячейкой государственного строительства является, при Советской власти, не территориальный округ, а экономическая, производственная единица (завод, фабрика). Эта более тесная связь государственного аппарата с объединенными капитализмом массами передовых пролетариев, помимо создания более высокого демократизма, дает также возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования.

Ставка на развитие заводского коллективизма должна была сыграть важную роль в создании ассоциации свободных производителей. В связи с этим закономерно, что в Советском Союзе промышленное предприятие не только было субъектом экономики, но и играло важную социальную роль. Завод выполнял широкий спектр непроизводственных функций: строительство детских садов, больниц, пионерских лагерей, жилья, магазинов, столовых, домов культуры и отдыха, туристических баз, библиотек, подсобных хозяйств, проведение спортивных мероприятий, детских утренников, распределение путевок в санатории и т. д. (Лайков 1972: 37–38). В советские годы на предприятиях продолжали действовать кассы взаимопомощи. Кассы, организованные при заводском комитете профсоюза, выдавали рабочим краткосрочные и долгосрочные беспроцентные ссуды на покупку потребительских товаров.

¹ В законе СССР от 17.06.1983 г. «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» об этом говорилось прямо: «Трудовой коллектив предприятия, учреждения, организации является основной ячейкой социалистического общества и в соответствии с Конституцией СССР осуществляет широкие полномочия в политической, экономической и социальной жизни страны».

Пожалуй, самое важное место в социальной инфраструктуре советского предприятия занимало жилье. Исторические корни ведомственного жилья уходят в XIX век. Строительство фабрикантами жилья для рабочих не являлось исключительно российской практикой, а было широко распространено в сельской местности европейских стран. Например, в Великобритании в деревнях вблизи залежей полезных ископаемых (железная руда, угольные копи) фабриканты строили коттеджи для своих работников. Фабриканту было выгодно сокращать путь рабочего от дома к предприятию и поддерживать дисциплину с помощью возможности отъема жилья. В 1901 г. 21 % всех шахтеров севера Рурской области Германии проживал в жилье, построенном администрацией рудников. Активное строительство жилья в регионе было обусловлено, прежде всего, стремлением предпринимателей снизить усилившуюся в то время текучесть рабочих на шахтах (Зидер 1997: 165).

В деревне у фабрикантов как владельцев жилья не было конкурентов, и рабочие были вынуждены платить двойную цену за жалкие лачуги. Неслучайно Энгельс (1955а: 410–413) писал о том, что система коттеджей превращала рабочих в рабов. В дальнейшем деревенские коттеджи разрастались в небольшие промышленные города. В крупных промышленных центрах большинство рабочих проживало в доходных домах и ночлежках, которые чаще всего не принадлежали фабрикантам.

В России на начальном этапе индустриализации ситуация с жильем была сходной. В конце 1890-х гг. почти 39 % рабочих фабрично-заводской промышленности Российской империи проживали в казармах предприятия, 61 % рабочих снимал жилье у частных домовладельцев или проживал в собственных домах. Если детализировать данные по регионам, то свыше 55 % рабочих Московской губернии, 52 % одиноких рабочих шахтеров Донбасса, 57 % рабочих нефтяной промышленности Баку проживали в заводских казармах. Владельцы располагавшейся в сельской местности Николь-

ской мануфактуры к 1906 г. построили 30 казарм, в которых проживал 14 441 рабочий с семьями ($\frac{2}{3}$ от общей численности) (Поткина 2004: 173). В столице империи в казармах проживали лишь 10 % рабочих (Рабочий класс... 1983: 252). К 1918 г. во всех районах России подавляющее большинство рабочих – 73 % – проживало на съемных квартирах (Кириянов 1979). Таким образом, очевидна тенденция к отходу дореволюционных предприятий от предоставления жилья рабочим, что сближало российскую промышленность с европейской. Помимо жилья с 1860-х гг. в России начинается создание амбулаторных пунктов и больниц при предприятиях. Но к концу XIX в. лишь 18 % от общего количества фабрик и заводов Европейской России оказывали медицинскую помощь рабочим (Поткина 2004: 167).

После Октябрьской революции ситуация с жильем стала постепенно меняться. Еще с 1920-х гг. заводы начали брать на себя часть функций социального обеспечения своих работников. Во многом это было связано с тем, что в результате экономической разрухи, вызванной Гражданской войной, государственная система продовольственного снабжения городов испытывала серьезные трудности. В данной ситуации вполне логично, что предприятия были заинтересованы в улучшении снабжения собственных работников. Логика была проста: если рабочий накормлен и имеет крышу над головой, он может принести заводу больше пользы, нежели полуголодный работяга.

В начале 1920-х гг. на баланс многих предприятий переводятся дома-коммуны. Согласно декрету СНК РСФСР от 13 июля 1920 г., правом проживания в таких домах обладали только работники предприятия.¹ Ведомственное жилье распределялось только местными органами ВСНХ и администрацией предприятия. Несмотря на стремление

¹ Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1920 г. «О запрещении вселения учреждений и отдельных лиц в помещения, принадлежащие к территории заводов и предприятий».

предприятий сохранить жилье именно за своими работниками, им это удавалось с большим трудом – в 1923 г. половина рабочих, проживавших в домах-коммунах, числилась на других предприятиях (Меерович 2008: 142–143). Для того чтобы освободить жилье для нуждающихся рабочих, к концу 1920-х гг. политика в отношении людей, живущих в ведомственных домах незаконно, становится жестче. В постановлении ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» подтверждалось право руководства заводов и фабрик выселять из ведомственного жилого фонда лиц, утративших связь с предприятием.¹

Советские предприятия были важными центрами распределения продовольственных и непродовольственных товаров среди своих работников. В начале 1930-х гг. в рамках системы потребительской кооперации начинают действовать закрытые рабочие кооперативы (ЗРК), через которые рабочие получали продукты по карточкам. Создание закрытой системы снабжения стало попыткой властей в условиях ухудшения снабжения городов выстроить иерархию потребления по классовому признаку – удовлетворять в первую очередь потребности основных городских центров и важнейших категорий населения, т. е. рабочих (Нейман 1935: 179). В целом, ЗРК показали низкую эффективность, так как с их созданием участились случаи коррупции и спекуляции продукцией (Маркевич, Соколов 2005: 141).

Для борьбы с этими явлениями было решено перевести продовольственное снабжение рабочих в подчинение администрации предприятия.² В 1932 г. на 373 крупнейших заводах были созданы отделы рабочего снабжения (ОРС). Это были органы государственной розничной торговли, обеспечивав-

¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике».

² Постановление ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1932 г. «О расширении функций заводууправлений в деле снабжения рабочих и изменении карточной системы».

шие рабочих необходимыми товарами. Но на деле ОРСы не просто распределяли продукцию среди рабочих, а занимались организацией ее подсобного производства. Так, например, на московском заводе «Серп и молот» в начале 1930-х гг. ОРСом в заводских мастерских был организован пошив обуви, одежды и нижнего белья (Тяжельникова 2003: 100). По статистике, товарооборот всех ОРСов за год с 1933 г. до 1934 г. увеличился с 4,8 до 8,5 млн рублей, а удельный их вес в розничной торговле составил в 1935 г. 18 %. Система рабочего снабжения охватывала в первую очередь предприятия Наркотяжпрома, Наркомпути, Наркомлегпрома, Наркомлеса и Наркомвода (Нейман 1935: 233–234). К началу 1935 г. действовали 3 192 ОРСа, которые обслуживали 20 млн служащих и членов их семей (266). Несмотря на улучшение снабжения рабочих, в работе ОРСов наблюдались большие проблемы, связанные с их общей нерентабельностью и распылением промтоварных фондов по большому количеству мелких магазинов, что приводило к длинным очередям.

Многие предприятия имели заводские совхозы, в которых производились овощи и мясо-молочные продукты. Так, например, флагман электрической промышленности СССР, Электрозавод, в 1931 г. получил от Моссовета в аренду 29 га земли под огороды для работников (Журавлев, Мухин 2004: 154). В те же годы московскому заводу «Серп и молот» были переданы овощной трест и продовольственная база (Маркевич, Соколов 2005: 141). Продовольственная база Кировского завода в 1932 г. включала в себя кролиководческий коопхоз, совхоз «Пролетарский труд» с 3 762 га земли, рыболовецкие артели на Финском заливе и на Чудском озере, подшефный совхоз «Красный фронтовик» в Опочецком районе (Костюченко и др. 1966: 422). В 1934 г. из всего количество овощей, полученных рабочими тяжелой промышленности, 78 % приходились на овощи, выращенные в хозяйствах при предприятиях; по мясу этот показатель был ниже – 37 % (Нейман 1935: 268).

Снабжение рабочих продовольственными товарами давало руководству предприятий дополнительные рычаги

для контроля над трудовым коллективом, но исследователи С. Журавлев и М. Мухин (2004: 156) справедливо отмечают:

...Ликвидация в середине 1930-х гг. карточной системы, последующее неминуемое в условиях открытой торговли уменьшение зависимости работников от заводской системы распределения и дополнительного снабжения нарушило сложившийся баланс «взаимных интересов», выбило из рук государства и заводской администрации мощный рычаг экономического воздействия на рабочих.

Годы индустриализации в Советском Союзе характеризовались большой текучестью рабочей силы. Миллионы крестьян, приехавших в город, сменяли одно предприятие за другим в поисках лучшего места. В своей речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин (1951: 56) отметил текучесть рабочей силы в качестве одного из главных факторов, дестабилизирующих производство:

Раньше, в период восстановления промышленности, когда техническое оборудование было у нас несложное, а масштабы производства невелики, — можно было кое-как «терпеть» так называемую текучесть рабочей силы. Теперь — другое дело. Теперь обстановка изменилась в корне. Теперь, в период развернутой реконструкции, когда масштабы производства стали гигантскими, а техническое оборудование до крайности сложным, — текучесть рабочей силы превратилась в бич производства, дезорганизующий наши предприятия. «Терпеть» теперь текучесть рабочей силы — значит разложить нашу промышленность, уничтожить возможность выполнения производственных планов, подорвать возможность улучшения качества продукции.

Многие из крестьян, приехавших устраиваться на заводы в города, не порывали окончательно своих связей с деревней. Вчерашние крестьяне воспроизводили многолетний опыт отходничества, работая несколько месяцев в городе, после чего возвращались в деревню на уборочные рабо-

ты. По официальной статистике, количество отходников в 1928/29 г. составило 4 млн 283 тыс. человек, из которых 403 тыс. занимались сельскохозяйственными промыслами (Вопросы труда... 1930: 34).

Само слово «пролетариат» нельзя трактовать сугубо формально, предполагая, что все русские рабочие жили исключительно за счет продажи своей рабочей силы. В 1918 г. в среднем 31,3% всех рабочих РСФСР имели землю. У горнозаводских рабочих этот показатель достигал 44,4%, а в Петрограде он был, наоборот, наиболее низок – 17,2% (Постников, Фельдман 2009: 100–101). Спустя десятилетие Советской власти рабочие не спешили избавляться от земельных наделов. По оценке советского историка А. Рашина (1930: 25), в 1928 г. 25% советских фабрично-заводских рабочих имели землю в сельскохозяйственном пользовании. Деревня для многих рабочих оставалась тыловой базой, позволявшей им в случае ухудшения условий жизни и работы в городе вернуться в село. Естественно, это не способствовало созданию крепких трудовых коллективов на промышленных предприятиях. Перед администрацией остро вставали вопросы: как удержать работника и стимулировать его к качественному труду?

Для борьбы с «летунами» руководство многих заводов вырабатывает ряд инициатив по закреплению работников на предприятии, и важнейшую роль в этом деле сыграло предоставление жилья. В процитированной выше речи Сталина содержалось прямое указание на необходимость улучшения снабжения и жилищных условий рабочих для закрепления их на предприятии (Сталин 1951: 59). Особую ставку Сталин предлагал делать на группу наиболее квалифицированных рабочих, которым необходимо поднять уровень зарплаты и выдвинуть вверх на руководящие должности: «...Ведущие группы рабочих составляют основное звено производства. Закрепить их за предприятием, за цехом – значит закрепить весь состав рабочих, подорвать в корне текучесть рабочей силы» (58).

Основа жилищной политики перед началом индустриализации была изложена в постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. В этом документе закреплялось приоритетное право местных Советов возводить жилье для рабочих в крупных городах. В тех же районах, где у Советов не было больших средств для осуществления жилищного строительства, возведением жилья должны были заниматься местные фабрики и заводы, предприятия транспорта.¹

В годы первых пятилеток предприятия занимались активным строительством жилья для рабочих. Строились в основном бараки и общежития, но к концу 1930-х гг. увеличилась доля благоустроенного жилья с основными коммуникациями (электричество, водопровод, канализация, центральное отопление). Получить подобное жилье могли особо отличившиеся работники (например, стахановцы) или основные руководящие кадры предприятия: директор, главный инженер. Места в бараках и общежитиях распределялись, прежде всего, среди самых социально незащищенных слоев рабочих: живущих в подвалах и землянках; не имеющих постоянной жилой площади; нуждающихся в замене жилья по рекомендации врача. Жилье строилось не только на средства предприятия, но и преимущественно через государственные капиталовложения. Из секретной справки Центрального статистического управления (ЦСУ) на имя первого заместителя председателя Совета министров СССР Л. Кагановича нам известно соотношение ведомственного и муниципального жилья в 1940 г. На этот год весь обобществленный городской жилищный фонд составлял 167,2 млн кв. м, из них различным ведомствам принадлежало 75,1 млн кв. м, а местным Советам — 92,1 млн кв. м (Справка... 2003: 175). При чем это соотношение резко дифференцировано по городам: в крупных административных центрах (Москва, Ленинград, Киев, Ростов-на-Дону) преобладает жилье местных Советов,

¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 04.01.1928 «О жилищной политике». Гл. 1. п. 4.

а в новых индустриальных городах (Сталинград, Магнитогорск, Свердловск, Челябинск) львиная доля жилья находится в распоряжении местных предприятий.

Когда предприятие остро нуждалось в финансах для расширения жилищного строительства, государство предоставляло ему ссуды на льготных условиях. Так, в 1932 г. предприятие «Электрозавод» получило через Госбанк льготную ссуду в 500 тыс. рублей для строительства рабочего поселка в Измайлово. В 1928 г. жилой фонд завода составлял 13,4 тыс. кв. м; через десять лет, в 1938 г., эта цифра увеличилась до 27 тыс. кв. м без учета бараков. Всего в ведомственном жилье в 1938 г. проживали 6 846 рабочих завода вместе с семьями (Журавлев, Мухин 2004: 171–172). Учитывая общую численность работников на 1938 год (около 18 тыс. человек), в заводском жилье проживало более $\frac{1}{3}$ всех занятых на предприятии. Остроту жилищной проблемы, которая стояла перед предприятиями, ярко иллюстрирует эпизод, произошедший с председателем Госплана Н. А. Вознесенским. В 1938 г. он приехал в город Ефремов Тульской области, где располагался новейший по тому времени завод синтетического каучука. Гуляя по городу, Вознесенский обнаружил улицу, где рабочие этого же завода жили в землянках-мазанках, которые напоминали скорее «жилые коровники», чем человеческие жилища (Колотов 1974: 199–200).

В 1930-е гг. жилье становится важнейшим инструментом привлечения и удержания рабочих на заводе. В начале 1930-х гг. вышли постановления ЦИК РСФСР, которые четко закрепляли право предприятий выселять работников из ведомственного жилья за прогулы, нарушение трудовой дисциплины, уголовные преступления. При этом администрация не была обязана искать для уволенного альтернативное жилье и могла осуществить выселение в любое время года по истечении 15-дневного срока добровольного выселения.¹

¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.02.1931 «О порядке выселения из жилых помещений, находящихся в распоряжении предприятий

Важно отметить, что еще до косыгинской реформы предприятие могло направлять часть полученной прибыли в свои фонды. В 1923–1936 гг. на советских предприятиях существовал фонд улучшения быта рабочих и служащих. В него направлялись 9–11 % процентов от чистой прибыли предприятия.¹ В декрете СНК РСФСР от 26 мая 1925 г. было зафиксировано, что не менее 75 % средств из данного фонда должно направляться на строительство жилья для рабочих.² Остальные средства тратились на строительство больниц, домов отдыха, бань, школ, библиотек и т. д. (Кабе 1926: 616). Из фонда предприятия могли выдаваться долгосрочные льготные ссуды жилищно-строительным кооперативным товариществам, образованным из работников предприятия. В народе дома для рабочих, построенные на деньги предприятий в 1920-е гг., стали называться «фубрами» (от аббревиатуры ФУБР – фонд улучшения быта рабочих). Как правило, это были двух-трехэтажные кирпичные дома, выстроенные в конструктивистском стиле.

В 1931 г. постановление Совета труда и обороны СССР определяло, что тресты должны были оставлять предприятиям часть их прибыли, предусмотренную промфинпланом. При этом 50 % от сверхприбыли могли использоваться предприятием на улучшение быта рабочих и на индивидуальное премирование.³ В 1936 г. был создан фонд директора, кото-

промышленности и транспорта, лиц, прекративших работу в данных предприятиях».

Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.11.1932 «О порядке выселения лиц, уволенных за прогулы, из жилых помещений, предоставленных им в домах предприятий или учреждений».

¹ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О распределении прибылей государственных предприятий по балансам за 1929–1930 г. и за октябрь–декабрь 1930 г.»

² Постановление ЦИК, СНК СССР от 15.06.1927 «Положение о мерах содействия строительству рабочих жилищ».

³ Постановление Совета труда и обороны СССР от 2 декабря 1931 г. № 571 «О прибылях предприятий, входящих в объединения и тресты».

рый мог тратиться на строительство жилья, клубов, столовых для рабочих, индивидуальное премирование, на дополнительные капитальные работы и т. д. Утверждалась четкая граница в 4 % от полученной предприятием чистой прибыли в пределах утвержденного плана; 50 % от сверхплановой прибыли.¹ В случае, если работа предприятия по плану не предусматривала прибыли, фонд директора пополнялся на 3 % от экономии, полученной предприятием от заданного ему по плану снижения себестоимости, и дополнительно на 50 % от сверхпланового снижения себестоимости.² В общей сумме фонд директора не мог превышать 5 % от фонда заработной платы. Так, например, в 1928 г. на московском Электрозаводе выплаты из прибыли в социальный фонд предприятия составили 507 тыс. рублей (в среднем на одного работника приходилось 113–114 рублей, что было чуть больше среднемесячной зарплаты рабочего). Через пять лет отчисления в социальные фонды выросли до 8 688 тыс. рублей (около 480 рублей на работника в год, что составляло два с лишним среднемесячных оклада рабочего) (Журавлев, Мухин 2004: 163).

В годы Великой Отечественной войны фонд директора был упразднен, но в 1946 г. вновь восстановлен. В постановлении перечислялись четыре условия для отчислений в фонд: 1) выполнение планового задания; 2) производство продукции строго по установленному ассортименту; 3) выполнение задания по снижению себестоимости продукции; 4) выполнение плана по прибыли от реализации продукции. Размеры отчислений были скорректированы. В 1948 г. нормы отчисления в фонд директора составили 5 % от плановой прибыли и 45 % от сверхплановой для ряда отраслей тяжелой индустрии

¹ Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 19.05.1936 «О Фонде директора предприятия за счет прибылей».

² Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 19.05.1936 «О фонде директора в предприятиях, в которых государственным планом не предусмотрена прибыль».

(машиностроение, металлургия, угольная, нефтяная); для всех остальных – 2,5 % и 30 % (Дьяченко 1978: 428).

Говоря о прибыли, нужно заметить, что это понятие в плановом хозяйстве не тождественно прибыли при капитализме. Что это значит? В рыночной экономике основным мотивом деятельности всех экономических субъектов выступает максимизация прибыли – превращенной формы прибавочной стоимости, которая присваивается собственником средств производства в результате реализации на рынке произведенной продукции. В плановой экономике прибыль играет роль одного из учетных показателей, демонстрирующих эффективность работы предприятий (разница между выручкой в оптовых ценах предприятия и полной себестоимостью реализованной продукции). Основной мотив деятельности предприятий – выполнение директивного плана на основе государственного снабжения и реализации продукции. В результате выполнения плана каждым предприятием достигалась рентабельность всего народного хозяйства, в рамках которого интересы части должны подчиняться интересу целого, а не наоборот.¹ В плановом хозяйстве прибыль имеет условное, подчиненное значение, так как основывается на директивных ценах. Из расчетов экономиста В. Д. Белкина (2015: 286) следует, что в 1959 г. общая прибыль в народ-

¹ Сталин (1952: 24–25) писал: «Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10–15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действие закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами».

ном хозяйстве СССР, включая налог с оборота, составила 55 млрд рублей. Из них 30 млрд рублей (60 %) приходилось на легкую промышленность, и только 12,6 млрд рублей на тяжелую. Этот, на первый взгляд, парадокс обуславливался тем фактом, что цены на товары тяжелой промышленности были ниже стоимости их производства, а на товары легкой промышленности – наоборот, выше. С помощью диспаритета цен обеспечивалось изъятие прибавочного продукта из промышленности в пользу государственного фонда накопления и балансировка товарно-денежного покрытия. В условиях отсутствия эквивалентного обмена невозможно точно сказать, какие предприятия прибыльны, а какие нет.

В связи с тем, что в советской экономике сталинской эпохи прибыль для предприятия не была главной целью, а также ввиду крайне малого процента прибыли, который шел в фонд директора (4 %), данный фонд не играл какой-либо существенной экономической роли, так как почти весь прибавочный продукт, созданный рабочими, изымался государством. Хотя есть и другие мнения. Например, историк А. Островский (2010: 22) пишет о создании фонда директора: «Таким образом, был создан один из легальных источников накопления, сыгравший определенную роль в перерождении партийно-советской номенклатуры». Аргументов в подтверждение своей мысли Островский, к сожалению, не приводит. Интересные данные есть в статье А. Сметанина (2017). Исследователь сумел отыскать документы о фонде директора по отдельным предприятиям. На основе этих документов можно прийти к выводу о том, что формы распределения средств из фонда директора сильно варьировалось от предприятия к предприятию. Например, Управление культуры Пермского облисполкома в начале 1960-х гг. осуществляло строгий контроль за распределением средств местных предприятий («Ремпромкомбинат» и «Облкнигторг»). Учитывался каждый рубль. Но на другом предприятии Перми в конце 1950-х гг. инспекторы народного контроля зафиксировали факт направления части фонда директора в виде «материальной помощи» за год: директору – 2 500 руб., главному

инженеру — 2 500 руб., заместителю директора — 1 350 руб., бухгалтеру — 700 руб. (Сметанин 2017: 150).

В Центральном архиве Санкт-Петербурга я обнаружил интересные документы о результатах проверки использования фонда директора на ряде ленинградских предприятий (3-я государственная мебельная фабрика, заводы «Красный Гвоздильщик», имени 2-й пятилетки, «Красный инструментальщик»), осуществленной Комиссией советского народного контроля в 1937 г. По итогам проверки стало известно, что на всех проверенных предприятиях был осуществлен перерасход фонда директора в аванс будущей прибыли. Сумма перерасхода варьировалась от 64 тыс. до 300 тыс. рублей. Важно отметить тот факт, что администрация вышеуказанных предприятий тратила на строительство жилья для рабочих менее 10 % от фонда директора; значительная его часть шла на индивидуальное премирование. Премии размазывались по всему коллективу, но львиную долю получали работники заводууправления.¹ Таким образом, стоит признать, что под категоричным выводом Островского есть определенные основания, но для полного его подтверждения нужно привлечь более широкую источниковую базу.

Также интересно, на какие аспекты работы заводов обратили внимание члены комиссии. Их не интересовала формальная сверхприбыль, они изучали, прежде всего, ее источники — получена ли она за счет снижения себестоимости продукции, рационализаторства или достигнута в результате повышения цен на сырье, материалы и ассортимент продукции. Проверка показала, что администрация ряда заводов пошла именно по второму пути.

В 1955 г. на основе фонда директора возник фонд предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства, который обра-

¹ Документы проверки выполнения директорами предприятий постановления ЦИК и СНК СССР от 19 апреля 1936 года «О фонде директора предприятия за счет прибылей». // ЦГА СПб. Ф.Р-960. Оп. 7. Д. 396. Л. 7–9.

зовывался по нормативам от 1 до 6 % плановой и 30–50 % сверхплановой прибыли.¹ Нормативы отчислений в фонд предприятия были дифференцированы для разных отраслей: самые высокие, в 6 %, — для черной металлургии, угольной, нефтяной промышленности; 4 % — для химической промышленности, авиационной, автомобильной, тракторной и т. д.; 1 % — для министерств промышленных товаров широкого потребления, министерств продовольственных товаров. Образование фонда также ставилось в зависимость от четырех вышеуказанных условий — здесь никаких изменений не было. В начале 1960-х гг. фонды предприятий распространяются за рамки промышленности, они создаются в строительстве, снабженческих и сбытовых организациях, на предприятиях транспорта, связи и торговли, на хлебоприемных предприятиях, на коммунальных предприятиях и предприятиях бытового обслуживания населения, на предприятиях и судах флота рыбной промышленности, на машиносчетных станциях и фабриках механизированного учета, в проектных организациях, на киностудиях.²

Нацеленность Хрущева на децентрализацию системы управления народным хозяйством касалась не только министерств, но и предприятий. В 1955 г. вышли постановления Совета Министров СССР «О некоторых дополнительных правах министров СССР» и «О расширении прав директоров предприятий». Первое позволяло министерствам оставлять себе резерв капиталовложений в объеме до 5 % от общего объема капиталовложений, которые должны пойти на предприятия; резерв материалов и оборудования в пределах до 5 % от выделенных министерству фондов; использовать

¹ Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «Положение о фонде предприятия для улучшения культурно бытовых условий работников и совершенствования производства».

² Постановление Совмина СССР от 04.02.1961 № 99 «Об утверждении Положения о фонде предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства».

до 50 % сверхплановой прибыли предприятий и организаций для оказания временной финансовой помощи другим предприятиям и организациям министерства; разрешать предприятиям и организациям передавать другим государственным и кооперативным предприятиям и организациям излишние, неиспользуемые фондируемые материалы, оборудование и запасные части, не принятые соответствующими органами сбыта для реализации.¹

Второе постановление усилило автономию директора в распределении фонда предприятий, в сферах планирования и капитального строительства. Теперь он мог: утверждать развернутый техпромфинплан предприятия² по всем количественным и качественным показателям на основе годового плана; изменять в пределах квартала планы производства оборудования и изделий, кроме массовой продукции, при согласии заказчика осуществлять досрочную поставку или переносить срок поставки внутри квартала с извещением об этом сбытовой организации министерства (ведомства); устанавливать цены на продукцию и тарифы на услуги, на которые не имелось утвержденных цен и тарифов; утверждать на основе установленного предприятию годового (с поквартальной разбивкой) плана капитального строительства и ввода в действие новых мощностей месячные планы капитального строительства с последующим извещением об этом вышестоящей организации; вносить изменения в титульные списки строительства с соответствующим перераспределением средств по отдельным объектам (по

¹ Постановление Совмина СССР от 04.05.1955 № 863 «О некоторых дополнительных правах министров СССР».

² Техпромфинплан – комплексный текущий (годовой) план производственной, технической и финансовой деятельности, а также социального развития коллектива социалистического промышленного предприятия (объединения), конкретизирующий показатели перспективного (пятилетнего) плана и предусматривающий выполнение государственных плановых заданий с наибольшей эффективностью.

согласованию с подрядчиком), но без изменения объемов и сроков ввода в действие новых мощностей, с сообщением об этом вышестоящей организации.¹

В 1963 г. Хрущев направил в Президиум ЦК КПСС записку (Записка... 2008: 457), в которой утверждалось, что министерства и ведомства, получив право распоряжаться частью капитальных вложений, стали использовать их преимущественно на жилищное строительство:

Так, министром [среднего машиностроения СССР—М. Л.] т. Славским за 1960–1962 годы на жилищное строительство в Москве было выделено 21 миллион рублей и построено 148 тысяч квадратных метров жилой площади. Спрашивается, почему это происходит? Потому, что ему выделяют денежные средства для нужд обороны страны, считая, что министр сумеет правильно распорядиться этими средствами и использует их по прямому назначению, но из-за бесконтрольности часть выделенных средств он использует не по прямому назначению [...] Надо сказать, что такие факты есть не только в Москве. То же самое происходит и в столицах союзных республик, и ряде областных центров.

Хрущев полагал, что выделение капиталовложений в целом по отраслям и только крупным заводам, а не конкретным предприятиям, приводит к распылению ресурсов и их использованию на непроизводительные цели. Только в одной Москве в 1960–1962 гг. было построено почти 10 млн кв. м жилой площади при запланированных 6,8 млн кв. м. За счет средств, выделенных министерствам, было построено 2,8 млн кв. м (457).

Все вышесказанное крайне важно учитывать для понимания тех экономических процессов, которые предшествовали

¹ Постановление Совмина СССР от 09.08.1955 № 1430 «О расширении прав директоров предприятий» (вместе с «Положением о фонде предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства»).

косыгинской реформе. В уже упомянутой справке ЦСУ от 1953 г. можно обнаружить интересный факт – именно в конце 1940-х гг. ведомственный жилищный фонд¹ стал превалировать над жилищным фондом местных Советов. За 12 лет ведомственный жилищный фонд вырос на 78 %.

Жилищный фонд местных Советов, министерств и ведомств за 1940–1952 гг. (в млн кв. м)

	Весь городской обобществленный жилищный фонд	Жилищный фонд местных Советов	Жилищный фонд министерств и ведомств
1940 г.	167,2	92,1	75,1
1945 г.	158,3	81,5	76,8
1950 г.	203,0	86,5	116,5
1952 г.	221,9	88,6	133,3

Источник: Справка... 2003: 175.

Таким образом, в советской жилищной политике присутствовало явное противоречие. В постановлении от 1928 г. говорилось о приоритете строительства муниципального жилья, в то время как к 1940 г. ведомственное жилье по площади приближалось к муниципальному, а в конце 1940-х гг. превзошло его. Чем это объясняется? Советские власти в годы индустриализации столкнулись с острой необходимостью сформировать устойчивые заводские коллективы. Стране был необходим новый тип квалифицированного рабочего, полностью осевшего в городе. Предоставляемое

¹ Важно учитывать, что в ведомственный жилищный фонд включались дома не только промышленных предприятий, но и жилье, принадлежащее различным ведомствам: морского и речного флота, связи, сельского хозяйства и заготовок и др.

рабочему муниципальное жилье фактически не возлагало на него никаких обязательств, в то время как место в заводском общежитии или бараке привязывало его к предприятию. Это была вынужденная мера, обусловленная превращением СССР в индустриальную державу.

Городские Советы располагали меньшими ресурсами, чем бурно развивавшиеся промышленные предприятия (Хоффман 2018: 88–89). Политика индустриализации определяла не только основные направления государственных капиталовложений, но и формы ведения жилищного строительства. Завод становился для рабочего не просто местом работы, но и источником получения большинства благ и услуг. В условиях милитаризации общества и подготовки к войне со второй половины 1930-х гг. государство стало перекладывать социальное обеспечение рабочих исключительно на фонды предприятий. Исследовательница В. Тяжельникова (2003: 105) отмечает:

Суть произошедших после 1940 г. изменений состояла в том, что завод превратился в закрытую систему. Это был факт социальной жизни, основной итог форсированной индустриализации. В условиях постоянных перебоев на потребительском рынке, закрыв заводские ворота, государство переложило на предприятие всю совокупность социальных рисков, связанных с поддержанием рабочей силы.

Из приведенных данных очевидно, что уже в конце 1940-х гг. имела место тенденция к расширению сети социальных ведомственных объектов, при этом строительство ряда объектов шло вразрез с планами правительства. Ключевой вопрос состоит в том, чем это было вызвано. На мой взгляд, объяснить это явление невозможно, не коснувшись проблемы возрастания текучести рабочей силы после завершения войны. Об этом свидетельствует увеличение с 1946 г. числа осужденных по Указу от 20 июня 1940 г. (Земсков 1990: 45). Судя по косвенным фактам, уже в этот период обостряется конкуренция за рабочую силу между министерствами.

Неслучайно в процитированной выше записке Хрущева (Записка... 2003: 457) упоминается также министр угольной промышленности Д. Оника:

В свое время, когда министром угольной промышленности был тов. Оника [1946–1947 гг. – М. Л.], он поступал как разгулявшийся на ярмарке богатый купец, который разбрасывал серебро девушкам, а те хватали, кто сколько успеет. Так и он. Попросят клуб – пожалуйста, кинотеатр – пожалуйста, театр, стадион – тоже можно. Одним словом, действовал с купеческим размахом. А ведь средства предназначались на строительство шахт, обогатительных фабрик, на развитие угольной промышленности.

Оника, естественно, не был купцом по своему менталитету, он руководствовался вполне прагматичными мотивами: процент текучести рабочей силы в угольной промышленности был одним из самых высоким по всему народному хозяйству (Фильцер 2011: 225), в связи с чем путем активного строительства социальных объектов министр, вероятнее всего, попросту хотел закрепить кадры на шахтах, откуда рабочие массово уходили в поисках менее тяжелой работы. С 1948 г. до середины 1950-х гг. текучесть рабочей силы вновь ослабевает, что связано с восстановлением страны и налаживанием продовольственного снабжения городов.

В 1951 г. указом Президиума Верховного Совета СССР судебная ответственность за прогулы, кроме неоднократных случаев, была заменена мерами дисциплинарного и общественного воздействия.¹ А уже в 1956 г. была полностью упразднена действовавшая с 1940 г. судебная ответственность в отношении самовольного оставления работы, опозданий

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия».

и прогулов (от 2 до 4 месяцев тюремного заключения в зависимости от правонарушения).¹ Это решение стало частью хрущевской «оттепели», нацеленной на повышение роли экономического фактора в трудовой мотивации. После отмены уголовных наказаний мы можем наблюдать рост текучести рабочей силы, прежде всего, в тяжелой промышленности (угледобыче, металлургии, машиностроении) и строительстве; в географическом отношении лидировали Западная Сибирь и Дальний Восток. Основными причинами ухода рабочих были отсутствие жилья, плохие условия труда, низкая зарплата (Filtzer 1992: 50). Если рассматривать женщин, занятых в промышленности, то ведущей причиной их увольнения было отсутствие при заводах учреждений по уходу за детьми. Для администрации предприятий это было серьезной проблемой, так как они лишались квалифицированных работниц. Так, например, на комбинате «Вождь пролетариата» в Егорьевске в 1961 г. на каждую сотню работающих женщин приходилось 8 мест для детей в детском садике. Из-за нехватки мест в детских садах с комбината уволилось 470 квалифицированных работниц (Малахова 1969: 16). Во второй половине 1960-х гг. в Кузбассе 60 % процентов неработающих женщин трудоспособного возраста не могли выйти на работу из-за отсутствия мест для их детей в детсадах (Filtzer 1992: 63). Подобная же ситуация сложилась в Красноярском крае и Новосибирской области.

Непосредственно перед косыгинской реформой, в 1964 г., из фондов предприятий по всем отраслям промышленности СССР на удовлетворение социально-культурных потребностей было направлено 380 млн рублей, что составило 6 рублей в расчете на одного работника в год (Милюков 1974: 225). К концу 1960-х гг. на одного работника приходилось от 40 до 70 рублей (227).

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины».

Средства поощрительных фондов промышленных предприятий (в млн рублей)

	1950 г.		1960 г.	
	Исполь- зовано	Остаток на конец года	Исполь- зовано	Остаток на конец года
Всего	224	156	690	333
1. Фонд предприятия для улучшения культурно- бытовых условий и совершенствования производства	92	73	447	236
В том числе: на внедре- ние новой техники, на строительство ново- го жилищного фонда предприятия сверх плана капитальных вложений	42	48	253	169
На выдачу индивидуаль- ных премий, на улучше- ние культурно-бытового обслуживания	50	25	194	67
2. Фонд ширпотреба из отходов	8	13	59	40
3. Премии, присужден- ные предприятиям по соцсоревнованию	50	6	94	16
4. Прочие фонды	74	64	90	41

Источник: Народное хозяйство... 1962: 758.

Из данной таблицы мы видим, что поощрительные фонды промышленных предприятий выросли за десятилетие в несколько раз, но они все равно составляли крайне небольшую

сумму по сравнению с расходами государственного бюджета на социально-культурные мероприятия. В 1960 г. последние составили почти 25 млрд руб. при доходах в 77,1 млрд руб. (Народное хозяйство... 1962: 761). Расходы промышленных предприятий, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций на социально-культурные мероприятия составили за 1960 г. 4,3 млрд руб. (591). Сложность с изучением статистики до 1965 г. состоит в том, что фонд предприятия был общим источником как финансирования жилищного строительства, так и модернизации производства. В приведенной таблице расходы на внедрение новой техники и жилищное строительство объединены в одной графе. В связи с этим неизвестно, в какой пропорции распределялись указанные средства. Я обнаружил более детальную статистику по конкретным предприятиям Ленинграда. Эти цифры, конечно, нельзя экстраполировать на всю экономику, но на определенные мысли они навести могут. Так, например, на заводе № 130 Ленрадиопрома в 1958–1959 гг. фонд предприятия распределялся следующим образом:

Распределение фонда предприятия завода № 130 Ленрадиопрома в 1958–1959 гг.

	Расходы (в рублях)
1. На совершенствование производства	
В том числе:	
А) На постройку 2-го жилого малоэтажного дома	350 000
Б) Долевое участие в постройке общей котельной для жилых домов	70 000
В) На приобретение оборудования и инвентаря	24 069
Итого:	444 069
2. На культурно-бытовые нужды	75225
3. На премирование	256471

Источник: Смета расходов за счет фонда предприятия на 1958–1959 гг. по заводу. // ЦГА СПб. Ф. Р-3068. Оп. 2-1. Д. 43. Л. 1-3.

Из другого примера также видно, что деньги на закупку оборудования направлялись по остаточному принципу. Распределение фонда предприятия за первое полугодие 1964 г. на предприятии № 508, входившем в ПО «Радиодеталь»:

Распределение фонда предприятия № 508 в 1964 г.

	Остаток на 1 января 1964 г. (в руб.)	Поступило за 6 месяцев 1964 г.	Использовано
А) На закупку новой техники и модернизацию оборудования	11800	13800	170
Б) На жилищное и культурно-бытовое строительство, а также на ремонт жилого фонда	76853	27600	51093
В) На индивидуальное премирование, на улучшение культурно-бытового обслуживания	23600	27600	39322

Источник: Смета по фонду предприятия. // ЦГА СПб. Ф. Р-3068 Оп. 1-2. Д. 406. Л. 6.

Стоит отметить, что с момента возникновения Советской власти предприятия в условиях кризиса снабжения городов стали брать на себя социальные функции обеспечения своих работников самым необходимым — продовольствием и одеждой. С жильем ситуация обстояла намного сложнее: первоначально у заводов не было средств для ведения массового жилищного строительства. В 1930-е гг. значительная часть государственных капиталовложений идет на строительство не муниципального, а ведомственного жилья. Заводской патернализм в раннем СССР стал следствием переплетения как экономических, так и идеологических причин (в частности, ставки на производственный коллективизм). Государ-

ство в силу острой нужды перекладывало на администрацию предприятий функцию заботы о собственных рабочих, а руководство заводов, в свою очередь, пыталось бороться с огромной текучестью кадров путем предоставления работникам дополнительных материальных льгот помимо заработной платы — продовольственного снабжения, предоставления в пользование земельного участка, обеспечения жильем и др.

В конце 1930-х гг. на первый план в борьбе с текучестью кадров выходят идеологические и репрессивные меры. Страна готовится к войне, в связи с чем государство концентрирует в своих руках все ресурсы, а фонд директора упраздняется. После войны продолжают действовать уголовные наказания за самовольное оставление работы. Проблема «летунов» обострилась в связи с либерализацией рабочего законодательства в 1956 г. Для решения данной проблемы министерства попытались привлечь дополнительную рабочую силу с помощью расширения жилищного строительства. Этому способствует децентрализация системы управления экономикой, на которую идет Хрущев. В период косыгинских реформ развитие заводского патернализма получило новый импульс.

II. РЕАЛИЗАЦИЯ КОСЫГИНСКОЙ РЕФОРМЫ

ЭКОНОМИЧЕСКУЮ реформу середины 1960-х гг. необходимо рассматривать в контексте хрущевских преобразований. Административная реформа Хрущева, начатая в 1957 г., была нацелена на переустройство системы управления экономикой страны на основе территориального принципа. Никита Сергеевич обосновывал свои действия стремлением связать интересы производства и регионов, тем самым стимулируя инициативу на местах. Разветвленная система отраслевого управления экономикой (30 союзных и 21 союзно-республиканское министерство), по мнению Хрущева, не могла больше обеспечивать должную оперативность в решении важных хозяйственных вопросов (Хрущев 1957: 74). Взамен отраслевых министерств создавались совнархозы; вся страна делилась на 105 экономических районов. Но после двух лет быстрого роста обнаружились серьезные проблемы в новой структуре управления, связанные с ростом местничества. Совнархозы замыкались в рамках интересов своих регионов, слабо координируя деятельность с общими целями развития страны. В ответ на это еще при Хрущеве началась рецентрализация системы управления:

в 1962 г. 105 совнархозов были объединены в 43, а в качестве руководящего экономического органа был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) (Левин 2008: 362–363).

Хрущев приписывал себе борьбу против разрастания бюрократии в министерствах. Действительно, в результате упразднения ряда министерств в 1960 г. аппарат государственного и хозяйственного управления сократился на $\frac{1}{3}$ по сравнению с 1950 г. (Народное хозяйство... 1965: 476–477), хотя и возобновил рост после 1960 г. В связи с этим совершенно закономерно, что поход Хрущева против набравших силу министерств, а в дальнейшем – попытка разделить партию по территориальному принципу (город и село), настроили советскую бюрократию резко против реформатора (Ольсевич, Грегори 2000: 39–40). Семилетка и организационные реформы в значительной степени дезорганизовали народное хозяйство, что прямым образом отразилось на темпах роста национального дохода и производительности труда, которые стали падать с конца 1950-х гг. (Народное хозяйство... 1971: 59). Общее недовольство Хрущевым ярко выразил М. Сулов на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964: «Хрущев буквально страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо верил в какую-то магическую, таинственную силу. А на деле эти перестройки и реорганизации лишь бесцельно дергали людей, сеяли среди них чувство растерянности, неуверенности» (Хрущев 2007: 246).

В октябре 1964 г. Хрущев был смещен с должности первого секретаря ЦК КПСС. Его смещение вовсе не означало полного прекращения реформ. Преобразования, следовавшие после снятия Никиты Сергеевича, носили двойственный характер – они как восстанавливали прежние институты управления, так и подразумевали некоторые нововведения. В 1965 г. были ликвидированы совнархозы, а на их месте были созданы отраслевые министерства. Как справедливо отмечает исследователь Ю. Павленко, безболезненный возврат к министерствам был во многом обусловлен тем, что организационная структура совнархоза – небольшие региональные

отраслевые министерства — полностью копировала прежнюю структуру управления (Воробьев и др. 1993: 189–190). Поэтому Брежневу и Косыгину не пришлось ничего создавать с нуля. Возрождение отраслевого управления стало отрицанием «волютаристского курса» Хрущева. Но сама дискуссия о новых методах экономического стимулирования началась еще до снятия Никиты Сергеевича (Белкин 2013: 37). На XXII съезде КПСС Хрущев говорил (XXII съезд... 1962: 206):

Мы должны поднять значение прибыли, рентабельности. В интересах лучшего выполнения планов надо дать предприятию больше возможностей распоряжаться прибылью, шире использовать ее для поощрения хорошей работы своего коллектива, для расширения производства. Большое значение имеет разработка и внедрение форм коллективного стимулирования с тем, чтобы материально заинтересовать каждого работника не только в результатах своей работы, но и в результатах всего коллективного труда.

После XXII съезда КПСС на страницах главных советских газет («Правда», «Известия») развернулась экономическая дискуссия, которая сводилась к вопросу: как заинтересовать предприятия брать более напряженные планы? Среди ее участников были В. Немчинов, О. Антонов, М. Бор, Л. Гатовский, Е. Либерман (Мау 1990: 115) и другие экономисты. Наибольшую известность среди них приобрел, безусловно, харьковский экономист Либерман. В сентябре 1962 г. в «Правде» вышла его статья «План, прибыль, премия», которая стала своего рода теоретическим манифестом экономической реформы 1965 г.

Как свидетельствует экономист В. Белкин, работавший в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ), организационная подготовка реформы проводилась с начала 1960-х гг. в Госэкономсовете, который возглавлял А. Засядько. После расформирования этого органа в ноябре 1962 г. подготовкой реформы занимались Госкомитет по науке и технике во главе с Л. А. Ваагом и Академия наук (Белкин 2003: 389–390).

Финальную работу по подготовке реформы выполняла специальная комиссия при Совмине, созданная после Пленума ЦК КПСС в ноябре 1964 г. В эту комиссию вошли: А. Бачурин, заместитель председателя Госплана СССР; Л. Гатовский, директор НИИ экономики Госплана; Б. Сухаревский, заместитель председателя Госкомитета по труду и социальным вопросам; и экономисты А. Ефимов, К. Плотников, Г. Со рокин (Фирсов 2004: 172–173). Формальными основаниями для начала реализации экономической реформы стали два постановления ЦК КПСС и Совмина СССР, вышедшие осенью 1965 г.¹

Приведенные факты говорят о том, что еще до 1965 г. высшее партийное руководство прорабатывало возможные варианты реформ. Реформа была не индивидуальным опромечивым творением Косыгина или Либермана,² а результатом коллективной работы крупнейших советских экономистов и хозяйственников на протяжении нескольких лет (Гриненко 1997: 72–73). Интересно, что в одной из своих последних книг сам Либерман (1970: 8) подчеркивал, что западные СМИ сильно преувеличили роль отдельных экономистов в подготовке реформы. Спустя 50 с лишним лет в публикациях некоторых консервативных публицистов роль Либермана в проводившихся реформах приобретает даже несколько мефистофельские очертания. Почему-то утверждается, что он эмигрировал в США (Антонов 2005), хотя Евсей Григорьевич умер

¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 30.09.1965 № 728 «Об улучшении управления промышленностью». // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 73–83; Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 04.10.1965 № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 791. Л. 84–118.

² Исследовательница Л.Н. Лазарева в своей работе о косыгинской реформе справедливо замечает, что концепция Либермана была сформирована в середине 1950-х гг. Советские экономисты активно обсуждали его идеи уже в тот период. См.: Реформы... 2016: 485.

от инфаркта в 1981 г. в Харькове. На самом деле, влияние экономистов-теоретиков на Косыгина сильно преувеличено. Как отмечают практически все, кто работал с премьером, он был далек от того, в теоретические проблемы экономики, и всегда опирался на знания и опыт практиков (Фирсов 2004: 172, Гриненко 1997: 72–73). Исследовательница Л. Н. Лазарева (2011: 128) пришла к важному выводу:

...При работе над реформой шли не от теории – к практике, а наоборот, А. Н. Косыгин, в первую очередь, доверял именно экономистам-практикам. А «теоретикам» предоставлялась возможность лишь подводить базу под тем, что было «нашупано» в хозяйственной деятельности предприятий нового и, как казалось, удачного.

На мой взгляд, при изучении хода подготовки реформы крайне важно обращать внимание на те процессы, которые происходили на низовом уровне экономической системы – предприятиях. С 1930-х гг. директорский корпус стремился к получению большей автономии. Но в тот период государство эти устремления успешно подавляло. В 1960-е гг., в связи с активным формированием в советской системе полузакрытых корпораций на базе министерств, директорский корпус смог частично реализовать свое желание автономии. Таким образом, идеи, изложенные Либерманом и другими советскими экономистами, не определили вектор развития реформ. Они стали лишь теоретическим обобщением процесса ведомственной децентрализации, который переживала в тот период советская экономика.

После прихода Брежнева к власти в 1964 г. Косыгин становится председателем Совета министров. С этого момента он выступает основным политическим защитником экономической реформы. Она стартовала после Пленума ЦК КПСС в сентябре 1965 г., основным докладчиком на котором был председатель Совета Министров (Косыгин 1979). Организационным центром экономических преобразований стала созданная при Госплане СССР Межведомственная комиссия

(МВК), работу которой фактически контролировал Косыгин (Ольсевич, Грегори 2000: 112). Именно МВК должна была выбрать первые предприятия, на которых должна была стартовать реформа; вырабатывать методические указания по переводу предприятий на новую систему экономического стимулирования; согласовывать нормы отчисления в фонды стимулирования; оценивать эффективность работы предприятия в новых условиях (Бабкина 2018: 65–68). Реформа реализовывалась постепенно.

Удельный вес предприятий, переведенных на новую систему хозяйствования в промышленности, в 1966–1969 гг. (в %)

Год	По объему продукции	По объему прибыли
1966	8	16
1967	37	50
1968	72	81
1969	83	91

Источник: Основы... 1971: 66.

К концу пятилетки она охватила практически всю промышленность, транспорт, предприятия бытового обслуживания и связи. Важно отметить, что для первого этапа проекта отбирались лучшие предприятия в своей отрасли (Реформы... 2016: 523). В рамках эксперимента выбранным предприятиям обеспечивали приоритетное финансирование и снабжение. Условия эксперимента были необъективны изначально: они не позволяли на старте увидеть, как по новым правилам работают средние и отстающие предприятия. Очевидно, организаторы пошли на это сознательно, желая представить предварительные результаты реформы в наилучшем свете.

Реформа базировалась на стремлении усилить производственную мотивацию низового экономического звена за счет увеличения его хозяйственной и финансовой

самостоятельности. В ответ на это предприятия должны были использовать все свои основные и оборотные фонды. Хронической проблемой для Госплана еще со сталинских лет было сокрытие ресурсов директорами предприятий. Речь не о непосредственных кражах; директора скрывали ресурсы из-за неритмичности их поставок на предприятия.

Практика сокрытия фондов усилилась в годы семилетки, когда были сильно урезаны функции Госплана. В 1959 г. планирование было разделено на два органа: Госэкономсовет занимался составлением стратегического проекта развития народного хозяйства на 20 лет, а также корректировкой семилетнего плана; на плечи Госплана ложились семилетний и годовые планы (Некрасов 2017: 83). Политику Хрущева по созданию двух параллельных органов исследователь В. Л. Некрасов (78) назвал «институциональной конкуренцией», имея в виду порядок, обеспечивающий конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач. Вследствие организационной чехарды Госплан частично утратил учет и контроль над фондами предприятий. Советские экономисты Т. Иоффе и В. М. Кудров писали (Современное состояние... 1967: 26–27):

Сверхнормативные запасы сырья на предприятиях огромны. [...] Велики и запасы неустановленного оборудования в СССР, которые лишь за 1961–1964 гг. увеличились на 1,3 млрд рублей. По имеющимся оценкам, запасы неустановленного оборудования в СССР составляют 6 млрд рублей, запасы товаров в розничной и оптовой торговли – 35 млрд рублей, или 18 % от национального дохода, в США же – 30 млрд долларов, или 8,5 % от национального дохода.

Сокрытие фондов было вызвано практикой выработки плана от достигнутого уровня. Если предприятие значительно перевыполняло план, то в следующую пятилетку план увеличивался, т. е. отталкивался от достигнутого ранее уровня, увеличенного на небольшой процент от прироста производства.

Поэтому руководство предприятий старалось скрыть часть производственного фонда, чтобы получить небольшой план и использовать для его выполнения скрытые ресурсы (Косыгин 1979: 336–337). Выполнение плана означало премии для коллектива и возможное повышение по карьерной лестнице для руководства. С появлением в послевоенные годы сотен новых предприятий и целых министерств Госплан все с меньшим успехом мог учитывать ресурсы каждого предприятия. Советские экономисты стали размышлять над тем, как заинтересовать трудовой коллектив предприятия работать больше и лучше.

В качестве средства борьбы с сокрытием фондов увеличилась хозяйственная самостоятельность промышленных предприятий за счет снижения плановых показателей (с 30 до 9¹) и изменения главного индикатора эффективности работы предприятия с валовых показателей и снижения себестоимости на прибыль и рентабельность по отношению к стоимости основных и оборотных фондов. Предприятие теперь могло определять детальную номенклатуру и объемы выпускаемой продукции, рост производительности труда, проводить нецентрализованные капиталовложения, контролировать численность работников и их среднюю заработную плату.

Таким образом, по задумке реформаторов, предприятие теперь должно было быть заинтересовано вскрывать свои резервы и брать более напряженные планы. В статье «Еще раз о плане, прибыли и премии» Либерман (1964) писал:

Полезно заметить, что речь идет не о реформе показателей, а о реформе взаимоотношений предприятий с народным хозяйством. Поэтому странно, когда спорят о том, что лучше — норма-

¹ Оставались следующие показатели: объем реализуемой продукции, важнейшие виды продукции в натуральном выражении, общий фонд заработной платы, прибыль, рентабельность, платежи в бюджет, объем централизованных капитальных вложений и ввод за их счет основных фондов, основные задания по внедрению новой техники, показатели по материально-техническому снабжению (Методические указания... 1966: 6).

тивная стоимость обработки, например, или прибыль? Прибыль должна выступать как общая, конечная мера эффективности.

При этом необходимо отметить, что натуральные показатели сохранялись по «важнейшей номенклатуре изделий». Межведомственная комиссия не устанавливала конкретный перечень «важнейших изделий» – их должны были определять министерства. Формальная лазейка оставила в руках министерств рычаги контроля за ассортиментом товаров, которые выпускало предприятие (Либерман 1970: 33).

В качестве еще одной меры борьбы с накоплением предприятиями ресурсов про запас была введена плата за фонды, составившая в среднем 6 % от прибыли (Ольсевич, Грегори 2000: 43). Если раньше предприятия рассматривались как часть государственной собственности и платы за пользование фондами не было, то после реформы завод, при сохранении формального статуса государственного предприятия, был вынужден платить государству процент с прибыли за использование фондов. По задумке, теперь предприятию должно было быть невыгодно иметь лишние неиспользуемые ресурсы, так как за них пришлось бы платить. На деле же данный шаг, как и вся реформа, привел к размыванию института государственной собственности, способствуя постепенному выделению из нее собственности групповой.

III.

ФОНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ

ВАЖНОЙ частью косыгинской реформы стало усиление мотивации трудящихся за счет роста материального стимулирования.¹ Государство лишь определяло общий размер фонда заработной платы, а его распределение осуществлялось администрацией предприятия. По задумке реформаторов, экономическая реформа должна была предоставить руководству заводов возможность увольнять часть сотрудников, увеличивая зарплату оставшимся. Подобная мера была реализована в ходе эксперимента на Щекинском химкомбинате в 1967 г. (Правда 1969). На этом предприятии

¹ Есть свидетельства, что на Косыгина повлиял экономический опыт Югославии. В своем интервью заместитель председателя Госплана СССР А.В. Бачурин рассказывал: «Мне хорошо были видны серьезные недостатки директивного планирования. И вот в 1963 г. меня в составе группы экономистов направляют в Югославию для изучения опыта сочетания рыночной системы с индикативным планированием. Вы помните, что у Хрущева были хорошие отношения с Тито, обстановка для поездки была благоприятная. Приезжаем в социалистическую страну и видим магазины, полные всяких товаров, а доходы у населения выше наших. По возвращении подготовили записку, на которую, видимо, обратил внимание Косыгин» (Ольсевич, Грегори 2000: 111).

были введены новые нормативы, расширена зона обслуживания, механизированы трудоемкие работы, а рабочие стали совмещать несколько профессий (токарь и наладчик, основной и ремонтный рабочий). За счет данных мер в течение двух лет производительность труда увеличилась на 87%, объем выпуска – на 80%, а количество работников сократилось на 870 человек. Зарплата уволенных распределялась среди оставшихся работников. В дальнейшем практика увольнений не получила широкого распространения – во многом потому, что она остро ставила вопрос о возможной безработице (Arnot 1988: 136–137). В советской литературе утверждалось, что уничтожение безработицы стало одним из важнейших достижений советского социализма с начала 1930-х гг. (БСЭ 1950: 393). Реформа могла поставить это достижение под сомнение.

Либерман (2016: 425) писал: «Важно связать воедино коллективную и индивидуальную материальную заинтересованность. Пусть предприятие имеет побольше свободы в использовании „своей“ части прибыли!» На практике эта идея привела к созданию на базе фонда предприятия трех фондов экономического стимулирования: фонда материального поощрения, фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и фонда развития производства.¹ Первый шел на премиальные выплаты рабочим и служащим или на одноразовые выплаты в связи с острой необходимостью; за счет второго предполагалось улучшать культурно-бытовые условия жизни рабочих; третий направлялся на технологическое обновление производства. Формирование первых двух фондов происходило из отчислений от прибыли в процентах к фонду заработной платы по групповым нормативам, т. е. за каждый процент роста реализованной продукции и рентабельности. Фонд развития производства зависел от прибыли, амортизационных отчислений и выручки от реализации из-

¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

лишнего имущества, входившего в состав основных фондов (Методические указания... 1966: 19).

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров специально оговаривалось: если фонд материального стимулирования не истрачен полностью, его остатки переходят на следующий год и не изымаются государством.¹ Распределение фонда материального поощрения осуществлялось в ходе переговоров между администрацией предприятия и профсоюзной организацией. Как было указано выше, наполнение фондов стимулирования напрямую зависело от роста реализованной продукции и рентабельности. Если план по прибыли и реализованной продукции не выполнялся, то отчисления в фонды все равно производились, но в пониженных размерах. При этом определялся нижний барьер, ниже которого фонды стимулирования падать не могли даже в случае полной убыточности завода, — 40 % от запланированных показателей (Методические указания... 1966: 15). В этом заключалось одно из главных отличий фондов экономического стимулирования от, к примеру, фонда директора, который вообще мог быть равен нулю, если не выполнялись четыре основных условия. Важнейшее условие наполнения фонда директора прежних лет — снижение себестоимости — после косыгинской реформы при образовании фондов не учитывалось. Важно отметить динамику роста части прибыли, остававшейся предприятию:

Распределение прибыли промышленных предприятий в 1965–1990 гг. (в %)

	1965	1970	1975	1980	1985	1990
<u>Получено прибыли — всего</u>						
Из нее:	100	100	100	100	100	100

¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

внесено в бюджет	71	62	58	60	58	48
Оставлено предприятиям						
в том числе:	29	38	42	40	42	52
направлено на капитальные вложения	9	13	10	4	5	—*
отчислено в фонды экономического стимулирования	6	14	17	17	15	39
направлено на увеличение собственных оборотных средств и на финансирование плановых убытков	—	4	5	3	2	—
использовано на другие цели (погашение долгосрочных ссуд банков, уплата процентов по кредитам)	14	6	10	16	20	—

Составлено автором на основе следующих источников: Народное хозяйство... 1971; Народное хозяйство... 1984; Народное хозяйство... 1987; Народное хозяйство... 1989. Данные относятся только к предприятиям и хозяйственным организациям, получившим прибыль.

* Информация по графам с прочерком отсутствует в советских статистических сборниках с 1988 г.

Из вышеприведенной таблицы видны две основные тенденции — резкий рост доли прибыли, оставляемой предприятию, в годы реформ (1965–1970 гг., 1987–1990 гг.) и стабильные 40 % (плюс-минус 2 %) во временном промежутке 1970–1985 гг. 1987–1988 гг. стали важной границей, ознаменовавшей резкий рост части прибыли, оставляемой предприятию, — она поднялась с 45 до 52 % (Народное хозяйство... 1989: 618). Ее большая доля (81 %) направлялась в фонды экономического стимулирования. Это было чревато проблемами для всего народного хозяйства. Так, многолетний председатель Госплана Н. Байбаков писал в своих воспоминаниях (2011: 168):

В чем же причина неудачи реформы [1965 г. — М. Л.]? [...] Прежде всего, неправильно был решен вопрос о разграничении функций государства, его центра, с одной стороны, министерств и респу-

блик — с другой. На практике это привело к тому, что средства, доходная часть бюджета ушли на предприятия, а расходы остались за государством.

Если рассмотреть динамику расширения фондов экономического стимулирования в денежных показателях, то рост представляется еще более серьезным.

Средства фондов экономического стимулирования промышленных предприятий (в млн руб.)

	1970		1980		1985		1987	
	Израс- ходова- но	Оста- ток на конец года	Израс- ходова- но	Оста- ток на конец года	Израс- ходова- но	Оста- ток на конец года	Израс- ходова- но	Оста- ток на конец года
Всего	10242	5068	19650	5981	21619	11102	45986	18896
ФЭС, образованные предприятиями	8729	4323	17863	5159	20130	9874	44505	17235
Фонд ширпотреба из отходов	333	171	246	110	431	275	269	253
Премии, присужденные по социалистиче- скому соревно- ванию	205	54	217	84	152	49	126	40
Средства на премирование работников за создание и внедрение новой техники	242	212	197	247	97	248	132	368
Фонд развития местной промышленности	208	48	294	8	80	30	88	60
Прочие фонды и целевые средства	520	260	833	373	729	626	866	940

Источник: Промышленность СССР... 1988: 36–37.

Процессу расширения фондов стимулирования сопутствовал рост средней зарплаты работников. По официальной статистике, в 1965–1970 гг. средняя зарплата рабочих и служащих выросла с 96,5 до 122 руб., средняя зарплата занятых в сельском хозяйстве выросла с 75 до 101 руб. (Народное хозяйство... 1973: 516). Кроме того, минимальная заработная плата была повышена до 45 руб., были введены пенсии для колхозников. За восьмую пятилетку фактические денежные доходы населения превысили запланированные цифры на 53 млрд руб. (По страницам... 2009: 80). Значительно увеличились выплаты и льготы из фондов общественного потребления: в 1965 г. они составляли 182 руб. на человека, в 1970 г. – 262 руб. (298). За 1966–1970 гг. сбережения граждан в сберегательных кассах и Госбанке выросли с 18,7 млрд до 46,6 млрд руб. (53). По данным Госбанка, около 8–10 млрд руб. вкладов в 1970 г. составили неудовлетворенный спрос населения на товары и платные услуги (71).

Рост сбережений населения на вкладах в сберегательных кассах в 1951–1975 гг.

	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975
Денежный доход населения (в млрд руб.)	278,5	397,7	553,0	831,1	1178,6
Прирост остатка вкладов (в млрд руб.)	3,6	5,5	7,8	27,9	44,5
Остаток вкладов на конец периода (в млрд руб.)	5,4	10,9	18,7	46,6	91,0
Прироста остатка вкладов к доходам за пятилетие (в %)	1,3	1,4	1,4	3,4	3,8
Остаток вкладов на конец пятилетия к денежным доходам за последний год пятилетия (в %)	8,6	12,1	14,7	24,1	33,9

Источник: По страницам... 2009: 53.

По расчетам авторов «Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 гг.», доля избыточных сбережений в совокупных денежных сбережениях населения выросла с 2,5 % в 1965 г. до 32,9 % в 1980 г. (Комплексная программа... 1983: 181). Стоит обратить внимание также на резкий рост розничного оборота непродовольственных товаров, в частности, ювелирных изделий. За ним также скрывается реализация неотоваренных денег.

Розничный оборот ювелирных изделий в государственной торговле в 1965–1975 гг. (в млн руб.)

	1965	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Ювелирные изделия	107	533	671	895	1062	1273	1673

Источник: Народное хозяйство... 1976: 625.

Для того, чтобы повысить прибыль предприятий, в 1967 г. были подняты оптовые цены, но розничные цены росли крайне медленно.¹ Таким образом, совершенно неслучайно, что именно в конце восьмой пятилетки основную долю доходов госбюджет СССР стал получать с прибыли (87 млрд руб.), а не с налога с оборота (49,4 млрд руб.), как ранее (Народное хозяйство... 1981: 503). Традиционное превалирование в двухканальной системе налогообложения советских предприятий налога с оборота над налогом с прибыли было обусловлено диспаритетом цен, когда цены на средства производства занижались, а цены на продовольствие и товары легкой

¹ Премьер-министр СССР в 1991 г. В.С. Павлов (1995: 62) передает интересные воспоминания министра финансов Гарбузова о разговоре с Косыгиным по поводу необходимости повышения розничных цен вслед за оптовыми. Косыгин ответил на это предложение: «Такое делают только один раз в жизни! Меня в это дело не втягивайте».

промышленности – наоборот, завывались. Такой диспаритет цен был установлен для балансировки товарного покрытия зарплат работников, большая часть которых была занята в тяжелой промышленности. Помимо этого, зарплата рабочих тяжелой промышленности традиционно была значительно выше, чем зарплата рабочих, занятых в легкой, – в среднем на 30–35 % (Труд... 1988: 189–194).

С начала 1970-х гг. каждую пятилетку выходили «Основные положения об образовании и расходовании фондов стимулирования», в которых четко фиксировалось, что процент увеличения или сокращения фондов должен быть неразрывно связан с показателями прибыли и рентабельности (Основные положения... 1972: 5). Важно отметить, что начиная с девятой пятилетки (1971–1975 гг.) министерства каждый год устанавливали для всех предприятий абсолютные суммы фонда стимулирования и стабильные нормативы отчислений в этот фонд из прибыли. Динамика фонда материального стимулирования стала зависеть от объемов реализованной продукции, уровня расчетной прибыльности, роста производительности труда (показатель введен в 1971 г.) и удельного веса продукции высшей категории в общем объеме производства (4).

Эти нововведения понадобились для борьбы с практикой необоснованных отчислений в фонды в ситуациях, когда прибыль предприятия сокращалась. Например, опережающими темпами по отношению к прибыли фонды стимулирования росли на текстильных предприятиях Узбекской ССР. В 1969 г. балансовая прибыль составила 94,1% от прибыли 1968 г., а фонды экономического стимулирования – 108,4% (Шаалимов 1971: 13–14). Рентабельность на Минском заводе холодильников снизилась с 34,4% в 1968 г. до 31,2% в 1969 г., а фонд материального поощрения за год увеличился с 339 тыс. руб. до 409 тыс. руб. (Милюков 1974: 55). На 14 заводах из первых 43 переведенных на новые условия работы было зафиксировано превышение роста заработка над темпами роста производительности труда. В Ленингра-

де такое явление в 1966 г. было обнаружено на 8 предприятиях из 30.

Важным нюансом были способы достижения прибыли. Уже на первых этапах реформы стало очевидно, что руководство предприятий располагает широким арсеналом средств для ее накрутки. На многих заводах осуществлялся сдвиг ассортимента в пользу дорогой продукции и скрытый рост цен через незначительную модификацию старой продукции.¹ Советские экономисты Г. Ханин и В. Селюнин писали: «...Неучтенный, скрытый рост оптовых цен, к примеру, на продукцию машиностроения достиг в пореформенной пятилетке 33 против 18 процентов в предшествующем пятилетии. (Вот, кстати, откуда взялись красивые показатели эффекта [косыгинской – М. Л.] реформы)» (Селюнин, Ханин 2015: 30).

Так например, на Невском машиностроительном заводе в 1966 г. 77% сверхплановой прибыли получено за счет ассортиментных сдвигов и изменения оптовых цен, 22% – благодаря сверхплановой реализации и лишь 0,6% – на основе снижения себестоимости (Реформа... 1968: 58). Согласно данным Госбанка, за период 1971–1985 гг. за счет структурных сдвигов в ассортименте продукции и качестве товаров розничные цены увеличились на 25% (По страницам... 2011: 16).

Либерман в одной из своих книг (1970: 11) писал: «План, на наш взгляд, должен ставить перед производством конечные цели, но не регламентировать непосредственно способы их достижения в рамках предприятия, что лишало бы

¹ Байбаков (1998: 181) писал: «Сдвиги в ассортименте все чаще стали проявляться на тех предприятиях легкой и пищевой промышленности, которым дали право самостоятельно планировать свою работу и вести хозрасчет. Часть прибыли увеличивалась не за счет роста эффективности производства и ресурсосбережения, а, как выяснилось, путем скрытого повышения цен на выпускаемые товары. Этот так называемый „ассортиментный хор“ не учитывался в индексах ЦСУ СССР и осуществлялся ведомственным путем в обход Госплана».

предприятия необходимой маневренности в нахождении оптимальных решений для выполнения плановых заданий». Предприятия в действительности и выполняли план по прибыли, только своими методами.

По первым методическим указаниям, нормативы отчисления в фонды стимулирования для каждого предприятия определялись Межведомственной комиссией. В том случае, если эти нормативы превышали показатели, установленные для предприятия, производившего продукцию одного сегмента, предприятию нужно было согласовывать завышенные нормативы с МВК. Первоначально, когда на новые правила работы перевели небольшую часть предприятий, комиссия могла устанавливать нормативы для каждого предприятия, но после того, как в 1967 г. реформа затронула целые отрасли народного хозяйства, возникли серьезные сложности с контролем надо всеми предприятиями (Бабкина 2018: 119–120). Вследствие этого МВК была вынуждена устанавливать показатели для целых отраслей. Именно неспособность МВК проконтролировать каждое предприятие в огромной экономике приводила к расширению фондов стимулирования, которое опережало рост прибыли и производительности труда на заводах. К этому добавлялся тот факт, что с первых лет реализации реформы большинство вопросов о расширении фондов стимулирования, обсуждавшихся на заседаниях МВК, принималось в пользу министерств (144). В этом сказывался ведомственный лоббизм со стороны ряда членов комиссии, которые совмещали свою работу в МВК с работой в одном из министерств. Байбаков писал в своих воспоминаниях (1998: 172):

Проанализировав состояние отраслевой экономики за первый год эксперимента, Алексей Николаевич [Косыгин – М. Л.] пришел к выводу, что, предоставив предприятиям свободу маневрирования, мы не сумели установить за ними действенный контроль. В результате начался опережающий рост заработной платы по сравнению с повышением производительности труда.

В рамках борьбы со скрытой инфляцией Совет Министров СССР 30 сентября 1968 г. выпустил постановление «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического стимулирования производства».¹ В нем говорилось, что в случае опережения ростом заработной платы роста производительности труда часть средств фондов стимулирования должна зачисляться в резерв предприятия или направляться в текущему году в фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Таким образом, вне зависимости от трудового вклада коллектива работники все равно поощрялись через расширение общественных фондов потребления предприятия. В постановлении также оговаривались многочисленные исключения, когда опережающий рост зарплаты не должен вести за собой каких-либо санкций: постановление не применялось в связи с ухудшением горно-геологических условий, освоением новой техники, реконструкцией производства или капитальным ремонтом основных агрегатов и установок, а также на предприятиях пищевой, мясной, молочной и легкой промышленности (в связи с уменьшением количества и ухудшением качества перерабатываемого сельскохозяйственного сырья) и на энергетических предприятиях (в связи со снижением потребления энергии или неблагоприятными гидрометеорологическими условиями).

Косыгинская реформа привела к увеличению экономических возможностей директорского корпуса. Это стало закономерным следствием отсутствия эффективных институтов рабочего контроля за деятельностью заводского начальства. Известны случаи, когда по итогам года директор получал премию в размере 10–12 окладов (Милюков 2018: 19). На заседаниях Совмина перед Косыгиным ставили вопрос: как директор завода при соблюдении всех законов может получать зарплату в два и более раз большую, чем министр?

¹ Постановление Совмина СССР от 30.09.68 № 778 «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического стимулирования производства».

Косыгин отвечал: «Учитесь работать у таких директоров» (Соболев 2009: 151).

Власть администрации завода над рабочим коллективом усиливалась за счет возможности распределения жилого фонда и премиальных выплат.¹ Рабочий, стоящий в очереди на квартиру от предприятия, был заинтересован в проявлении максимальной лояльности по отношению к руководству, так как от последнего зависело, когда именно рабочий получит это жилье. В соответствии с постановлением² доля премий в составе фонда заработной платы рабочих увеличивалась, но все равно оставалась сравнительно небольшой. В связи с этим данный фактор не сыграл существенной роли в усилении мотивации рабочих лучше трудиться: средняя зарплата все равно росла при относительно стабильных ценах. В 1969 г. доля премий составляла 7,2 % от суммы денежных доходов населения, в 1950 г. этот показатель равнялся 2,5 % (По страницам... 2009: 54).

¹ «Администрация предприятия совместно с профсоюзным комитетом: [...] представляет на утверждение трудовому коллективу правила внутреннего трудового распорядка, разработанные в соответствии с типовыми правилами; [...] утверждает смету использования средств фонда предприятия и других фондов поощрения рабочих и служащих, премирует и оказывает единовременную помощь из указанных фондов; распределяет жилую площадь в домах предприятия, а также жилую площадь, предоставляемую в распоряжение предприятия в других домах» (Постановление Совета министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731 «Об утверждении положения о социалистическом государственном производственном предприятии»).

² «...Наряду с периодическим пересмотром в централизованном порядке тарифных ставок (окладов), повышать долю премий в заработной плате рабочих, инженерно — технических работников и служащих, а также ввести выплату вознаграждения работникам за улучшение общих годовых итогов работы предприятия за счет использования части фонда материального поощрения» (Постановление Совета министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»).

**Состав фонда заработной платы рабочих в промышленно-
сти по видам выплат в 1950–1987 гг. (в %)**

	1950	1960	1970	1975	1980	1985	1987
Фонд заработной платы	100	100	100	100	100	100	100
Оплата по сдельным расценкам	59,4	50,6	44,1	40,5	37	36	35,6
Повременная оплата по тарифным ставкам	19,9	24,4	25	24,4	24,3	22,2	22,1
Премии сдельщикам	4,8	3,1	5,6	7,5	9,6	10,8	10,9
Премии повременщикам	4,8	3,6	5,7	6	6,6	7,2	7,3
Вознаграждения за общие результаты по итомам за год	—	—	2,3	2,8	2,8	2,7	2,6
Доплата сдельщикам по прогрессивным расценкам	5,2	1,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Доплата сдельщикам в связи с изменением условий работы	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2
Доплата за работу в сверхурочное время	0,3	0,2	0,4	0,4	0,5	0,4	0,3
Оплата простоев	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Оплата ежегодных и дополнительных отпусков	5,8	6,9	7,2	7,7	7,4	7,7	7,6
Выплаты по коэффициентам	—	3,3	4,0	4,4	4,4	4,5	4,5
Надбавка за работу в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним	—	—	—	1,1	1,2	1,3	1,4
Вознаграждения за выслугу лет	3,1	1,7	0,8	0,6	0,9	1,6	1,7

Источник: Труд... 1988: 213.

В фонде заработной платы служащих доля премиальной части была выше.

Состав фонда заработной платы служащих в промышленности по видам выплат в 1950–1987 гг. (в %)

	1950	1960	1970	1975	1980	1985	1987
Фонд заработной платы	100	100	100	100	100	100	100
Оплата по основным окладам	71	72,4	62	60,3	60,7	56,9	56,4
Премии	15,8	9,2	17	20	18,9	20,1	20,5
Вознаграждения за общие результаты работы по итогам за год	—	—	3,3	3,6	3,6	3,2	3,1
Оплата ежегодных и дополнительных отпусков	—	7,9	8,3	8,8	8,5	8,7	8,3
Выплаты по коэффициентам	—	3,5	4,4	4,7	4,7	4,6	4,6
Надбавка за работу в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним	—	—	—	1,3	1,4	1,5	1,6
Вознаграждения за выслугу лет	4,9	2,4	0,7	0,5	0,6	2,1	2,0

Источник: Труд... 1988: 213.

Из приведенной статистики видно, что реформа 1965 г. не привела к кардинальному увеличению доли фонда заработной платы промышленных рабочих, которая приходилась

на премиальную часть (увеличение доплаты для сдельщика с 3,1 до 5,6 %). Материальный эффект от премий почувствовал, прежде всего, руководство предприятий (увеличение премиальной части с 9,2 до 17 %). Важный вопрос заключается в том, какой процент работников от общего количества занятых на предприятии получал премию. Подробных данных по этой теме мне найти не удалось, но некоторые советские исследователи отмечали, что премию за редким исключением получали «фактически все работники» (Ракитская, Шохин 1984: 38). Это, безусловно, снижало функцию премии как поощрительной выплаты за добросовестный труд, превращая ее в дополнительную надбавку («13-я зарплата») к основному заработку.

Важно также подчеркнуть, что между собой предприятия сильно различались по уровню прибыли. Завод, который мог быстрее обновлять ассортимент продукции, находился в более выгодной ситуации, чем предприятие с более стабильным ассортиментом. Важную роль играло и качество снабжения. В условиях отсутствия рынка средств производства государственное снабжение зависело от расстановки приоритетов экономического развития центральным руководством. В связи с этим предприятия тяжелой промышленности находились в явном выигрыше. Н. Римашевская и А. Римашевский (1991: 48) писали: «Наша экономика привела к тому, что любой работник предприятия, производящего оборонную продукцию, за одинаковый труд получает значительно большее денежное вознаграждение, чем рабочий, производящий предметы потребления».

Привязка эффективности работы предприятия, фондов стимулирования к стоимостным показателям зачастую приводила к тому, что предприятию было выгодно производить именно дорогую продукцию, целенаправленно завышая ее трудоемкость и материалоемкость. Соответственно, дешевые товары производить оказывалось невыгодно, и они вымывались из ассортимента. Таким образом, косыгинская реформа поставила ряд предприятий в более выгодные условия,

позволив их коллективам получать незаслуженные премии лишь за счет роста стоимостных показателей. Подобная практика усиливалась постановлением ЦК КПСС и Совета министров от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».¹ Если ранее фонд зарплаты определялся на основе численности работников и средней зарплаты, то теперь вводился норматив заработной платы на рубль продукции. Таким образом, фонд зарплаты связывался со стоимостными показателями (чем дороже, тем лучше), а не с трудоемкостью продукции.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 года № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

IV. УСИЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

Для человека коллектив, в котором он работает, — это своего рода и дом, и семья, и школа.

Л. И. Брежнев (1978: 331)

КОСЫГИНСКАЯ реформа базировалась на историческом наследии предшествующих лет — социальной опеке предприятий над своими рабочими. Важно отметить, что реформа не просто использовала существующие социальные тенденции — она их качественным образом усиливала. Происходило это за счет увеличения доли прибыли, оставляемой предприятию. Соответственно, у завода появлялись финансовые возможности для улучшения бытовых условий жизни свои работников. Наряду с тремя вышеназванными фондами стимулирования существовали и другие: фонд ширпотреба; фонд отчислений из прибыли, полученной от

реализации новых товаров бытовой химии; премии по итогам социалистического соревнования; фонд развития местной промышленности. Средства из этих фондов также шли на жилищное строительство, культурно-просветительские учреждения, премии. Хотя львиная доля (90–95 %) трат предприятий на «соцкультбыт» направлялась из трех основных фондов экономического стимулирования, созданных в ходе косыгинской реформы (Загорулькин, Колесников 1983: 58), наличие микрофондов вело к распылению ресурсов.

Интересно сравнить соотношение расходов на социально-культурные мероприятия из государственного бюджета и других источников (промышленные предприятия, кооперативные, профсоюзные организации, колхозы) на протяжении нескольких десятилетий.

Соотношение расходов на социально-культурные мероприятия и науку из государственного бюджета и иных источников в 1960–1989 гг. (в млрд руб.)

Источник расходов	1960	1970	1980	1985	1989
Гос. бюджет	24,9	55,9	98,8	125,6	149,3
Другие источники	4,3	13,9	25,6	32,3	63,9

Источник: Народное хозяйство... 1988: 591; Народное хозяйство... 1990: 615.

Существенное увеличение фондов экономического стимулирования привело к тому, что заводы образовали внутри государства отдельное социальное пространство со своей системой производства и распределения. В качестве примера можно привести Автомобильный завод им. Ленинского комсомола (АЗЛК) в Москве и легендарный Кировский завод в Ленинграде. В позднесоветские годы социальный фонд АЗЛК составляли следующие объекты: спортивный комплекс (дворец спорта, стадион, три футбольных поля, крытый каток

с искусственным льдом, крытый теннисный корт); дворец культуры на 1 100 посадочных мест; 28 детских садов; медицинский центр (медсанчасть, поликлиника, больница на паях с автомобильным заводом им. Лихачева); детский городок в г. Чехове; комбинат питания; дом быта; 14 общежитий; 16 жилых домов (Кабалина, Сидорина 1999: 181).

В свою очередь, Кировский завод в 1985 г. располагал следующими детскими лагерями: детский оздоровительный лагерь «Юный Кировец» (максимальная численность детей по плану – 2 000), детский лагерь «Огонек» (1 300 детей), детский лагерь «Алые паруса» (500 детей), детский лагерь «Кировец» (1 280 человек), городской детский лагерь при ДК им. Газа (170 детей), городской детский лагерь № 284 (275 детей), ЛТО «Россия» (300 детей), сельский детский лагерь «Кировец-1» (400 детей), сельский детский лагерь «Кировец-2» (250 детей), сельский детский лагерь «Парус» (420 детей).¹ Итого 10 детских лагерей, вмещающих 6 895 детей. Важно отметить финансовую составляющую содержания этих лагерей. Родители оплачивали лишь малую часть от полной стоимости путевки. Так, например, в лагере «Юный кировец» общие затраты на содержание детей в летний период составили 159 тыс. руб., из которых 57 130 руб. составили средства социального страхования, 61 323 руб. – от хозяйственной организации (Кировский завод), и лишь 10 951 руб. – взносы родителей.²

Кировский завод активно занимался строительством ведомственного жилья. По статистике на 1 августа 1976 год, производственному объединению принадлежали 114 жилых домов. Из таблицы видно, что строительный бум приходится на 1950-е гг., но за первую половину 1970-х гг. строится почти столько же жилплощади.

¹ Финансовые отчеты пионерских, спортивных, труда и отдыха лагерей за 1985 год (ПО «Кировский завод»). // ЦГА СПб. Ф. Р-1788 оп. 44–3 д. 291. Л. 1–23.

² Там же. Л. 4.

Жилищный фонд Кировского завода в 1976 г.¹

Годы строительства	Количество домов	Жилая площадь в кв. м
Общее количество на 1976	114	204052
До 1917	7	9207
1930-е	6	18932
1940-е	6	7539
1950-е	51	71602
1960-е	34	35150
1970-е	10	61622

Перед акционированием в 1992 г. на балансе Кировского завода находилось 292 ведомственных объекта. Даже после муниципализации производственное объединение владело следующим имуществом: 122 жилых дома, 19 заводских общежитий, 10 дошкольных учреждений, 3 садоводческих товарищества, 2 пансионата (Чванова 2001: 289), стадион «Кировец», санаторий «Белые ночи» (Сочи), детский лагерь «Юный Кировец», санаторий «Стрельна» (Ленинградская область), поликлиника Кировского завода (Кировский завод н. д.). Подобная практика строительства социальных объектов была характерна для большинства промышленных предприятий СССР. На АвтоВАЗе в Тольятти пошли еще дальше — в 1970-е гг. на территории завода были построены заводская стоматологическая поликлиника и целый медицинский центр в три этажа (Пихоя и др. 2005: 150). Эти данные позволяют проиллюстрировать масштабы, которые приобретала социальная инфраструктура крупнейших предприятий.

Предприятие могло осуществлять строительство вышеназванных объектов только за свой счет или участвовать в до-

¹ Список жилых домов ведомственного фонда по министерствам Кировского района г. Ленинграда. // ЦГАНТД СПб. Ф.Р-448. Оп.15. Д.151. Л.4-7.

левом строительстве вместе с другими предприятиями или государством (Основные положения... 1972: 16). Так, например, в 1969 г. Лиепайский металлургический завод «Сарканайс металургс» передал Управлению курортами Латвийской ССР 120 тыс. руб. на долевое участие в строительстве санатория (Зилниекс 1971: 20). Кроме того, предприятия могли брать для строительства социальных объектов ссуды или кредиты в Стройбанке СССР, если они имели к началу строительства не менее 50 % средств. В связи с активным социальным строительством, которое начали вести предприятия, остро встал вопрос о строительных материалах. Зачастую на строительство социальных объектов шли ресурсы, которые центр направлял для решения производственных вопросов (Реформы... 2016: 538). Все это усугубляло проблему долгосрочных и распыления капиталовложений, от которой сильно страдала советская экономика.

Завод и его многочисленные ответвления становились своего рода городской индустриальной общиной со своими институтами социализации и вертикалью власти, которая оказывала существенное влияние не только на работников предприятия, но и на все население, живущее рядом с предприятием. Завод не просто использовал существующую рабочую силу, но и непосредственным образом участвовал в ее воспроизводстве. Предприятие сопровождало человека на всех этапах жизни. На многих предприятиях существовали денежные выплаты и подарки в связи с важными событиями в жизни работников. Так, например, на Кировском заводе работникам вручали подарки по следующим поводам: день совершеннолетия работника (памятный подарок на сумму в 5 руб.), проводы в армию (подарок на 10 руб.), рождение ребенка (подарок матери на сумму в 15 руб.), бракосочетание (молодоженам, впервые вступающим в брак, подарок на 10 руб.) (Трудовой кодекс... 1978: 22). Ветеранам завода, проработавшим на нем не менее 15 лет и показавшим особые успехи в перевыполнении плана и внедрении новой техники, присуждалось звание «Заслуженный кировец».

Звание подразумевало как моральное (портреты в галерее Почета, выпел на месте работы), так и материальное поощрение (премия в 100 руб., льготы при предоставлении мест в детский сад и пионерлагерь) (15–16). Существовал также почетный знак «Молодому кировцу за доблестный труд». Для получения почетного знака работник должен был проработать на заводе не менее 5 лет, перевыполнять план, участвовать в рационализаторстве, социалистическом соревновании и общественной работе. Таким образом, помимо моральных и материальных стимулов, действовавших на всех предприятиях страны, на Кировском заводе были созданы особые награды и звания, нацеленные на развитие заводского патриотизма.

В моногородах градообразующие предприятия выступали основными организаторами социальной и экономической жизни. Вокруг крупных заводов выстраивались целые городские районы. Подобная практика имела место не только в новых городах, но и в традиционных городских центрах. Так, например, ряд московских районов (Бирюлево Восточное и Западное, часть Орехово-Борисова Северного, Зябликово, Царицыно, Сабурово, Нагорный, Донской) были построены рядом с заводами: ЗИЛ, Динамо, Медеплавильным им. Орджоникидзе и другими. Близость жилья к предприятиям сокращала время, которое рабочий был вынужден тратить на проезд к работе, а также уменьшала пассажирский поток в транспортной сети города (Горлов 2013: 52). Жилищно-коммунальное хозяйство ведомственного жилья находилось на балансе промышленных предприятий.

Стоит отметить, что подобная практика сохранилась даже в постсоветское время. Показателен случай с отключением горячей воды в Пикалево в 2008 г. Местная ТЭЦ, принадлежащая предприятию «БазэлЦемент–Пикалево», задолжала поставщикам газа 140 млн руб., вследствие чего весь город был отключен от горячей воды (Петрова 2009). Таким образом, остановка работы нескольких предприятий парализовала всю инфраструктуру жизнеобеспечения города.

Выстраивание всей жизни города вокруг его промышленного ядра было сознательной политикой советской власти, нацеленной на создание нового социалистического общества. Как отмечает исследователь М. Меерович (2007), организация городского пространства в СССР отвечала потребности соединения производственного и свободного времени рабочего в одной пространственной плоскости:

Власть с первых дней своего существования отработывает административно-политические формы принудительной организации людей в трудовые коллективы, объединяя их не только за счет административных форм, но и в пространственном отношении — за счет организации жилища, планировки поселений, в конечном счете, благодаря структуре расселения в целом.

В 1930-е гг. только таким путем советские города могли принять и окультурить миллионы крестьян, которые территориально покидали деревню, но сохраняли привычки сельского труда и мышления.

Влияние директора распространялось за рамки коллектива — на большинство жителей моногорода. В значительной степени это обеспечивалось за счет практики «шефства», когда промышленное предприятие оказывало материальную помощь школам, больницам, колхозам и т. д. Социолог Б. И. Максимов (2000: 95) писал:

Согласно безраздельно царившей идеологии, в основании общества лежало производство, господствовала трудовая мораль, вообще трудовые критерии жизни, культивировался коллективизм. Поэтому придание трудовой организации не только производственных, но и многих социально-политических функций, возведение ее в ранг составного элемента общества представляются вполне логичными.

Местные власти в моногородах находились в определенной зависимости от предприятий. Впрочем, порой между

директором предприятия и местным Советом народных депутатов могли возникать конфликтные ситуации. Чаще всего они происходили из вопросов участия предприятий в строительстве общегородских объектов и распределения ведомственного жилья. По закону, если дом строился на средства предприятия, то местный Совет получал лишь 8 % жилой площади (6 % – для переселения граждан из домов, подлежащих сносу в связи с отводом земельных участков на жилищное строительство; 2 % – для предоставления служебной площади работникам, непосредственно занятым обслуживанием и эксплуатацией жилого фонда) (Загорульский, Колесников 1983: 63). На деле же Совет старался получить больше жилой площади, что встречало неизбежное сопротивление со стороны директора и профкома.

В качестве иллюстрации ведомственной борьбы за жилье можно привести пьесу Юрия Черняка «Занимаемой должности не соответствует» (1988). В основе пьесы лежит реальный эпизод, произошедший в конце 1970-х гг. на Ярославском заводе дизельной аппаратуры, директором которого был В. Литвиненко (Забелин 2002). Руководство нового завода сталкивается с проблемой большой текучести кадров. В пьесе предприимчивый директор пытается решить проблему путем достройки «замороженного» дома. Стройтрест построил лишь три первых этажа девятиэтажки. Председатель Горисполкома обещает директору передать все 140 квартир заводу, если его работники успеют за очень короткие сроки сдать дом к новому году. Директор начинает бурное строительство, закрепив за каждым рабочим его квартиру и перепрофилировав производство одного из цехов под изготовление строительных материалов на нужды стройки. Также он набирает новых рабочих, которые получают зарплату из фонда заработной платы предприятия, а сами работают на стройке. К новому году комиссия принимает дом, но тут между управляющим стройтрестом и директором начинается ожесточенная борьба за распределение квартир. Управляющий справедливо утверждает, что его рабочие также имеют право на часть квартир, так как они

построили первые три этажа. Но директор продвигает свою линию, по которой все квартиры должны достаться заводу.

Автор рисует упорную борьбу директора с бюрократами, которые нарушают данное слово и не желают отдавать весь дом заводу. Прямо нарушая закон, директор приказывает рабочим за одну ночь занять свои квартиры в доме. Казалось бы, очевидно, что решение о распределении квартир пропорционально вкладу стройтреста и завода в строительство дома полностью обоснованно. Но Черняк инвертирует общественную суть конфликта: директор завода, отчаянно борющийся за распределение всех квартир среди своих рабочих, представлен честным и принципиальным коммунистом. В аннотации к пьесе говорится:

Герой пьесы «Занимаемой должности не соответствует...» — человек долга и чести, преданный своему делу, мыслящий категориями завтрашнего дня, устремленный к коммунистическим идеалам, показан на сломе судьбы, в критический момент принятия принципиального решения, в жесткой борьбе с рутинной и косностью бюрократического механизма.

Все оппоненты директора, в действительности отстаивающие общественные интересы, изображены бюрократами и завистниками. В пьесе очень хорошо представлено ведомственное отношение директора к своему предприятию и рабочим. Он уже сросся с заводом, считает его фактически своим детищем. Директор готов пойти даже на нарушение закона, лишь бы сдержать слово, данное — опять же — своим рабочим. А на рабочих стройтреста, работавших на строительстве того же дома, ему наплевать — они получают квартиры в другом доме когда-нибудь потом. Характерно, что в конце 1980-х гг. отстаивание ведомственного интереса выдается за поступки руководителя нового типа, который борется против косности поколения «фронтовиков».

Приведенный пример из жизни ярославского предприятия не был единичным. Дефицит рабочей силы и ресурсов

в строительно-монтажных организациях приводил к тому, что многие жилые дома возводились хозспособом. Суть этого вида строительства заключалась в том, что предприятие строило жилье своими силами. Безусловно, работники были хорошо мотивированы за счет предварительного распределения квартир (каждый строил квартиру для себя), но возникали неизбежные сложности, связанные с тем, что строительство велось без необходимой механизации труда, людьми, не имеющими должной квалификации. Интерес представляют воспоминания одного из строителей, работника ДААЗ (Димитровградский автоагрегатный завод) Н. Семина. Он описывает, как будущие жильцы сами были вынуждены производить внутреннюю отделку, предварительно затаскивая на этажи раствор, чугунные ванны, столярные изделия и шпаклевку. По той причине, что эта деятельность не была для работников основной, они не передавали свой опыт новым «строителям»: каждый цех завода начинал стройку с нуля, повторяя старые ошибки. Одной из таких ошибок было распределение квартир до завершения общих работ. Оно приводило к тому, что все строители начинали ускоренными темпами достраивать свои квартиры, не обращая внимания на общие работы. Участники такихстроек вспоминали (Семин 2007: 72–73):

Самострой – это сущий ад. Все выходные, свободные вечера в течение двух лет отданы стройке. Тем более, что мы с мужем строили и первую однокомнатную квартиру. Сантехника течет, обои и плитку покупали за свой счет, линолеум лежит волнами; отработано на стройке 3 000 часов, нам заплатили по 7 копеек за час. Кто за счет нас «нагрелся?» Размер оконных проемов не совпадает с рамой, пришлось долбить. Сами делали кирпичи на заводе в двойном размере. Для какого дяди пошла вторая половина кирпичей? Дом строился на выносливости застройщиков, их нервах и физической силе. Помощи от администрации завода почти не было. Организация стройки поставлена из рук вон плохо. Теперь надо отремонтировать и сдать старую квартиру, но негде взять материалы, а деньгами за ремонт не берут;

сантехника течет, но чтобы довели до ума, надо за строителями походить. Ни сил, ни материалов для ремонта старой квартиры нет. Ситуация тупиковая.

Вопросы, связанные с усилением социальной инфраструктуры предприятий и ослаблением районных и городских советов, получили отражение в постановлении Совета Министров СССР от 5 марта 1971 года.¹ В этом документе перечислялись меры, нацеленные на увеличение экономических возможностей местных Советов: среди прочего, требовалось обеспечить исполкомы районных и городских Советов помещениями и транспортом; передать в ведение исполкомов предприятия местной промышленности, бытового обслуживания населения, коммунального хозяйства, торговли и другие предприятия и хозяйственные организации, обслуживающие преимущественно население данного района, города и находящиеся в республиканском, краевом и областном подчинении; оставить в распоряжении исполкомов районных и городских Советов часть прибыли подведомственных предприятий и всех доходов, дополнительно получаемых при исполнении бюджета. Издание специального постановления явно свидетельствует о наличии серьезной проблемы в сфере разделения полномочий между советами и предприятиями. Сложно проследить конкретные последствия выше-названных мер, но уже через шесть лет в газете «Правда» утверждалось что ведомства, владевшие половиной жилого фонда в РСФСР, обслуживают дома кустарным образом, неся большие убытки (Правда 1977).

От описания отношений завода с окружающей социальной средой следует перейти к анализу внутризаводской жизни. Основные управленческие функции на советском предприятии концентрировались в руках т. н. «треугольника»: директор,

¹ Постановление Совмина СССР от 5 марта 1971 г. № 157 «О мерах по укреплению материально-финансовой базы исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся».

партком, профком.¹ Директор отвечал за производство, профком — за социальные вопросы, а партсекретарь, представитель КПСС на предприятии, оценивал эффективность деятельности директора и трудового коллектива. Производственная иерархия базировалась на жестком единоначалии: директор, начальник цеха, мастер, бригадир. Однако было бы ошибкой считать, что советский рабочий находился в полной власти администрации завода. Напротив, особые условия функционирования советской экономики обеспечивали рабочему определенную зону автономности на предприятии. Это явление историк М. Пискунов (2018: 22) назвал «пространством своеволия». Как было указано выше, власть на промышленных предприятиях в СССР осуществлялась посредством «треугольника». Таким образом, действовали три центра силы, которые уравнивали друг друга. Бывали случаи, когда сильный директор подминал под себя партком, но зачастую партийный секретарь и профком могли оспорить директорское решение. Чаще всего это касалось вопроса увольнения сотрудников. Увольнение с предприятия затруднялось как тем, что в СССР не существовало официальной безработицы, так и конкретной процедурой, которую нужно было проводить с одобрения профсоюза. Исходя из этого рабочий мог маневрировать между разными ветвями власти на предприятии.

Важнейшей чертой социального облика советских рабочих было то, что их протест против плохих условий труда носил преимущественно индивидуальный характер. И это было неслучайно. Роль профсоюзов в советском обществе претерпела существенную эволюцию. По мысли Ленина (1970б: 343), в годы НЭПа на первый план в деятельности профсоюза выходили его защитные функции в отношении рабочих:

...Одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов проле-

¹ О возникновении «треугольника» см: Ульянова 2013.

тариата в борьбе его с капиталом. Эта задача должна быть поставлена открыто на одно из первых мест, аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен, видоизменен или дополнен, должны быть образованы или, вернее, образовываемы стачечные фонды и так далее.

Ленин специально подчеркивал, что перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет неизбежно ведет к появлению противоречий между дирекцией и рабочими, поэтому профсоюз должен отстаивать интересы рабочих и на принадлежащих государству фабриках и заводах.

С полным встраиванием профсоюзов в советский государственный аппарат в конце 1920-х гг. рабочие потеряли возможность организовывать легальный коллективный протест.¹ Профсоюзы во многом утратили свои защитные функции: в условиях индустриализации на них возлагались функции, связанные с социалистическим соревнованием, повышением производительности труда, организацией рабочих на выполнение промфинплана и т. д. Первый секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС) Н. В. Шверник на XVI съезде ВКП(б) говорил (XVI съезд... 1930: 649):

Основной и главной задачей профсоюзов на нынешнем этапе является умение возглавить и развить движение широких рабочих масс за социалистическое строительство, за реконструкцию промышленности и социалистическую переделку сельского хозяйства, за полное выкорчевывание корней капитализма. Профсоюзы должны стать во главе движения за социалистическое соревнование и ударничество, должны на опыте ударников переводить социалистическое соревнование на более высокую ступень. Новое социалистическое общество может быть создано и упрочено только усилиями миллионов трудящихся. Профсоюзы, как самая ши-

¹ В годы НЭПа рабочие часто прибегали к забастовкам. В 1926 г. на промышленных предприятиях СССР было зарегистрировано 337 забастовок, в 1927 г. — 396 (Профессиональные союзы... 1928: 538).

рокая пролетарская массовая организация, должны мобилизовать десятки миллионов для осуществления задач этого строительства.

С упразднением в 1933 году Наркомата труда социальное обеспечение рабочих было возложено на ВЦСПС. Именно с этого периода советские профсоюзы стали распределять среди работников путевки на курорты, пособия по нетрудоспособности, стипендии на учебу, пособия по материнству и т. д. (Хоффман 2018: 86). Было бы ошибкой утверждать, что начиная с 1930-х гг. защитные функции советских профсоюзов полностью атрофировались. Профком на предприятии мог оспорить увольнение работника. Даже в конце 1940-х гг. были случаи, когда отдельные отраслевые профсоюзы, например профсоюз железнодорожников, занимали достаточно боевую позицию, пытаясь отстоять интересы своих работников (Фильцер 2011: 335–336). Но чаще всего защита рабочих со стороны профсоюза носила индивидуальный характер: профком практически никогда не шел на организацию каких-либо коллективных акций протеста, предлагая рабочим обращаться с жалобами в индивидуальном порядке. Для примера можно привести рост количества жалоб, направленных в ВЦСПС рабочими в послевоенные годы: 1945 г. – 12 267, 1946 г. – 23 432. Значительная часть заявлений касалась необоснованных увольнений, оказания материальной помощи, оплаты больничных листов, вопросов снабжения рабочих.¹ Если профком санкционировал решение директора об увольнении, то работник мог обратиться в комиссию по трудовым спорам и народный суд (Filtzer 1992: 40).

Трудовые споры в СССР с конца 1920-х гг. до 1957 г. рассматривались в расценочно-конфликтных комиссиях (РКК) и народных судах, а после 1957 г. – в комиссиях по трудовым

¹ Из справки, подготовленной в аппарате ВЦСПС, о количестве и содержании поступивших жалоб и заявлений рабочих и служащих и о принятых по ним профсоюзными органами решениях (Трудовые конфликты... 2006: 303–304).

спорам. Данные структуры не имели права пересматривать коллективный договор и занимались более частными вопросами: утверждение предусмотренных в коллективном договоре норм выработки, оплата простоев, увольнения, вычет за порчу материалов, оплата сверхурочных работ и т. д.¹ Решения РКК могли быть оспорены лишь Наркоматом труда. Общей статистики мне обнаружить не удалось, но, например, в конце 1920-х гг. на московском «Электrozаводе» большинство решений РКК было вынесено в пользу администрации предприятия (Журавлев, Мухин 2004: 213). Видимо, с этим фактом связана тенденция к сокращению числа заявлений рабочих в данные структуры. Тем не менее, как отмечает Д. Фильцер, самостоятельность РКК менялась вместе с политической централизацией власти в СССР. В 1920-е гг. РКК часто становились на сторону рабочих, в начале же 1930-х гг., с ужесточением трудового законодательства, комиссии утратили ряд своих функций (Filtzer 1992: 39). В докладной записке, представленной в январе 1933 г. Отделом зарплаты и производства ВЦСПС Президиуму ВЦСПС, отмечалось:

Уменьшение числа заявлений в РКК является не показателем полного благополучия, а, наоборот, показателем слабости массовой работы завкома и неавторитетности РКК. [...] Слабость рабочей части, особенно в цехах, приводит к совершенно ненормальному соотношению сил между сторонами, с частым перевесом в сторону административной части, что не может не влиять на характер решений. [...] РКК в подавляющем большинстве случаев ограничивается формальным разрешением конфликтов, не ставя перед администрацией и завкомом ряда общих вопросов организации труда и производства, которые неизбежно вытекают из конфликтной практики.²

¹ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 29.08.1928 «Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов».

² Из докладной записки Отдела зарплаты и производства ВЦСПС Президиуму ВЦСПС о работе расценочно-конфликтных комиссий на предприятиях (Трудовые конфликты... 2006: 237–239).

Рабочие предпочитали действовать иным путем — писать жалобы руководству предприятия и в партком или увольняться с предприятия. В условиях дефицита и текучести рабочей силы в советской экономике директор часто был вынужден идти навстречу работникам. Кроме того, зачастую он закрывал глаза на нарушения трудовой дисциплины, воровство или пьянство с их стороны.

V. О РОСТЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

РОСТ потребительских настроений среди рабочих стал закономерным результатом отчуждения рабочего класса от рычагов управления экономикой и политической жизни на протяжении нескольких десятилетий. Советская бюрократия приучила рабочих к политической пассивности, что неизбежным образом ударило по их классовому сознанию. Б. Максимов (2000: 95–96) верно охарактеризовал положение советского рабочего класса: «...Если трудовые коллективы и были основной ячейкой общества, то в качестве не субъектов, а объектов».

Начиная с 1920-х гг. рабочие имели формальные средства участия в управлении производством и влияния на администрацию предприятия. С 1923 г. на советских заводах стали действовать производственные совещания, куда входили как рядовые работники, так и представители администрации. На производственных совещаниях обсуждались преимуще-

ственно вопросы участия коллектива в социалистическом соревновании, распространение передового опыта по рационализации производства, повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции и улучшение ее качества. С. Киров на пленуме Ленинградского губкома партии 15 сентября 1926 г. говорил о том, что «производственные совещания есть абсолютно необходимое звено в социалистическом производстве. Производственное совещание является социалистической производственной школой» (цит. по: Остапенко, Воскресенский 1958: 24). В то же время на страницах газет развернулась критика работы производственных совещаний. Критики отмечали нерегулярность созыва совещаний, формализм и недостаточное участие рабочих в управлении производством (24). В 1927 г. в производственных совещаниях участвовали лишь 15 % от общего числа рабочих (К XV съезду... 1927: viii). С началом индустриализации производственное совещание стало основным органом, осуществлявшим руководство социалистическим соревнованием на предприятии (XVI съезд... 1930: 655).

Наряду с легальными формами протеста в исключительных случаях рабочие прибегали к открытым забастовкам. Особенно часто они случались в начале 1930-х гг. среди ткачей Иваново-Вознесенска, шахтеров Донбасса и сезонных рабочих, занятых в строительстве. Большинство забастовок было вызвано ухудшением продовольственного снабжения, низкой зарплатой и ее задержкой, плохими условиями труда (Богданов 2008: 63). Со второй половины 1930-х гг. количество забастовок снижается. По мнению исследователя С. В. Богданова (2008: 69), большую роль в стабилизации обстановки на предприятиях сыграл идеологический фактор:

К концу 1930-х гг. в сознании и поведении рабочей массы произошли серьезные изменения. Под воздействием массовой агитации и пропаганды в эту социальную группу было внедрено убеждение о своей авангардной роли, особом месте в деле социалистического строительства. [...] Безусловно, пропагандистские усилия партий-

ных и государственных органов не прошли даром. Они имели свой эффект для значительной массы советского общества.

Самой распространенной реакцией рабочих на плохие условия труда и нехватку жилья в 1930-е гг. становится уход с предприятия в поисках лучшей доли или, как писали в советских газетах, «за длинным рублем». Д. Фильцер справедливо отмечает, что небывало высокая текучесть рабочей силы в 1930-е гг. обуславливается не только процессами индустриализации и урбанизации советского общества, но и тем, что рабочие делали выбор в пользу наиболее пассивного и конформистского выхода из трудового конфликта на производстве – увольнения (Filtzer 1992: 56–57). Рабочие знали, что из-за нехватки рабочих рук они в любом случае устроятся на другом заводе. Поэтому они не сильно держались за свое рабочее место. На поведение советских людей мощное влияние оказывала и политическая пропаганда, в центре которой был рабочий класс как ведущий класс советского общества. Рабочие не видели смысла активно протестовать против «своей, пролетарской власти» в условиях индустриализации и обострения международной ситуации. В подобных условиях на предприятиях получила широкое распространение практика неформальных договоренностей между руководством среднего звена и рабочими.

С 1930-х гг. развивался процесс ослабления горизонтальных связей внутри рабочего класса и выстраивания теневых вертикальных связей внутри предприятия и шире – в отрасли. Он стал следствием раздробления единого общественного фонда потребления: наряду с общегосударственным таковые имелись на каждом предприятии в отдельности (Лайков 1972: 37). Процесс раздробления фондов потребления развивался неравномерно: фонды предприятий расширялись в начале 1930-х гг., сокращались в годы войны, восстанавливались и вновь росли в 1950-е гг. Определяющую роль в процессе раздробления сыграла косыгинская реформа. Важно отметить, что она закрепила и оформила те процессы, которые происходили до нее, – усиление отдельных

ведомств и министерств, а следовательно, и расширение принадлежавшей им социальной инфраструктуры.

Расширению социальных фондов предприятий способствовала также тенденция к увеличению доли женщин, вовлеченных в народное хозяйство: в 1940 г. среди общего числа рабочих и служащих на долю женщин приходилось 39 %, в 1950 г. – 47 %, в 1970 г. – 51 %, 1980 г. – 51 %. В абсолютном выражении количество женщин среди рабочих и служащих увеличилось с 19,2 млн в 1950 г. до 57,6 млн в 1980 г. (Труд... 1988: 107). Закономерным следствием более активного вовлечения женщин в промышленное производство в послевоенное время стал рост количества ведомственных детских садов. Предприятие брало на себя часть ответственности за воспитание детей рабочих, тем самым освобождая время женщин для работы на производстве.

Безусловно, и до, и после реформы 1965 г. большая часть социальных объектов строилась за счет государственных капитальных вложений. Обычной практикой было закрепление за ведомствами социальных объектов, построенных на средства общего государственного бюджета. В данной книге рассматривается ситуация именно в промышленности, где предприятия имели больше возможностей строить ведомственные объекты. Соответственно, тенденция к выстраиванию вертикальных социальных связей здесь была особенно сильна. После косыгинской реформы на промышленных предприятиях окончательно оформилась смычка между руководством и рабочим коллективом. Исследователи Ю. Ольсевич и П. Грегори (2000: 42) верно отмечают:

...До реформы [косыгинской – М. Л.] заработок отдельного работника не зависел от результатов деятельности предприятия; он имел основания считать, что его труд является «непосредственно общественным», т. е. связан непосредственно с обществом в целом. В результате же реформы и директор, и работник мыслили уже категориями «мы» (т. е. трудовой коллектив предприятия) и «они» (т. е. Госплан, министерство, другие предприятия).

В результате расширения фондов потребления отдельного предприятия рабочий привязывался всей своей жизнью к заводу: его дети ходили в школу, которую построил завод, он сам отдыхал в санатории, построенном, опять же, заводом. Его связь с обществом в целом ослаблялась, и а взамен он оказывался встроен в систему производства и распределения благ внутри отдельного предприятия. Все это находило отражение в официальных лозунгах, которые распространялись на заводах: «Завод — мой дом», «Завод — моя гордость». Исследовательница Т. Ю. Сидорина (2007) называет это явление «социалистическим корпоративизмом», хотя, на мой взгляд, корректнее говорить о «советском корпоративизме», так как вопрос о том, был ли построен в СССР социализм, крайне дискуссионен.

Для справедливости стоит сказать, что указанная привязка рабочего к заводу не была абсолютной. В значительной степени она основывалась на получении ведомственной квартиры. К середине 1980-х гг. директора не имели реальной возможности выселять рабочих из ведомственного жилфонда, если те уходили с завода. Поэтому, по словам одного из советских директоров, некоторые заводы превратились в «машины для перекачивания жилья» (Интервью с директором... 1989). По этой причине при найме новых людей руководство предприятия часто ставило перед ними условие: для получения квартиры они должны были отработать определенное количество лет. Если рабочий увольнялся раньше срока, то он автоматически снимался с очереди на жилье.

Интересно, что проблема заводского патриотизма, вредящего общему плановому хозяйству, получила осмысление в советском кинематографе. В 1974 г. на советские экраны вышел фильм Сергея Микаэляна «Премия» по пьесе А. Гельмана. В нем Потапов, бригадир одной из бригад строительного треста, вместе с коллективом отказывается от премии по той причине, что она была получена за перевыполнение заниженного плана. Борьба против получения незаслуженной премии становится для Потапова лишь поводом для раскрытия общей бесхозяйственности, царящей на стройке.

Предложение бригадира отказаться от премии приводит к расколу управленческого звена предприятия: секретарь парткома и ведущий экономист поддерживают Потапова в противовес управляющему треста, начальнику планового отдела и одному из бригадиров. Положительный исход, т. е. отказ от премии со стороны всего коллектива треста, стал возможным именно благодаря тому, что секретарь парткома поддерживает предложение Потапова, произнося знаковую фразу: «Мы – члены Коммунистической партии Советского Союза, а не члены партии треста номер сто один! Такой партии нет» (в пьесе Гельмана [2003: 65] добавляется: «...И никогда не будет!..»). В реальности, к сожалению, дела обстояли несколько иначе: корпоративные интересы треста № 101 зачастую перевешивали общественные при активном потворстве со стороны директора, парткома и рабочих.

В самой пьесе интересно отражен раскол среди рабочих: одна их часть стремится вникнуть в производство и с карандашом в руках осуществлять учет всех ресурсов и трат, а другая полностью перекладывает руководство на плечи администрации, довольствуясь отговоркой: «От рабочих ничего не зависит». Гельман усматривает в низовой инициативе рабочих ту силу, которая способна изменить ситуацию на стройке: «...Потаповых будет с каждым днем все больше и больше... и они в конце концов заставят всех работать честно! Заставят!» (61). Безусловно, в советской реальности 1960–70-х гг. существовали идейные и принципиальные рабочие, готовые отказаться от незаслуженного вознаграждения. Проблема заключалась в том, что они составляли исключение, подавляющее же большинство действовало пассивно и было заинтересовано лишь в получении зарплаты и премии. Один из рабочих московского завода «Серп и молот» В. Коптев писал в газете «Московские новости» в 1987 г. (цит. по: Маркевич, Соколов 2005: 287):

Рабочие оказались пешками в руках бюрократии. Нам навязывали план, а мы принимали это как должное, когда его кор-

ректировали — мы не возражали, поскольку получали премии за выполнение облегченного плана. Бюрократ платил нам за спокойную жизнь не столько деньгами, сколько словами. Он нас хвалил и прославлял наш трудовой героизм. Слава и деньги вели к самообольщению. Лесть гасила раздражение.

Мысли Коптева подтверждаются данными известного исследования В. Ядова и А. Здравомыслова «Человек и его работа в СССР и после». В результате изучения трудовой деятельности молодых ленинградских рабочих в начале 1960-х гг. социологи пришли к выводу, что 57,88 % молодых рабочих, попавших в выборку, перевыполняли план (Здравомыслов, Ядов 2003: 91). Не выполняли план лишь 4,22 % рабочих. Очевидно, что если свыше половины молодых рабочих без большого опыта перевыполняли план, то «техническое обоснование производственных норм не поспевало за реальными возможностями обычного рабочего (т. е. рабочего средних способностей и квалификации)» (91).

Уже во втором издании книги Ядов поделился личными воспоминаниями о работе в 1952–1953 гг. токарем-лекальщиком на Ленинградском заводе станков-автоматов. После пары месяцев работы на станке он стал перевыполнять норму, на что рабочие с большим опытом заявили ему (410):

«Ты, парень, дурака-то не валяй. Если ученик токаря так работает, то мы что, все — халтурщики? Норму же пересмотрят, да еще и досрочно. Имей это в виду». Разумеется, новичок быстро понял, что здесь требуется. Работал как мог достаточно интенсивно. В течение месяца сдавал в ОТК столько деталей, сколько было надо для 1,5–2 % перевыполнения задания, а остальные придерживал в своей тумбочке. Для сильно пьющих и прогульщиков этот метод гарантировал неприкосновенность по части критики за невыполнение норм. Аналогично и по цеху «задел» на будущее. В конце месяца на складе готовой продукции завода всегда оставалась не сданная продукция как задел на перевыполнение плана. В следующий месяц и главное — за квартал (квартальные премии были значительны).

Советский авиаконструктор О. Антонов в своей книге «Для всех и для себя» (1965: 124) обозначил противоречия советского планирования дилеммой: план или совесть? Безусловно, большинство рабочих подозревало, что групповые достижения их предприятия зачастую идут вразрез с интересами всего народного хозяйства, но не могло пойти против непосредственного материального интереса – собственного и коллектива. Так экономическая проблема сильнейшим образом влияла на политическое сознание людей, приучая их к двоемыслию: для себя/своего коллектива или для всего общества. Подобная практика, повторяющаяся десятилетиями, привела к массовому разочарованию советских людей в социалистической парадигме, что неизбежным образом выразилось в росте потребительских настроений: пока на парткоме рассказывали про светлое коммунистическое будущее и очередной съезд КПСС, рабочий размышлял, как бы поскорей уйти с собрания, чтобы занять очередь за «выброшенными» в продажу югославскими сапогами.

Было бы неправильно упомянуть лишь отрицательные последствия промышленного патернализма.¹ Разветвленные социальные фонды предприятий позволили улучшить условия жизни миллионов людей. Развитие строительства ведомственного жилья позволило многим советским семьям получить отдельные квартиры. Косыгин понимал важность обеспечения советских людей комфортным жильем для развития экономики. Неслучайно он писал в одной из своих за-

¹ П.В. Романов дает следующее определение промышленного патернализма: «Промышленный патернализм – это тип трудовых отношений, функционирующий по образцам, которые ассоциируются с патриархальной общиной или большой семьей, где присутствует Отец-благотель и его Дети – работники, принимающие поддержку и помощь по самому широкому кругу проблем. Такие отношения характеризуются приматом коллектива над индивидом, жесткой внутренней иерархией, подчас подкрепленные харизмой человека, облеченного властью, немонетарными формами мотивации труда». См.: Романов 2005.

писных книжек: «Вопрос жилья и бытовых учреждений должен решаться раньше, чем строительство нового завода».¹

Социальная инфраструктура предприятий также способствовала сплачиванию рабочего коллектива, так как создавала возможность проведения общего досуга. При заводах организовывались кружки и секции. Спортивные сборные предприятий участвовали во всесоюзных соревнованиях. Рабочий коллектив стремился выполнять роль большой семьи. Он не только контролировал производственную деятельность работника, но и мог активно вмешиваться в его личную жизнь. Обычно это было связано с пьянством, уходом из семьи, безответственным отношением к детям и другими формами «морально-бытового разложения» (Жидкова 2008: 276). Если рабочий дебоширил в пьяном виде, то он автоматические бросал тень позора на всю бригаду. Бригада могла в таком случае выступить с публичным осуждением нерадивого коллеги.

В советском обществе личное и коллективное пронизывали друг друга. По месту жительства и работы, в городах и селах действовали товарищеские суды. Они рассматривали дела, связанные с мелкими хищениями, пьянством, хулиганством, аморальным поведением на работе и в быту. Чтобы избежать привлечения работника к уголовной ответственности за мелкую кражу, коллектив мог вынести ему публичное осуждение, оштрафовать его, инициировать его увольнение (Положение... 1973). Эта практика была действенным инструментом общественного правосудия, основываясь на идеологической парадигме: каждый человек ответственен за судьбу своих коллег или соседей. Советский коллективизм проявлялся не только в наказании оступившихся, но и в традициях взаимопомощи. Работники часто помогали друг другу в быту (например, могли посидеть с ребенком) или в сложной

¹ Записная книжка № 22. // Портал «Архивы России». Записные книжки А.Н. Косыгина. URL: <http://kosygin.rusarchives.ru/zapisnye-knizhki-kosygina-1960-h-1970-h-gg>.

жизненной ситуации (так, в случае болезни работника коллеги дежурили у него дома) (Жидкова 2008: 274).

Важную роль в выстраивании единого рабочего коллектива играло отсутствие непреодолимого социального и имущественного барьера между вышестоящим руководством и простыми работниками предприятия. Уровень потребления директора, конечно, отличался от уровня рабочего, но эта разница не приобретала масштаба пропасти. Директор и рабочий могли ходить в одни поликлиники, магазины, театры, быть соседями по дому, дачному участку и т. д. Их дети учились в одних и тех же школах и институтах, т. е. имели равный доступ к образованию. Все это, безусловно, сплавляло коллектив предприятия. На советском производстве управленческое разделение на менеджмент высшего, среднего, низового звена и простых рабочих не приводило к строгому разграничению социальных интересов. Соответственно, фактически и ментально все работники предприятия – от директора до грузчика – были и ощущали себя членами единого трудового коллектива.

М. Пискунов в своей работе о советском трудовом коллективе выделяет в структуре управления предприятия среднее звено управленцев (начальники участков и цехов). В отличие от капиталистического предприятия, где эта прослойка проводила в своих действиях волю начальства, на советском заводе дело обстояло иначе. По мнению Пискунова (2018: 246), склонность начальников цехов «входить в положение» своих подчиненных приводила «...к патерналистским внутри-коллективным межличностным связям, которые позволяли коллективу при необходимости политически мобилизоваться целиком, через свою технологическую иерархию». Пискунов не первым заметил противоречивую роль начальников цехов на советском заводе. Д. Фильцер писал (Filtzer 1992: 227):

Что касается отношений между работниками и руководством в цехах, то менеджеры шли на уступки работникам в отношении скорости работы или заработка именно потому, что им требова-

лись взаимные «уступки» от рабочей силы. В моем исследовании о 1930-х годах я обосновал, что основной движущей силой готовности руководства уступить работникам их существенный, хотя все еще частичный контроль над трудовым процессом является необходимость достижения определенной степени стабильности в крайне нестабильной производственной среде. В ситуации, когда менеджеры никогда не могут быть уверены в наличии поставок, необходимых инструментов, надежности оборудования или даже постоянстве своих плановых заданий, важно добиться хотя бы пассивного сотрудничества рабочей силы.

Уступки чаще всего касались дополнительных выплат, связанных со сверхурочной работой в выходные дни в период штурмовщины, приходящиеся на конец квартала и года. Администрация предпочитала доплачивать рабочим, чтобы не провоцировать протест с их стороны.¹

Смычка между рядовыми рабочими и руководством среднего звена сыграла важную роль уже в постсоветский период, когда на руинах советского общества развернулась не классовая борьба в ее классическом понимании (пролетариат против буржуазии), а, скорее, противостояние между более или менее монолитным трудовым коллективом предприятия (ИТР, рабочие) и новыми собственниками, стремившимися паразитировать на ресурсах завода.

¹ В одном из производственных интервью, собранных С. Белановским, рабочий В. Корсетов дает интересное описание политики администрации: «Политику, которая тогда [в начале 1980-х гг. — М.Л.] проводилась, можно назвать политикой невмешательства во внутренние дела заводов. Администрация предприятий договаривалась с рабочими по сути дела полюбовно, и чаще всего она имела возможность договориться с рабочими за счет разного рода переплат, послаблений и т.п. Такого рода инфляционная политика в общем была стимулирующей для производства в том смысле, что она позволяла избегать обострения отношений между рабочими и администрацией». Цит. по: Интервью с рабочим... 1988.

В условиях обострившегося дефицита рабочей силы в позднесоветское время особо важную роль играло обеспечение стабильной кадровой базы предприятия. Одной из главных проблем советской экономики на протяжении всей ее истории была текучесть кадров (Грегори 2008: 328). Например, в 1967 г. в целом по промышленности текучесть работников составила 22,1%, в пищевой промышленности – 35,7%, на производстве строительных материалов – 34 % (Милюков 1974: 193). Закрепление рабочих на предприятии достигалось во многом за счет того, что помимо зарплаты руководство поощряло их путем предоставления дополнительных благ – жилья, путевок в санатории и т. п.

Активное социальное строительство, осуществляемое предприятиями, оказывало противоречивое влияние на социальную психологию рабочих. Люди чувствовали себя нужными на производстве, формировался единый рабочий коллектив, который с уверенностью смотрел в будущее и был уверен, что родное предприятие их не бросит. Но вместе с этим рабочие стали относиться к результатам своего труда с большим безразличием. Изначальная идея реформы 1965 г. заключалась в том, чтобы за счет повышения доли прибыли, оставляемой предприятию, усилить трудовую мотивацию рядового работника. Именно поэтому значительная часть (40–50 %) фондов стимулирования должна была идти на премирование сотрудников.

Однако из официальной советской статистики (Промышленность... 1988: 36–37) мы видим, что как минимум половина фонда материального поощрения не расходовалась в течение года. Это было связано с тем, что, по задумке реформаторов, фонды поощрения пополнялись даже если предприятие не выполняло план по прибыли и рентабельности – пусть и на меньшую сумму, чем было предусмотрено по плану. Но по закону премии выплачивались именно за трудовое участие коллектива в росте прибыли и рентабельности. Таким образом, часть средств (до 20 %) из фонда материального поощрения поступали в фонд социально-культурных меро-

приятий и жилищного строительства (Основные положения... 1972: 14). Оставшиеся деньги часто изымались у предприятия государством или отправлялись в резервы министерства. Бывало также, что фонд материального поощрения замораживался, если рост средней заработной платы на предприятиях опережал рост производительности труда (20).

Из приведенных выше цифр видно, что в фонде заработной платы рабочих доля премии не превышала 10 %. Заработок рабочего был слабо связан с его личным трудовым участием. Все это вело к росту апатии и безразличия со стороны рабочих. Люди думали о том, насколько увеличился их семейный бюджет, не сильно интересуясь цифрами роста фондов общественного потребления, хотя за ними скрывались новые больницы, школы, санатории и т. д. Верно выразились авторы книги «Магнитка близ Садового кольца»: «...в обычной жизни люди мыслили не историческими категориями, а повседневными реалиями, не показателями статистики, а тем, как это сказывалось на бюджете семьи, текущих потребностях» (Маркевич, Соколов 2005: 343). Кризис трудовой мотивации был также связан с разочарованием рабочих в советской действительности 1970–1980-х гг. Обещания построить коммунизм обернулись длинными очередями в магазинах и неспособностью отоварить растущую зарплату.

Падение трудовой дисциплины на предприятиях и рост потребления алкоголя в рабочей среде не встречали резких мер со стороны заводского руководства (Пискунов 2017: 222–223; Журавлев, Мухин 2004: 271–272). Алкоголиков увещевали, стыдили, брали на поруки, но увольняли лишь в редких случаях. Подобная практика объяснялась острым дефицитом рабочих рук в советской экономике с 1960-х гг. Директор предпочитал держать пьяниц в штате про запас, тем более что таких рабочих было легче контролировать.

Удивительным образом на советских предприятиях одновременно уживался и дефицит, и наличие резерва рабочей силы. Если Маркс писал о существовании резервной армии труда, т. е. безработных, которые экономически давят на

зарплату занятых, то на советских заводах резервные рабочие числились в штате предприятия. Это делалось для того, чтобы в случае необходимости ведения работ за воротами завода не отрывать от станка квалифицированных рабочих. Резервных рабочих часто использовали на строительстве ведомственного жилья, сельскохозяйственных работах в подшефных колхозах и т. д. Например, в статье советского экономиста Н. Кулагина, опубликованной в «Правде» в декабре 1982 г., отмечалось, что средняя численность персонала на советском предприятии в машиностроении и металлообработке превышает 1 600 человек, а в ФРГ она меньше 250 человек; на советском станкостроительном заводе в среднем заняты 1 800 человек, а на западном предприятии — в несколько раз меньше. Избыточная рабочая сила в советском машиностроении обычно включала в себя ремонтников, транспортно-складских рабочих, инструментальщиков (38 % от всех рабочих), в машиностроении же США на долю вышеназванных профессий приходилось лишь 11 % рабочих (Кулагин 1982).

Нежелание руководства завода увольнять рабочих, нарушивших трудовую дисциплину, обуславливалось также методикой формирования фонда заработной платы на предприятии: «Плановый фонд заработной платы определяется умножением расчетной численности работников на их среднюю заработную плату» (Методические указания... 1972: 340). Таким образом, сокращение численности штата неизбежно вело к изъятию у предприятия части фонда заработной платы, что ограничивало возможность директора назначать дифференцированную плату разным работникам, стимулируя передовиков производства. Один из советских директоров откровенно ответил на вопрос о том, почему он не избавляется от пьяниц на производстве: «За прогулы и периоды запоя я им не плачу, и у меня накапливается определенная сумма для поощрения хорошо работающих. А если мы прогульщика увольняем, то он с собой „уносит“ и среднюю зарплату» (Валовой 1991: 129).

В. Молотов в беседе с Ф. Чуевым (1991: 502) очень точно описал социально-психологическую атмосферу в советском обществе 1970–80-х гг.:

...Партия с высокой трибуны провозгласила лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», который настолько далек от реальности, что народ перестал верить. Как никогда, стал точен лозунг: «Народ и партия едины»: партия обманула народ, а народ стал обманывать партию, потеряв веру и работая кое-как.

Неслучайно на предприятиях были распространены идеи промышленного патернализма, выражающиеся в известных словах: «Приоритет предприятия – забота о людях». Рабочий коллектив выступал в роли не самостоятельного субъекта трудовых отношений, а опекаемого объекта. По этой причине среди граждан позднего СССР сформировалось патерналистское отношение к вышестоящим органам: «Государство/предприятие о нас позаботится». Социолог Е. Богданова (2006: 81) отмечает:

Согласно материалам агитационно-пропагандистской литературы, с конца 50-х годов объектом заботы становится практически все и все. Если до второй половины 50-х годов «забота» была, преимущественно, категорией, определяющей социальную политику в отношении маргинальных, нуждающихся в помощи групп: инвалидов, сирот, престарелых, то с середины 50-х годов забота обращается на все слои общества, все социальные, профессиональные, возрастные группы. Дискурс «заботы» распространяется на различные аспекты социальной жизни.

На деле это привело к формированию у советских граждан иллюзии о том, что за социальные права не нужно бороться, что они автоматически и навечно гарантированы государством. Общественные фонды потребления стали восприниматься как «бесплатные блага».

VI. МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ БОРЬБА

ИСТОРИЯ советского рабочего класса неразрывно связана с процессами, происходившими в системе плановой экономики. Изучать две эти темы изолированно друг от друга бессмысленно. Во введении к данной книге уже отмечалось, что позднесоветские исследования базировались на социологическом подходе. Упор делался на статистике, отражающей изменения в численности, половом составе, уровне образования рабочих. Из представленных данных можно было сделать однозначный вывод – рабочий класс стал самым крупным классом советского общества, и его ждут самые радужные перспективы, ведь уровень его потребления, образования и сознательности неуклонно растет. Данная схема разбивается о события конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые в принципе невозможно объяснить без анализа ведомственной децентрализации, которую переживала советская экономика.

В работе «Новый русский капитализм» я уже анализировал вопрос о том, к каким последствиям привело увеличение хозяйственной самостоятельности отдельного предприятия в ходе Перестройки (Лебский 2019: 32–36). Но Перестройка имела свою предысторию – косыгинскую реформу. Странным, на первый взгляд, образом в ходе реформы 1965 г.

усилению хозяйственной автономии предприятия сопутствовало восстановление отраслевых министерств. Безусловно, на фоне раздробления управления экономикой на совнархозы восстановление министерств было шагом в сторону централизации.¹ Вопрос только в том, каков был характер этой централизации. В результате реформы 1965 г. произошла ведомственная централизация, приведшая к усилению не Госплана как проводника общегосударственного интереса, а отраслевых министерств. Кстати сказать, многие сторонники реформы объясняют провал преобразований «сопротивлением аппарата», имея в виду именно министерства. Чтобы оценить правоту этого довода, нужно взглянуть на формирование системы управления плановым хозяйством.

В начале 1930-х гг. примерно половину Политбюро составляли люди, представлявшие хозяйственные ведомства: С. Орджоникидзе – Наркомтяжпром, А. Микоян – Наркомснаб, Л. Каганович – Наркомпуть, региональные партийные лидеры представляли интересы своих регионов. В своем исследовании П. Грегори предполагает, что, если бы управление страной в 1930-е гг. было коллегиальным, то ведомственный интерес неизбежно возобладал бы над общегосударственным (Грегори 2008: 329). Приоритет государственных интересов был обеспечен полнотой власти И. Сталина. В этом заключались одновременно сила и слабость советского управления – парадигма развития всей страны зависела от степени централизации власти в руках генерального секретаря и его политической линии. При этом стоит отметить, что к концу правления Сталина межведомственная борьба усилилась. Политическим выражением ее интенсификации стало дело Госплана, начатое в 1949 г.² Председателя Госплана Н. Вознесенского обвинили в «смыкании» с ведомственным

¹ В книге Пола Грегори и Роберта Стюарта речь идет как раз о ведомственной рецентрализации, которая привела к усилению экономической власти министерств. См. Gregory, Stuart 1994: 134.

² См. более подробно: Хлевнюк 2001.

интересом и занижении плановых заданий для ряда министерств. В постановлении Политбюро говорилось:

...в результате проверки, произведенной Бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР (т. Помазнева) о плане промышленного производства на I квартал 1949 года вскрыты факты обмана Госпланом СССР Правительства, установлено, что Госплан СССР допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается прежде всего в подгонке цифр с целью замазать действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств.¹

Если не касаться реальной или мнимой вины лично Вознесенского, примечательна сама формулировка обвинения — «смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами». Она говорит о том, что руководство партии в лице Сталина понимало, откуда исходит опасность. И все же даже после смены руководства Госплана этот орган был вынужден идти на компромисс с министерствами по ряду второстепенных показателей. Факторами, способствовавшими этому, были, например, принадлежность министерства к оборонной отрасли и аппаратный ресурс главы ведомства (например, министра автотракторной промышленности, члена Президиума Совета Министров СССР А. Малышева) (Захарченко 2018: 223).

После косыгинской реформы усилилась тенденция к «сползанию» власти сверху вниз по бюрократической иерархии — от Политбюро к отраслевым министерствам (Упущенный шанс... 2017: 16). Во многом это было обусловлено установлением узкого коллегиального руководства в Политбюро

¹ Постановление Политбюро о Госплане СССР от 5 марта 1949 г. «О Госплане СССР».

в связи с обострившейся болезнью Л. Брежнева в 1972 г. Кремлевский врач Е. Чазов отмечал в своих воспоминаниях, что после XXV съезда КПСС (1976 г.) Брежнев окончательно перестал быть дееспособным политиком: «Именно с этого времени – времени после XXV съезда партии – я веду отсчет недееспособности Брежнева как руководителя и политического лидера страны, и в связи с этим – нарождающегося кризиса партии и страны» (Чазов 1992: 144). Генеральный секретарь оказался зажат между различными группами влияния, которые оказывали на него сильное политическое давление. В условиях разрастания советской экономики Госплан еще с меньшим, чем раньше, успехом мог контролировать исполнение огромного числа утвержденных плановых показателей. П. Грегори (2008: 203) писал:

...чем больше интегрированы управленческие структуры, тем больше вероятность того, что ресурсы будут использованы наиболее рациональным образом. Чем больше разделены органы управления производством, тем ярче представлена тенденция отдавать в вопросах снабжения «своим» предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим министерствам и ведомствам.

Байбаков в одном из интервью отмечал, что в 1970-е гг. многие министерства перестали выполнять годовые планы. Вместо этого они отправляли в Госплан «декабристов» (представители министерств обычно ездили в Госплан в конце года) с просьбой о снижении плана (Иванов 2010: 124). Госплан был вынужден «прогибаться» под эти требования, так как у министерств появилась мощная поддержка в лице лоббистов из отраслевых отделов ЦК (Ольсевич, Грегори 2000: 100). К середине 1980-х гг. замыкание министерств в автономные структуры, «государства в государстве», достигло своего пика. М. С. Горбачев после прихода к власти увидел в министерствах главное препятствие для реализации экономических реформ. Не надеясь реформировать их, он объявил огонь по штабам, фактически способствуя переходу

экономической власти в руки директоров предприятий. Именно для этого в 1987 г. был разработан Закон о государственном предприятии. По словам В. Медведева (1993: 52), одного из ближайших соратников Горбачева, смысл реформ заключался в том, чтобы

в низовых звеньях создать бастионы новых экономических структур и затем, опираясь на них, перестраивать экономический механизм на более высоких этажах. С учетом печального опыта реформы середины 60-х годов, на сей раз исходным моментом был определен перевод на новые методы работы первичного звена народного хозяйства. Попытки в прошлом начать преобразования с верхних этажей не удавались, встречали сильнейшее сопротивление прежде всего со стороны тех органов управления, которые должны были сами ограничить свои права.

Послесталинское руководство СССР напрямую связывало экономический рост с деятельностью низшего экономического звена – отдельного предприятия. Поэтому практически все инициативы по реформированию советской экономики со времен Хрущева были связаны с попыткой усилить мотивацию трудового коллектива производить больше и лучше. Как это можно сделать? Предприятию и, соответственно, его коллективу нужно оставить больше ресурсов, чтобы оно могло усилить материальное стимулирование работников, тем самым повысив производительность труда и объемы производства. Все эти, на первый взгляд, благие намерения наталкивались на мощное препятствие в виде институциональной среды директивного планирования, в которой функционировало предприятие. Завод не мог свободно распоряжаться дополнительными средствами в условиях отсутствия рынка средств производства и рабочей силы. Поэтому советский хозрасчет 1960–80-х гг. носил половинчатый характер: заводу оставили средства на развитие, но фактически он мог потратить эти ресурсы лишь на фонд материального поощрения работников и фонд социально-культурного развития.

Преграды для реализации реформы 1965 г. коренились и в деятельности самого предприятия. В силу своего объективного положения в советской экономической системе — положения низшего уровня пирамиды — руководство завода думало прежде всего о выполнении собственного плана. Подобный узкий горизонт обуславливался иерархией советского планирования (Маркевич 2003: 4). Госплан давал лишь контрольные цифры пятилетних, годовых и квартальных планов, а в дальнейшем план детализировался по цепочке «министерство–главк–предприятие». В ходе детализации плана сверху вниз начинал действовать фактор, который американский экономист О. Уильямсон назвал оппортунизмом экономического агента — использование исполнителем своего служебного положения для извлечения частной выгоды в противовес интересам владельца компании. Низшие звенья плановой экономики были заинтересованы в утаивании ресурсов и сокращении плана, что противоречило нуждам общего экономического развития страны.

В сталинские годы с этим боролись путем политического и экономического давления центральных органов власти, и в первую очередь Сталина, на исполнителей планов. Производственники и в тот период пытались сопротивляться этому давлению. Чтобы проиллюстрировать это, приведу яркий пример, относящийся к 1940 г. После выхода ряда законов, ужесточающих наказание за нарушение трудовой дисциплины на предприятиях, директора некоторых ленинградских заводов написали в «Правду» коллективную статью, в которой предлагали снять с них «мелочную сверхопеку». Они предложили оставить предприятиям шесть основных показателей: 1) производственную программу, 2) задание по росту производительности труда, 3) общий фонд заработной платы, 4) себестоимость, 5) план накоплений, 6) общий размер оборотных средств. Директора писали также о том, что необходимо разрешить им выделять дополнительные средства из сверхплановых накоплений для премирования работников, технического переоборудования цехов и благоустройства

завода (Восканян и др. 1940). Хода этим предложениям центральное руководство не дало, но сами по себе они крайне симптоматичны — в низовом звене плановой системы уже тогда сформировалось стремление к экономической автономии.

В послесталинское время набирала ход тенденция к ослаблению давления плановиков на производителей. Ключевыми вехами усиления экономической автономии предприятия являются 1965 г. и 1987 г. Но между ними были приняты андроповский «Закон о трудовых коллективах» (1983 г.) и постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы», о которых многие часто забывают.¹ Игнорирование этих документов публицистами и историками связано с тем, что они носили во многом декларативный характер.² Но они важны, так как позволяют судить о намерениях части советской номенклатуры (Ситарян 2010: 73–74). В «Законе о трудовом коллективе» речь шла о развитии социалистической демократии через усиление роли трудового коллектива в управлении предприятием. Конкретные полномочия трудового коллектива сводились к следующему: участие в создании и обсуждении текущих и перспективных планов развития предприятия; заслушивание докладов администрации о ходе выполнения планов и предоставление ей рекомендаций по улучшению работы; участие в обсуждении и принятии коллективного договора; осуществление контроля за распределением фондов поощрения, надзор за ходом жилищного строительства и др.³

¹ Закон СССР от 17.06.1983 «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями».

² Г. Ханин в одной из своих книг отмечает создание предпосылок для рабочего самоуправления в андроповский период. См.: Ханин 2010: 78.

³ Закон СССР от 17.06.1983 «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями».

Основным органом решения вышеуказанных вопросов было собрание трудового коллектива. В промежутках между его работой контроль за выполнением его решений ложился на администрацию и профсоюзную организацию предприятия. Таким образом, закон о трудовом коллективе существенным образом не влиял на структуру управления производством: администрация должна была контролировать собственную деятельность, а решения собраний трудового коллектива носили рекомендательный характер. Пожалуй, единственной важной частью закона был пункт:

Трудовые коллективы: участвуют в решении вопросов использования средств фонда материального поощрения, фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, фонда развития производства; обсуждают и одобряют сметы расходов этих фондов, контролируют их выполнение. Средства фонда материального поощрения, фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, образованных на предприятиях и в организациях, не могут быть изъяты без согласия трудового коллектива.¹

Распределение фондов стимулирования напрямую связывалось не просто с волей администрации, а с решениями всего трудового коллектива. На деле же сами власти признавали, что участие коллективов в управлении предприятием остается формальным, коллектив делился на небольшой «актив» (члены выборных общественных организаций, передовики), участвовавший в управлении, и «пассив», включавший в себя большинство работников (Закон... 1985: 8–9).

В рамках экономического эксперимента в начале 1984 г. ограниченный хозрасчет был введен для 1 850 предприятий тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической промышленности союзного уровня, а также пищевой, легкой и местной промышленности республиканского уровня

¹ Там же.

на Украине, в Белоруссии и Литве.¹ Администрациям этих предприятий разрешили брать заказы на основе договоров с другими заводами и потребителями (Круглов, Лабудин 2010: 177). Оценка хозяйственной деятельности завода теперь производилась «по выполнению плановых заданий по объему реализации продукции исходя из обязательств по поставкам по номенклатуре (ассортименту), качеству и в сроки в соответствии с заключенными договорами (заказами)».² Но, как и в случае с косыгинской реформой, предприятиям, участвовавшим в эксперименте, были обеспечены льготные условия. А. Петров, старший специалист Отдела совершенствования управления народным хозяйством в 1984–1989 гг., вспоминает (Запись... 2019: 53):

Поскольку эксперимент сопровождали почти в ручном режиме, эффективность его была высокая. Конечно, платежи предприятий – его участников, с надписью «эксперимент», банком проводились в первую очередь, были и другие меры поддержки, но я видел, что интерес к работе в трудовых коллективах этих предприятий усилился, люди стали больше получать, старались работать на конечный результат.

К 1985 г. предприятия, работающие на новых условиях, производили 11,6 % от всей продукции промышленности, на них было занято 13,3 % от общей численности промышленно-производственного персонала (68). Н. Рыжков (1995: 48) признает: «Конечно, с сегодняшних позиций все эти меры выглядят достаточно робкими, наивными, но именно с них-то и начиналась перестройка в экономике, а затем и во всем обществе».

¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 659 от 14 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работ».

² Там же.

Среди советских предприятий флагманом движения к «подлинному хозрасчету» был Волжский автомобильный завод. Здесь в начале 1985 г. по инициативе директора по экономике и планированию П. Кацуры и при активной поддержке Рыжкова и В. Павлова был инициирован эксперимент. Целью его было обеспечить лишь за счет интенсивных факторов общее увеличение производства, обновление базовой модели автомобиля один раз в пятилетку, замену активной части основных производственных фондов один раз в пятнадцать лет. Ради этого количество централизованно утверждаемых показателей работы предприятия сокращалось с 12 до 6;¹ прибыль ВАЗа распределялась по пропорции: предприятию – 47,5 %, госбюджету – 47,5 %, фонду министерства – 5 %; в фонд развития производства поступало 40 % валютных средств, полученных от экспорта машин в страны со свободно конвертируемой валютой и 10 % – от поставок в страны СЭВ; часть из этих средств ВАЗ мог тратить на покупку технологического оборудования как для себя, так и для заводов-смежников; руководство предприятия получало возможность назначать дополнительные премии работникам за счет уже имевшегося фонда материального поощрения и новосозданного фонда премирования за экспортные поставки (5 % от оптовой цены автомобиля и 10 % от цены запасных частей). Таким образом, в очередной раз предпринималась попытка усилить трудовую мотивацию рабочих, инженеров и руководства за счет увеличения доли прибыли, оставляемой предприятию, и установления стабильных нормативов на целую пятилетку.

¹ Задания по разработке, освоению, внедрению и расширению использования новой техники и технологических процессов; производство основных видов продукции в натуральном выражении, включая изделия новой техники; поставка автомобилей на экспорт, в том числе в страны с конвертируемой валютой; рост производительности труда; прибыль; темпы роста товарной продукции в пятилетнем плане, а в годовых планах объем реализуемой продукции, для оценки выполнения обязательств по поставкам продукции (Кацура и др. 1985: 5).

В брошюре, посвященной эксперименту, прямо говорилось о проблеме предшествующих лет (Кацура и др. 1985: 18–19):

Директор производства, объединяющего десятки цехов с десятками тысяч работающих, был по существу начальником цеха, только очень большого. Хозяйственная деятельность подразделений осуществлялась в условиях централизованных лимитов, фондов и премиальных систем, что было вполне оправдано.

Условия эксперимента предполагали:

Внедрение этих принципов в практику хозрасчета открывает широкие возможности. Директор производства получает по существу права полномочного директора завода, отличие лишь в отсутствии счета в банке, использование которого в дальнейшем для некоторых производств также не исключено.

Эксперимент на ВАЗе имел далеко идущие последствия: в том же 1985 году Рыжков пригласил Кацуру на работу в Совет министров СССР, где тот стал первым заместителем председателя Госсовета по экономической реформе. Сам себя Кацура называет одним из соавторов Закона о государственном предприятии, который первоначально был опробован на ВАЗе (Кацура 2012: 171):

Сам я [на работе в Совмине – М. Л.] сосредоточился на организации управления в отраслях промышленности страны, выступил с инициативой сформулировать на базе принципов вазовского эксперимента Закон «О государственном предприятии (объединении)». Предполагалось разорвать по живому сквозную административную вертикаль управления и начать этот процесс именно с перестройки в основном звене общественного производства.

Вторым предприятием, которое было полностью переведено на полный хозрасчет, стало Сумское машиностроительное

производственное объединение имени М. В. Фрунзе. Если сравнить разные брошюры главного экономиста объединения В. Москаленко, написанные в 1969 и 1989 гг., можно обнаружить определенные различия. После косыгинской реформы отчисления в фонды стимулирования начислялись за рост показателей (например, прирост сверхплановой прибыли на 1% приводил к росту фонда материального поощрения на 0,3% к фонду заработной платы), а в 1985 г. отчисления считались в процентах от общей массы прибыли, остававшейся в распоряжении предприятия после уплаты кредита и налога за фонды. Обосновывалось это изменение стремлением сделать расчеты понятными для простых рабочих. Но устранение конкретных показателей, от которых зависели ФЭС, привело к тому, что только общая прибыль стала главным и единственным показателем, влияющим на фонды стимулирования.

Я не смог найти информацию о том сколько процентов от общей прибыли Сумский завод оставлял себе в 1960-е гг., однако в 1970 г. промышленные предприятия перечисляли в государственный бюджет в среднем 62% прибыли. В 1980-е гг. ситуация радикальным образом меняется. В распоряжении Сумского машиностроительного объединения оставался 71% общей прибыли (44,4 млн руб.)! Таким образом, не учитывая фонд развития производства, фонды материального поощрения и жилищного строительства равнялись отчислениям в бюджет (17 млн руб.) (Москаленко, Балан 1989: 19).

Другим важным нововведением стало изменение источника капиталовложений в модернизацию производственных фондов предприятий. Сумское объединение перешло на самофинансирование в рамках расширенного воспроизводства. Таким образом, государство теперь не вкладывало в модернизацию производства ни рубля: все расходы (амортизационные отчисления, фонд развития производства) ложились на плечи предприятия (17). Де-юре и де-факто государственное предприятие постепенно превращалось в самостоятельный хозяйственный субъект экономических отношений. Сам Москаленко признает, что перевод предприятий различных

отраслей на самофинансирование обнаружил явные негативные последствия для государственного бюджета (108–109):

Перевод предприятий на полный хозрасчет осуществлялся в условиях утвержденного пятилетнего плана. В большинстве отраслей выбирали наиболее легкий, но, по нашему мнению, неверный путь. Исходя из пропорций, заложенных в пятилетнем плане предприятий, по каждому из них сначала составлялся финансовый план, только не на год, как было ранее, а на пятилетку. При составлении финансового плана за счет средств предприятий в первую очередь обеспечивалось финансирование выделенных им капиталовложений, образование фондов поощрения, т. е. покрывались потребности предприятия. Платежи в государственный бюджет и министерству носили остаточный характер. [...] Но на предприятиях Минхиммаша соблюдены принципы первоочередности платежей в государственный бюджет и требование «зарабатываемости» средств на развитие самими предприятиями.

Предприятия каких министерств осуществляли отчисления в бюджет по остаточному принципу? Речь идет о Минприборе, Минавтопроме, Миннефтехимпроме, Минлегпроме, Минморфлоте, 36 предприятиях других ведомств, а также предприятиях строительства, бытового обслуживания и государственной торговли (109). Таким образом, большинство предприятий, участвовавших в эксперименте, старалось обеспечить прежде всего собственные нужды и максимально сократить отчисления в государственный бюджет.

Подводя итог экономическим экспериментам, предшествовавшим перестройке, важно подчеркнуть, что андроповский закон был не четким руководством к действию, а скорее декларацией о намерениях. Через несколько лет инициатива Ю. Андропова получит развитие на качественно новом уровне в ходе деятельности Горбачева. Рыжков о времени правления Андропова писал: «Сейчас почти не вспоминают „Закон о трудовых коллективах“. А ведь если внимательно посмотреть в этот документ, то станет понятно, что он и является предтечей

будущих законов о предприятиях, о демократизации общества и многих других. Важно, что он был нацелен именно на первичное звено советского общества» (Рыжков 1995: 49).

Как было отмечено выше, фундамент горбачевской Перестройки был заложен в 1965 и 1983–1984 гг.¹ Закон о государственном предприятии 1987 г., в свою очередь, был логическим развитием реформы 1965 г. Недаром сам Горбачев говорил о том, что он многое взял из косыгинской реформы.² Будучи первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, Михаил Сергеевич вел продолжительные дискуссии с Косыгиным о судьбе реформы 1965 г., настаивая на предоставлении большей экономической самостоятельности местным партийным чиновникам (Горбачев 1995: 148–153). Преемственность с косыгинской экономической политикой подчеркивалась многими партийными деятелями.³

Грегори (2008: 321) справедливо пишет о том, что в конце 1980-х гг. закончилась 50-летняя борьба между плановиками и производителями. Победили последние. После этого резко подскочили зарплаты служащих и рабочих, что совершенно не было связано с ростом производительности труда. Повышение зарплат в промышленности в конце 1980-х гг. было вызвано, кроме того, утечкой квалифицированных кадров с государственных предприятий в кооперативы, где

¹ См. более подробно: Пихоя 2016: 15–16.

² Горбачев говорил на XIX партийной конференции: «Захлебнулась реформа в промышленности, начатая в 1965 году. А ведь тогда, товарищи, решалось почти то же, что мы сегодня предусматриваем в экономической реформе, причем многое оттуда используем» (XIX всесоюзная... 1988: 281).

³ Первый секретарь Саратовского обкома КПСС (1976–1985 гг.) В.К. Гусев (2012: 49–50) писал в своих воспоминаниях: «Ничего нового в „новом мышлении“ Горбачева вообще не было. Его единственная заслуга перед партией и народом состояла в том, что он не отверг тех начал возрождения косыгинской экономической политики, которые были восстановлены Андроповым и снова преданы забвению в очень короткий период пребывания у власти Константина Устиновича Черненко».

платили больше. Для того чтобы удержать рабочих на предприятии, директор был вынужден повышать работникам денежные оклады (Filtzer 1994: 52–53). Руководство страны знало об этой ситуации, но не воспринимало ее всерьез. В 1988 г. Рыжков в докладе, посвященном кооперации, заявил (1988: 14):

...Уже поступают сигналы: кое-где не дают создавать кооперативы. Причем препятствуют, прикрываясь внешне благовидным предлогом: дескать, недопустим отток рабочей силы из государственного сектора экономики в кооперативный. Это надуманная, мнимая озабоченность. Ведь если человек уходит с какого-то предприятия, будь оно государственное или кооперативное, значит, его там не устраивают условия труда, жизни или заработка. И тут надо четко уяснить, что дело не в приоритетах. Оба сектора экономики равноправны. В кооперативном движении имеет право участвовать, как это и предусмотрено в проекте Закона, любой гражданин. И никаких ограничений здесь быть не должно.

Согласно данным Госбанка, в 1989 г. принятый на местах план прибыли промышленных предприятий оказался ниже контрольных цифр Госплана на 11,1 млрд рублей (По страницам... 2011: 37). Предприятия легко перевыполняли план – зачастую за счет повышения цен на свою продукцию, – получая дополнительные отчисления в фонды экономического стимулирования. Наряду с 50 % плановой прибыли предприятию оставались 70 % сверхплановой прибыли (43). В 1985 г. было принято утвержденное Госпланом и Минфином Типовое положение, которое предусматривало увеличение фонда материального поощрения на 15 % в квартал за точное выполнение промышленными предприятиями поставок по заключенным договорам и с принятыми к исполнению заказами-нарядами. Фонд поощрения мог повышаться также за счет выпуска товаров народного потребления высшей категории качества; за прирост объема производства товаров детского ассортимента по нормативу в размере до 3 % плано-

вого фонда материального поощрения на соответствующий период года.¹ Кроме того, в конце года в этот фонд могли направляться средства, полученные за счет неиспользованной экономии по фонду заработной платы; другими словами, если предприятие увольняло работника, его зарплата делилась между оставшимися — фонд зарплаты оставался прежним. Работник, ушедший в непроизводственную сферу или кооперативы, также получал зарплату на новом месте. В общегосударственном масштабе это приводило к росту денежной массы без соответствующего расширения товарооборота. По данным Госбанка, фонд оплаты труда рабочих и служащих на 1988 год превышал государственный план на 20,3 млрд руб. и равнялся 314,9 млрд руб. (По страницам... 2011: 37). Все вышеназванные решения привели к раздуванию фонда материального поощрения, не подкрепленному соответствующим ростом производительности труда.

Соотношение роста денежных доходов, заработной платы и средних розничных цен в 1971–1988 гг. (в %):

Годы	Денежные доходы населения (без обязательных платежей и добровольных взносов) в %		Средняя денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР	Индексы	
	Всего	В расчете на душу населения		прейскурантных розничных цен	средних розничных цен
1971–1975	137,7	131,4	119,5	99,6	109,0
1976–1980	126,1	120,8	115,8	103,5	111,7

¹ Типовое положение о порядке образования и использования фонда материального поощрения (единого фонда материального поощрения) на двенадцатую пятилетку в промышленности (утв. Госпланом СССР № ЛВ-53-Д, Минфином СССР № 08-36, Госкомтрудом СССР № 3810-ЛК, ВЦСПС № 24/117 15.11.1985).

1981–1985	122,4	117,1	112,6	105,1	110,3
1986–1988	117,5	114,1	115,6	103,6	107,3
1971–1988	249,7	212,1	180,2	112,7	142,2

Источник: По страницам... 2011: 56.

Не обеспеченное товарами увеличение доходов подстегнуло рост скрытой инфляции, дефицит и общий развал экономики. Это произошло во многом потому, что сами трудящиеся пожертвовали общественными интересами ради групповых интересов работников отдельных предприятий. Ситуацией воспользовались некоторые новоизбранные директора, которые стали обещать своим работниками золотые горы. Экономист Д. Валовой (1991: 339) так образно охарактеризовал ситуацию:

Представьте, что на кухне сорвало кран и вас разбудила... вода. Вместо того чтобы перекрыть воду, в суматохе кто-то открыл кран еще и в ванной. Нас «разбудил» апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС. Мы обнаружили в обращении десятки миллиардов рублей, не покрытых товарной массой, и то, что разбалансированность, подобно радиации, пронизала поры нашей экономики. Осуждая затратный механизм хозяйствования, иждивенчество, уравниловку и другие пороки, содействовавшие «затоплению» рынка деньгами, и осуществляя меры по их ликвидации, мы не только не перекрыли их приток в обращение, но и еще больше усилили его.

Сам по себе рост заработка рабочих — явление позитивное, но не в ситуации, когда не обеспеченные потребительскими товарами деньги лишь наращивали дефицит. По данным Госкомстата, неудовлетворенный спрос населения на товары и услуги вырос в 1989 г. по сравнению с 1970 г. в 11 раз, составив 165 млрд руб. (По страницам... 2011: 46).

Е. Лигачев (1999) подтверждает взрывную динамику увеличения оборотных средств:

Пользуясь свободными договорными ценами, многие предприятия, особенно машиностроительные, стали на первых порах «заколачивать» большие деньги, поистине сверхприбыль, но вовсе не за счет роста производства, а исключительно благодаря своему монопольному положению, буквально хватая за горло потребителей. Короче говоря, их доходы начали возрастать на нездоровой основе. Надо еще иметь в виду, что отнюдь не заработанная, а добытая с помощью монопольно высоких договорных цен прибыль в значительной мере пошла на оплату труда, что вызвало скачкообразный рост доходов населения. Если в семидесятых годах ежегодный прирост доходов составлял 8–10 миллиардов, а в последующие семь лет восьмидесятых годов по 12–15 миллиардов, то за 1988 год доходы выросли сразу более чем на 40 миллиардов рублей. Потребительский рынок был взорван.

Все вышеприведенные цифры касались только официальных доходов населения, фиксируемых статистикой. Однако экономическая ситуация в стране осложнялась развитием теневого сектора. Экономист С. Меньшиков (1990: 111–112) произвел расчеты размера теневых доходов, сопоставив общий розничный товарооборот, оказанные услуги населению, рост денежных вкладов и увеличение официальных денежных доходов населения. Расходы значительно превысили официальные доходы:

Невидимые доходы в млрд руб. и в % к фонду оплаты труда в 1975–1989 гг.

	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1988 г.	1989 г. (1-е полугодие)
В млрд руб.	31,8	52,5	74,3	97,9	55,3
В %	13,8	17,9	21,1	24,1	25,4

Меньшиков не включает в официальные доходы населения заработки колхозников от торговли на колхозных рынках, доходы кооператоров, проценты по вкладам. Если учесть

их, разрыв будет меньше, но все равно останется внушительным – 77 млрд руб. (108).

Либерман (1964) в одной из своих статей писал: «То, что выгодно обществу в лице государства, должно быть выгодно каждому коллективу предприятия и каждому его члену!» Отождествление интересов всего общества и отдельного коллектива – пожалуй, центральная теоретическая ошибка советских экономических реформ 1960–1980-х гг. В действительности же групповые интересы коллектива предприятия зачастую противоречили интересам народного хозяйства в целом. Классовые интересы рабочего класса не тождественны арифметической сумме индивидуальных интересов отдельных рабочих. Маркс и Энгельс (1955а: 40) писали: «Дело не в том, в чем в данный момент видит свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать».

Рабочий заинтересован в максимальном увеличении уровня потребления, в то время как социалистическое общество неизбежно будет разумно ограничивать этот интерес, стремясь к строгому балансу между общественными фондами накопления и потребления. Лишь высокоорганизованный и сознательный рабочий класс может последовательно проводить свои классовые интересы, которые могут противоречить ближайшим интересам части трудовых коллективов. Противоречия между общественными, групповыми и личными интересами неизбежны для экономики, уровень производительных сил которой еще не достаточен для построения коммунизма. Зрелость классового сознания рабочих проявляется в том, насколько класс может подчинять устремления отдельных своих представителей и групп решению исторической задачи построения коммунистического общества.

В 1970-е гг. в ответ на негативные тенденции, вызванные реформой 1965 г., были приняты меры, ограничивавшие автономию предприятий: введение показателя производительности труда и его соотношения со средней заработной

платой; установка максимальных размеров премий из фонда материального поощрения; расширение номенклатуры продукции, планируемой в натуральных показателях; все чаще министерствами стал изыматься свободный остаток прибыли предприятия (Ольсевич, Грегори 2000: 48). Но в то же время в числе главных критериев выполнения плана предприятием сохранялись фонды стимулирования, объем реализуемой продукции и рентабельности. На официальном уровне реформа продолжала действовать, хотя на практике предприятия находились в противоречивом положении. Советская бюрократия сделала первый шаг к превращению предприятия в независимого товаропроизводителя, но застыла в нерешительности. Команда Горбачева в годы Перестройки успешно довела косыгинские реформы до их логического завершения – краха плановой экономики.¹

¹ Для справедливости стоит отметить, что не все архитекторы перестройки оказались довольны ее результатами. Рыжков (1992: 64–65) писал в своих мемуарах: «К общей грусти, среди минусов оказались такие, что могли похоронить саму идею перестройки экономики, как похоронили они косыгинскую реформу 65-го. Увы, мы довольно скоро сообразили, что, отпустив на некую свободу предприятия, мы ничего кардинально не сделаем, если следом не изменим структуру всего хозяйственного механизма – снизу доверху, если не возьмемся всерьез за научно-техническую сторону народного хозяйства... У Косыгина и его сторонников руки до всего тогда не дошли, их просто укоротили. Нам следовало учесть печальный опыт предшественников».

VII. РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы хотим, чтобы трудящиеся на предприятии чувствовали себя действительно хозяевами, чтобы они избирали руководителей, начиная от мастера цеха до директора предприятия; чтобы они, объединившись в совет, решали вопросы планирования, определяли перспективы своего развития, участвовали в распределении прибыли; чтобы они решали социальные вопросы. Вот куда мы замышляем двигать процесс демократии, углублять, расширять его.

М. Горбачев (1988: 302)

Чтобы понять причину свершившихся в конце 1980-х годов в нашей стране событий, следует отметить, что главным объединяющим чувством подавляющей части советского народа тогда было ожидание чуда. Как предшественники периода «военного коммунизма» верили в скорое начало мировой революции, так через 70 лет люди ждали немедленного возвращения в лоно «цивилизованного общества», подразумевая под этим «общество изобилия» (приравнивая его к понятию «рынок»).

Н. Кротов (2019: 5)

ИРОНИЯ истории заключается в том, что в позднесоветские годы сама идея рабочего самоуправления была использована сторонниками рынка как инструмент разрушения планового хозяйства. И произошло это неслучайно. Во-первых, концепция развития самоуправления на предприятиях вызрела не в самих трудовых коллективах, а была спущена сверху вниз политическим руководством

страны. Следовательно, нельзя вести речь о стихийном всплеске низовой самоорганизации рабочих. Во-вторых, важно разделять форму и содержание проведенных реформ. Формально речь шла об усилении инициативы трудящихся, фактически же шел процесс децентрализации экономической власти в советской системе.

Основную роль в расшатывании экономики СССР в годы Перестройки сыграла политика усиления экономической независимости предприятия. В июне 1987 г. вышел закон «О государственном предприятии (объединении)»,¹ который санкционировал превращение директивного плана в госзаказ (от 50 до 90 % всей продукции), а предприятия – в самостоятельного товаропроизводителя; закон позволял обменивать, сдавать в аренду или продавать сырье, здания, оборудование, числившиеся на балансе предприятия; разрешал предприятиям осуществлять экспортно-импортные операции, создавая при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы; давал заводскому коллективу право проводить выборы управленческого звена предприятия.

Основной формой выражения воли коллектива по закону становилось общее собрание (конференция) всех работников предприятия. Весь трудовой коллектив теперь выбирал директора, рабочие цеха – начальника цеха, рабочие бригады – бригадира. Все должностные лица избирались на 5 лет. Избранный руководитель головного предприятия утверждался вышестоящим органом.² Выборы не распространялись лишь на должности главного инженера, бухгалтера, заместителя директора, руководителей юридической

¹ Закон СССР от 30.06.1987 г. «О государственном предприятии (объединении)».

² Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам и Секретариата ВЦСПС от 08.02.1988 г. «Об утверждении рекомендаций о порядке избрания советов трудовых коллективов, проведения выборов руководителей и конкурсов на замещение должностей специалистов государственных предприятий (объединений)».

службы и службы контроля качества. Наряду с проведением выборов общее собрание также заслушивало отчеты администрации об ее деятельности, утверждало планы экономического и социального развития предприятия, одобряло коллективный договор. Это по закону; на деле же на некоторых предприятиях оно занималось решением второстепенных вопросов. Главные вопросы развития производства вытеснялись текучкой. Так было в 1988 г. на Ленинградском заводе полиграфических машин, где конференция трудового коллектива занималась рассмотрением вопросов, связанных с организацией центрального буфета, ремонтом подшефных организаций, установкой на территории завода ларька, выделением по 3 человек на разбор посуды в столовую и т. п.¹ Основным органом рабочего самоуправления стал Совет трудового коллектива (СТК), который действовал в промежутках между общими конференциями всех работников предприятия. Именно в ходе конференций, собираемых не реже двух раз в год, избирался сроком на 2–3 года сам СТК. Доля представителей администрации в его составе не могла превышать четверти общего числа.² Общая численность совета впоследствии была ограничена тридцатью членами, но все зависело от размеров завода: например, на ВАЗе совет включал 90 человек. Члена СТК нельзя было уволить без согласия всего совета.

В законе прописывались полномочия СТК: осуществлять контроль за выполнением решений общих собраний (конференций) трудового коллектива; заслушивать администрацию о ходе выполнения планов и договорных обязательств, результатах производственно-хозяйственной деятельности; утверждать совместно с выборными органами партийной, профсоюзной и комсомольской организаций условия социального соревнования и подводить его итоги; принимать

¹ Протоколы конференций Совета трудового коллектива. // ЦГА СПб. Ф. Р-1140. Оп. 4–19. Д. 1042. Л. 46–50.

² Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)». Ст. 7.

решения об использовании фондов развития производства, науки и техники, материального поощрения, социального развития.¹ Таким образом, данный орган определял, куда пойдет полученная предприятием прибыль. Концентрация СТК на распределении, его отрыв от контроля за производством сразу же ставили этот институт в замысловатое положение. Решения СТК де-юре были обязательными для администрации предприятия, однако в воздухе повисал вопрос о конкретных механизмах их реализации.

Развернувшееся на предприятиях движение за самоуправление выразилось в требованиях снижения госзаказа, предоставления предприятиям права самостоятельно устанавливать цены, фонды оплаты труда, контакты с заказчиками и потребителями; расширения строительства жилья и других объектов соцкультбыта (Столяр 1990: 14–15; Совет... 1989: 52). На деле это означало превращение предприятий в независимых товаропроизводителей. Видимо, неслучайно еще в советской литературе СТК по своим функциям сравнивался с правлением в капиталистической корпорации (Шкурко, Симаков 1989: 95).

Лозунг «Больше власти трудовому коллективу» в условиях позднего СССР привел к росту влияния директорского корпуса. В законе о государственном предприятии говорилось:

Руководитель предприятия (генеральный директор, директор, начальник, управляющий) руководит всей деятельностью и организует работу предприятия. Он несет ответственность за результаты работы предприятия перед государством и трудовым коллективом. Руководитель предприятия без доверенности действует от имени предприятия, представляет его на всех предприятиях, в учреждениях и организациях, распоряжается имуществом предприятия, заключает договоры, выдает доверенности, открывает в банках расчетные и другие счета предприятия.²

¹ Там же. Ст. 7.1.

² Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)». Ст. 6.4.

Директор также утверждал на должности избранных мастеров и бригадиров.¹ Закон лишь провозглашал рабочее самоуправление, но не создавал реальных предпосылок для его реализации. Речь идет об образовательных курсах, на которых рабочие могли изучить основы управления современным производством, плановой экономики и т. д. Неслучайно участники научно-практической конференции «Опыт и проблемы работы Советов трудовых коллективов в условиях коренной перестройки управления экономикой» отмечали в 1989 г.: «Недостаточная результативность деятельности советов трудовых коллективов обуславливается тем, что обучение членов советов на предприятиях не проводится».²

Казалось бы, в связи с введением выборности директора должен был наметиться процесс демократизации управления производством. Но зачастую демократия носила фиктивный характер, так как председателем Совета трудового коллектива избирался сам же директор предприятия. Так, например, в 1988 г. в Удмуртской АССР 197 СТК (39 % от общего количества) возглавили директора предприятий, 21 % – рабочие, остальные – специалисты и руководители различных служб (Бехтерев 2013: 82). В Москве в том же году около 50 % СТК возглавлялись первыми руководителями предприятий (Столяр 1990: 63). По всей стране СТК были сформированы на 140 тыс. предприятий. По данным британского исследователя Дональда Фильцера, в 1989 г. руководство всех избранных СТК распределилось следующим образом: 30 % – рядовые рабочие, 33,5 % – руководители низшего звена, 20 % – руководители среднего звена, 16,3 % – директора (Filtzer 1994: 85). Таким образом, представители администрации в составе СТК превышали формальную квоту в ¼. Данное нарушение

¹ Постановление «Об утверждении рекомендаций...».

² Документы по подготовке и проведению научно-практической конференции «Опыт и проблемы работы Советов трудовых коллективов в условиях коренной перестройки управления экономикой». // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1775Л. Оп. 56. Д. 412. Л. 3.

стало возможным благодаря тому, что руководители высшего и среднего звена избирались в СТК через общественные организации (профком, партком), обходя тем самым установленное ограничение. Фильцер справедливо отмечает, что само по себе членство рабочего в СТК ничего не давало, так как администрация могла использовать в своих интересах голоса лояльных ей рабочих и ИТР.

Директора активно формировали «ручные» СТК, так как это позволяло держать коллектив под полным контролем — пойти против органа «рабочего самоуправления» было нельзя. Также СТК мог выступать как канал для выкачивания ресурсов из предприятия его же руководством. Так в 1989 г. Комитет народного контроля выявил массовые случаи, когда руководители предприятий получали премии по 30, 50 и даже 90 окладов за год (Павлов 1990: 11).

Секретарь Волосовского райкома КПСС (Ленинградская область) А. Мазуров в своей записке отмечал:

...Немало у нас хозяйственных руководителей, которые хотели были иметь при себе «карманные» советы трудовых коллективов и продолжать диктовать им свою волю. [...] Основная масса советов трудовых коллективов выполняет диспетчерско-согласующие функции при администрации, рассматривают только текущие вопросы, такие, как распределение премий, вознаграждений по итогам работы за год, о списании автотранспортной техники и другие. Не чувствуется роли совета трудового коллектива в решении наиболее важных для трудового коллектива вопросов. Если этого нет, то неизбежно дублирование деятельности: по производственным вопросам с администрацией, по социальным — с профсоюзным комитетом, по кадровым — с партийной организацией.¹

На деле же, если СТК вмешивался в насущные вопросы распределения на предприятии, он неизбежно вторгался

¹ Информации райкома КПСС о работе Советов трудовых коллективов в районе. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1775Л. Оп. 56. Д. 419. Л. 3, 5.

в вотчину других устоявшихся структур. В связи с тем, что практически весь трудовой коллектив любого предприятия полностью входил в отраслевой профсоюз, собрания трудового коллектива и членов профсоюза полностью совпадали как по составу, так и по рассматриваемым вопросам за исключением выборов. Дублирование функций даже заставило научный центр ВЦСПС выпустить специальную методичку с уточнениями роли профсоюзов в новых условиях. Авторы брошюры констатировали (Профком и совет... 1989: 6):

Появление этих органов трудовых коллективов [СТК – М. Л.] с особой силой обострило у профсоюзных работников вопросы: «Не означает ли все это ослабление роли первичных профсоюзных организаций и уменьшение их прав?», «Какие вопросы теперь выносятся на профсоюзные собрания?», «На каких организационно-правовых основах должны строиться взаимоотношения профкома и СТК?»

В методических рекомендациях на поставленные вопросы давались крайне расплывчатые ответы.

Сам институт СТК в системе управления советским предприятием оказался пятым колесом, так как ответственность за эффективную работу организации ложилась на плечи директора. Орган, который де-юре дает указания, но де-факто не отвечает за свои решения, не может обладать реальной властью на производстве. Важно также учитывать, что членство в СТК не освобождало работника от основных профессиональных обязанностей на предприятии. На рубеже 1988–1989 гг. Институт социологии Академии наук СССР провел всесоюзное (87 предприятий, 6 407 опрошенных работников и 2 476 членов СТК) исследование отношения трудящихся к развитию самоуправления на предприятии. Выяснилось, что 66,6 % опрошенных членов СТК тратили на работу в этом органе в среднем 1–2 часа в неделю (Андрееenkova, Кротов 1989: 17). Таким образом, работа СТК сконцентрировалась в основном в ядре совета размером до 5 человек. Именно

это ядро вело переговоры с администрацией и определяло стратегию СТК.

Попытка внедрить рабочее самоуправление сверху забуксовала с самого начала. Рабочие не смогли в полной мере преодолеть отчуждение от рычагов управления (73 % респондентов за год ни разу не обращались в СТК подразделения). СТК лишь расширял социальную базу власти администрации предприятия за счет вовлечения в управление начальников цехов, главных специалистов и других управленцев среднего уровня (25). Авторы исследования из Института социологии пришли к выводу (19):

В условиях расплывчатости не только функций СТК в целом, но и распределения обязанностей между его членами произошла естественная трансформация СТК (в который входит, как правило, не менее 30 человек) и управленческой микромоделей коллектива, копирующей работу существующих управленческих органов: корпоративная разработка решения – коллективное утверждение. Неравенство усиливается влиянием отношений вне СТК, а иногда и прямой зависимостью членов СТК от администрации.

А. Шубин, лично наблюдавший выборы директоров на нескольких предприятиях, критически оценивает их механизм. По его мнению, большая проблема заключалась в том, что работники не приняли предложения неформалов избирать СТК путем делегирования, а не напрямую. Делегирование в СТК от советов цехов и бригад позволило бы осуществлять задачи координации работы подразделений, что отражало бы интересы рядовых работников (Шубин 2007: 86–87):

На практике выборы проводились как разовое мероприятие администрации. В результате отчуждение работников от участия в принятии решений сохранилось почти повсеместно. Обратной стороной этого стала экономическая безответственность как администрации, так и коллектива. В результате вместо производственной демократии получился производственный популизм.

Директор мог не согласовывать свои решения ни с кем, а только наращивать выплату зарплаты, откупаться от коллектива, чтобы у того не возникла мысль о переизбрании начальства. Если бы в стране работал свободный рынок, это было бы невозможно. Но введение рынка откладывалось, и экономический популизм разорял производство.

В борьбе с центром региональная хозяйственная номенклатура зачастую использовала выступления рабочих в своих интересах. Роль СТК на предприятии зависела от позиции директора. Социолог Г. Ракитская, принимавшая активное участие в рабочем движении конца 1980-х гг., отмечает: «...Независимая позиция советов трудовых коллективов на предприятиях была скорее исключением, чем правилом, а правилом была подчиненность советов трудовых коллективов администрации, соглашательская их позиция» (Ракитская 2001: 46). Наиболее расчетливые руководители использовали СТК как таран для перевода предприятий в российскую юрисдикцию с требованием их дальнейшей приватизации в пользу трудового коллектива. В резолюции Учредительного съезда Союза трудовых коллективов от 8 декабря 1990 г. говорилось (цит. по: Шаблинский 1995: 213):

Съезд, разделяя идею преобразования СССР в добровольный Союз суверенных государств и выражая волю делегатов, [...] решительно поддерживает требования передать в республиканскую собственность все предприятия союзного подчинения, расположенные на территории республик с последующим образованием совместных (межреспубликанских) государственных предприятий лишь по совместному решению республик...

В качестве исключения из общей картины важно указать на роль СТК на национальной периферии Советского Союза – в Приднестровье и Прибалтике. В этих регионах развитые промышленные центры располагались в районах, где большинство населения составляли русские и украинцы.

В силу этого именно крупные заводы стали центрами развития интернационального движения среди местных рабочих, которые выступили против волны национализма и поддерживали сохранение союзного государства. Например, в Эстонии митинги состоялись в 1990 г. на заводе «Двигатель» им. В. И. Ленина и «Электротехника» в Таллине. Их участники требовали отмены постановления Верховного совета Эстонской ССР о суверенитете республики; обеспечения равенства прав для всех жителей Эстонии; запрещения республиканским властям повышать цены на продовольствие; они поддерживали развитие республиканского хозрасчета, но высказались против самоизоляции Эстонии и разрушения союзного государства. На основе требований трудовых коллективов эстонских заводов возник «Комитет защиты Советской власти и гражданских прав в Эстонии», призывавший к проведению общей политической стачки против курса руководства Эстонии на отделение республики от СССР. Представители Комитета обращались к жителям республики со следующими словами:

Мы поддерживаем идею регионального хозрасчета и готовы плодотворно трудиться над ее претворением в жизнь на благо Эстонии, мы решительно будем бороться против попыток использовать хозрасчет в качестве экономического средства достижения все той же цели – приоритета нации. [...] Основа регионального хозрасчета заключается в том, чтобы трудовой коллектив был подлинным хозяином на своем предприятии, чтобы он сам мог решать, что выгодно ему производить, сколько и куда реализовывать продукцию. Необходимо передать предприятия в руки трудового коллектива, а не в подчинение чиновника. Мы должны сделать все необходимое, чтобы наши предприятия в условиях политического и экономического хаоса не были переданы во власть административно-командной системы эстонской бюрократии.¹

¹ Документы Республиканского Совета забастовочных комитетов предприятий ЭССР (обращение, политические требования забастовки,

Из данного примера видно, что советские рабочие в условиях нарастания сепаратистского движения в республике осознавали себя частью «трудового коллектива», «трудолюбивыми». Но в большинстве случаев они связывали свои жизненные перспективы с судьбой родного предприятия, а не большого советского рабочего класса. Регионально-производственная идентичность («Мы – трудящиеся данного завода») явно превалировала над общеклассовой («Мы – советский рабочий класс»).

Наиболее полное развитие советы трудовых коллективов получили в Приднестровье. Здесь на базе Объединенного Совета трудовых коллективов (ОСТК) и забастовочных комитетов возникли институты новой государственности (Феномен... 2000: 5–6). Владимир Рябцев, один из участников тех событий, вспоминал (Андреева 2015):

Создание государства [Приднестровской Молдавской Советской Социалистической республики – М. Л.] не было нашей целью. Мы сделали это только для того, чтобы защитить наши права. Нас выбросило, но мы остались в Советском Союзе, даже если он сам себя разрушил. Мы были не согласны с этой исторической ошибкой. Нам не оставили выбора.

Во главе приднестровских рабочих стояли директора местных заводов (И. Смирнов, А. Большаков, В. Гордон) (История... 2001: 53), в связи с чем местные рабочие действовали не в чисто классовой логике, а скорее в рамках корпоративной вертикали: националистам противостояли работники предприятий во главе с директором. Впрочем, безусловно, в исторических условиях полной дискредитации «советского социализма» начала 1990-х гг. это движение давало прогрессивный импульс сохранению единого союзного государства.

воззвание, резолюция собрания трудового коллектива ПО «Завод «Двигатель» им. В.И. Ленина, НПО «Электротехника»). // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. О. 248. Д. 102. Л. 2–12.

При полном бездействии Горбачева и местных партийных руководителей СТК на периферии были обречены на участие в межнациональном конфликте на стороне союзного центра, в то время как СТК РСФСР исполняли ровно противоположную роль — переводили предприятия в российскую юрисдикцию, способствуя разрушению СССР.

Ярким примером манипуляции рабочими протестами со стороны республиканской бюрократии были забастовки шахтеров Кузбасса летом 1989 г. Как отмечает большинство исследователей, социально-экономическая обстановка в шахтерских районах к концу 1980-х гг. была близка к катастрофической. Роль угля в экономике падала в связи с постепенным переходом хозяйства на другие виды топлива. Капиталовложения в отрасль также сокращались, в связи с чем шахтерские поселки и города оказались в полузаброшенном состоянии. На бездействие властей накладывались торговые спекуляции, которыми занимались кооператоры. В. Щербаков, начальник Отдела заработной платы Госкомитета по труду и социальным вопросам в 1986–1988 гг., отмечает, что кооператоры через связи с работниками торговли скупали товары со складов и государственных магазинов по официальным ценам, а затем перепродавали их населению по завышенным (Щербаков 2016).

Таким образом из госторговли в Донбассе начисто исчезли мясо, колбаса, сахар, масло, сыр, яйца, лекарства. Полки магазинов были пусты. Уходя на смену, шахтер нес в «тормозке» только вареную картошку или кашу. Все продукты «перетекли» в кооперативы. Терпение кончилось, когда кооператоры скупили все пиво в регионе по 32 копейки за бутылку и стали продавать его по 3–4 рубля. Уголь в Донбассе дается тяжело, проходчик за смену теряет 1–2 кг веса, главным образом влаги. Зарабатывал тогда за смену горный рабочий 8–10 рублей, выходил из забоя на поверхность и первым делом восстанавливал водный баланс — выпивал пару бутылок пива. На что теперь уходила вся зарплата, нести домой было нечего.

Таким образом, взрыв социального недовольства среди шахтеров был закономерным явлением. Перестройка лишь усилила те противоречия, которые развивались в угольных районах десятилетиями. Требования шахтеров касались улучшения продовольственного снабжения шахтерских городов и условий труда на шахтах, дополнительных выплат за ночные смены, предоставления шахтам экономической самостоятельности и права вести внешнеэкономическую деятельность.¹ Лидеры кемеровских стачкомов в своих требованиях получили поддержку от Б. Ельцина, которому выгодно было использовать шахтерский протест против общесоюзной власти в лице Горбачева.

Энгельс в одной из своих работ писал о том, что Бисмарк в Германии пытался организовать собственный лейб-пролетариат, чтобы держать в узде немецкую буржуазию (Энгельс 1961: 256). Традиционно приставка «лейб-» использовалась для обозначения привилегированных воинских подразделений, которые состояли при дворе и занимались охраной монарха. Здесь Энгельс, видимо, имел в виду частичные уступки в рабочем вопросе со стороны немецкого правительства и его стремление опереться на наиболее высокооплачиваемые слои рабочих.² Ведущая политическая роль прусского юнкерства в Германии была обусловлена тем балансом сил,

¹ Заместитель председателя областного стачечного комитета Кузбасса в 1989–1991 гг. Михаил Кислюк вспоминал: «Стачком быстро нашел общий язык с руководством обкома партии и облисполкома. Некоторые даже упрекали меня, что я „продался большевикам“. Но без поддержки местной власти и ее аппарата мы бы ничего не добились. В свои требования к руководству страны мы добавили предложения обкома и облисполкома об экономической самостоятельности, о внешнеэкономической деятельности» (Lenta.ru 2015).

² Историк О.В. Григорьева (2010) описывает следующий интересный эпизод из истории рабочего движения Германии: «В октябре 1862 года в рабочих обществах для самообразования, устроенных прогрессистами, появился агитатор Эйхлер, выдававший себя за оставшегося без

который сложился между набравшим силу пролетариатом и немецкой буржуазией, не способной навязать свою классовую волю в качестве закона всем остальным классам. К сожалению, в России начала 1990-х гг. шахтеры выступили лейб-пролетариатом Ельцина, позволив ему сокрушить союзный центр. Сам Ельцин впоследствии говорил (цит. по: Гордон 1992: 50):

Россия помнит, какое огромное, если не сказать решающее, влияние на развитие демократического движения оказали шахтерские забастовки 1989–1991 годов. Веское слово шахтеров в решающий момент истории позволило сломать сопротивление партийной номенклатуры.

В ЦК КПСС следили за ростом рабочего движения, но власти не смогли привлечь шахтеров на свою сторону. Авторы одной записки Общего отдела ЦК КПСС беспомощно констатировали (Записка... 2006: 398):

Первоначально требования шахтерских комитетов носили в основном социально-экономический характер. Однако общий политический и экономический кризис, неготовность государственных и хозяйственных структур быстро решать спорные вопросы, дальнейшее ухудшение экономического положения угольщиков политизировало рабочие комитеты в негативном для КПСС плане. Этот

дела рабочего, и стал доказывать, что либеральные принципы с идеей самопомощи во главе не могут привести ни к чему, что для сколько-нибудь успешного действия рабочим нужна помощь государства, что государство готово ее доставить, и Бисмарк ассигновал 30 000 талеров для учреждения производительной ассоциации. Организованная на новых началах рабочая партия должна вступить в союз с правительством и напасть на прогрессистов с тылу, чтобы поскорее справиться с врагом. Когда некоторые из аллюров агитатора возбудили подозрения, Эйхлер внезапно исчез из рабочих кругов и преобразился... в прусского полицейского чиновника».

процесс стимулировали противостоящие КПСС силы, которые стали внедрять в рабочее движение свои идеологические концепции.

В мае 1991 г. Ельцин подписал распоряжение «Об изменении условий хозяйствования предприятий угольной и других базовых отраслей промышленности на территории РСФСР», которое предоставляло шахтам, перешедшим под юрисдикцию России, следующие права: полную хозяйственную самостоятельность, включая выбор форм собственности и хозяйствования; особый режим работы, дающий гарантированное финансовое, материально-техническое и иное ресурсное, товарное обеспечение их деятельности, включая социально-экономическое развитие, социальную защиту; освобождение их от ограничений по уровню фонда оплаты труда при реализации ими продукции по отраслевым оптовым ценам или по расчетным ценам; максимально возможное освобождение их от финансовых налогов.¹ Фактически Ельцин подкупал шахтеров обещаниями предоставить им полную экономическую свободу — право продавать уголь за границу без контроля со стороны союзного центра. И эти обещания в условиях резкого ухудшения социально-экономической обстановки в шахтерских городах и поселках подействовали. В конце апреля 1991 г. на призыв Ельцина переводить шахты в российскую юрисдикцию откликнулись 101 предприятие Кузбасса, 12 предприятий Воркуты, а также ростовские шахты (Карпенко 2014: 37).

Рабочее движение советских шахтеров представляет собой удивительное сочетание высокой организованности и политической наивности, которой поспешили воспользоваться сторонники радикальных рыночных преобразований. Говоря об организованности шахтеров, достаточно отметить тот факт, что в городе Междуреченске (центр забастовочного движения Кузбасса) в 1989 г. местный стачком стал парал-

¹ Распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 01.05.1991 г. «Об изменении условий хозяйствования предприятий угольной и других базовых отраслей промышленности на территории РСФСР».

лельным органом власти, сформировав рабочие дружины и запретив магазинам продавать спиртное. К 17 июля 1989 г. на всем Кузбассе бастовала 181 тыс. рабочих, остановили работу 167 предприятий (Шаблинский 1995: 77). Но высокая активность шахтеров, обусловленная тяжелыми условиями труда в угледобыче и особым шахтерским коллективизмом, была скорее исключением из общего для советских рабочих пассивного принятия рыночных реформ.

Процесс раздробления единого общественного интереса до конгломерата интересов отдельных предприятий достиг финальной стадии к 1991 г. Трудовая дисциплина на предприятиях резко упала. Генеральный директор производственного объединения «Пергале» В. Касаткин жаловался на закон «О государственном предприятии» (Экономическая реформа... 1990: 220):

Он лишь помог развалить дисциплину, так как мастера и другие инженерно-технические работники оказались зависимыми от способности приспособиться к коллективу, от способности не замечать недостатков в работе его членов — иначе не изберут. Через институт мастеров проходит большая часть молодых специалистов — будущих руководителей цехов, производств, предприятий, организаций, отраслей. Каким же он вырастет, этот руководитель? Очевидно, безынициативным, утратившим требовательность к подчиненному, а следовательно, и к себе самому.

Видя, к чему привело усиление хозяйственной независимости низового звена, союзное руководство в августе 1989 г. ввело прогрессивный налог на прирост фонда оплаты труда свыше 3%, отменив при этом норматив соотношения между приростом средней заработной платы и приростом производительности труда.¹ Годом позже правительство отмени-

¹ Постановление Совета Министров СССР от 3 августа 1989 г. № 320-1 «О налогообложении фонда оплаты труда государственных предприятий (объединений)».

ло выборы директоров рядовыми рабочими. Но эти меры не смогли остановить развала экономики, так как причины кризиса коренились намного глубже — в противоречии между производственными отношениями советского общества и его производительными силами. Это противоречие взорвало Советский Союз изнутри на удивление многим западным советологам, не верившим в возможность скорого его распада. Председатель Совета министров Н. Рыжков подвел итог реформе в докладе на сессии Верховного Совета СССР в мае 1990 г.:

Налицо снижение уровня управляемости народным хозяйством. К этому следует добавить падение хозяйственной дисциплины, особенно в выполнении государственных заказов и договорных обязательств. Весьма обострилась и проблема занижения планов предприятиями. Суммируя принятые ими производственные программы, убеждаешься: в целом по стране объем валового национального продукта будет примерно на 12 млрд руб. меньше, чем утверждалось Верховным Советом СССР. Практически страна живет по планам, заниженным предприятиями. Наиболее неудовлетворительно обстоит дело с планами по выпуску товаров народного потребления. Судите сами, принятые предприятиями производственные программы на 77 млрд руб. меньше, чем предусмотрено государственным планом. Причем свыше 80 процентов приходится на предприятия республиканского подчинения.¹

¹ Известия. 25.05.1990.

VIII.

РАБОЧИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ независимого рабочего движения в конце 1980-х гг. проходило на фоне углубления социально-экономического кризиса в СССР. Распад страны остро поставил вопрос о разделе государственной собственности. Трудовые коллективы многих промышленных предприятий полагали, что приватизация заводов должна произойти именно в пользу работников. В 1990 г. по инициативе СТК ВАЗа и Кировского завода был создан Союз трудовых коллектив, главной целью которого было «добиться законодательного закрепления права коллектива определять форму существования предприятий в условиях рынка и не допускать захвата предприятий в собственность административными и управленческими структурами».¹ Слова о захвате номенклатурой части бывшей госсобственности имели под собой основания, так как до начала официальной приватизации в 1992 г. активно шла приватизация скрытая,

¹ Союз трудовых коллективов — Межреспубликанский союз трудовых коллективов (МСТК). // Портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0123/index.htm.

путем создания внутри союзных министерств и ведомств акционерных обществ и концернов.

Союз трудовых коллективов объединял трудящихся более 500 промышленных, транспортных, торговых, обслуживающих предприятий Азербайджана, Армении, Белоруссии, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. Создатели СТК выступали за развитие самоуправления трудовых коллективов в противовес диктату «номенклатурной администрации».¹ Как и многие рабочие организации начала 1990-х гг., СТК имел ярко выраженную политическую повестку. Передача собственности в пользу работников предприятия рассматривалась как «главное средство борьбы против тоталитарной системы в целях преодоления отчуждения трудящихся от власти и собственности».² В борьбе с центральными властями руководители СТК явно рассчитывали на поддержку республиканской номенклатуры. Именно поэтому в качестве одного из первоочередных требований организации стал перевод предприятий из союзного подчинения в республиканское.³ Сегодня удивительно читать резолюции совета представителей СТК, авторы которых видели в Горбачеве главного противника рабочего самоуправления, а в Ельцине — основную надежду на возрождение России и трудовой демократии.⁴ Документы той эпохи служат ярким примером манипуляции коллективистскими идеями в интересах капиталистической реставрации.

¹ Заявление о намерениях Союза трудовых коллективов страны [1990, 8 декабря, Москва]. // Портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0123/02.htm.

² Там же.

³ Программа первоочередных действий СТК [1990, 10 декабря, Москва]. // Портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0123/03.htm.

⁴ Обращение [Совета представителей] Союза трудовых коллективов страны к Съезду народных депутатов РСФСР [1991, 23 марта, Москва]. // Портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0123/09.htm.

Сильные вертикальные связи на советских предприятиях сыграли важную роль в ходе экономических реформ 1990-х гг. Стоит отметить, что первый этап официальной приватизации (1992–1994 гг.) в большинстве случаев проходил с согласия трудовых коллективов и профсоюзных организаций (Максимов 2000: 99–100). Он осуществлялся в трех вариантах. По первому из них всем работникам предприятия безвозмездно передавались 25 % привилегированных (без права голоса) акций, также они могли купить по скидке еще 10 % обыкновенных акций. Еще 5 % акций могли купить по номинальной цене высшие должностные лица предприятия. В собственности государства оставался ключевой пакет акций – 60 %. Согласно второму варианту, трудовому коллективу предоставлялось право выкупа контрольного (51 %) пакета акций по цене, определенной Госкомимуществом. Остальные 49 % акций оставались у Госкомимущества для дальнейшей реализации. Подобная идея «народной приватизации» получила поддержку со стороны работников многих предприятий. На апрель 1993 г. из 4,1 тыс. акционерных обществ 74,2 % были приватизированы по второму варианту (Полтерович 1993: 543). Зачастую именно администрация предприятий была самым горячим сторонником второго варианта приватизации, потому что он отсекал сторонних собственников, которые могли попытаться купить акции приватизируемых заводов. При третьем варианте инициативная группа работников предприятия заключала с комитетом Госкомимущества договор о реорганизации предприятия сроком на один год. Работники предприятия должны были вложить в реконструкцию предприятия личные средства. Если условия договора соблюдались, то через год члены группы получали право купить по номинальной цене пакет акций в 20 %. Еще 20 % распределялись среди всех членов трудового коллектива, оставшийся же пакет (60 %) оказывался в распоряжении Госкомимущества.

При этом говорить об активной поддержке приватизации предприятий большинством рабочих некорректно. Едва ли они понимали все последствия изменения юридического

статуса собственника. Часто рабочие пассивно шли за администрацией, соглашаясь на приватизацию завода в пользу трудового коллектива. Именно об этом говорит, например, в своем интервью А. Заикина, профком Выборгского целлюлозно-бумажного комбината, взятого рабочими под контроль в конце 1990-х гг. (Пискунов 2018: 148–149):

Стали вот ходить разговоры — я в то время очень не вникала в это — что надо приватизировать предприятие, что там такие сложности. А так как мы... в общем-то... ну, приватизировать — так приватизировать, лучше по первому варианту — лучше по первому, лучше по третьему — лучше по третьему. Я до сих пор думаю, что все беды происходят из-за нас конкретно, потому что вот мы — ну, обыватели — то есть, нам что сказали, и нам не интересно, что с нами дальше будет, верим кому-то на слово, не интересуемся, никаких вопросов...

Пассивно-доброжелательное отношение рабочих к приватизации заводов стало логичным результатом предшествующей привязки материального стимулирования работников к прибыли отдельного предприятия в ходе косыгинской реформы. Рабочие были заинтересованы в росте прибыли конкретного предприятия, мало заботясь об интересах рабочих других заводов и всем народном хозяйстве. От подобной практики было несложно проложить в сознании рабочих «мостик» к идее о том, что именно трудовой коллектив данного предприятия является собственником его фондов.¹ «Плохие бюрократы» выступают лишь помехой, преграждающей путь

¹ Интересное мнение озвучил один из советских министров в интервью С. Белановскому: «У нас государственная собственность на средства производства, а мы четко внушили каждому предприятию, что та прибыль, которую оно произвело, принадлежит ему, а не государству. Но ведь фонды предприятия — государственные. Вот у перешедших на аренду — другие взаимоотношения. А при хозрасчете мы настолько внушили эту мысль предприятиям, что довели ее до каждого рабочего места. Каждый рабочий теперь считает: то, что он сделал, заработано им конкретно. А то,

к реализации фантастического идеала позднесоветских директоров – сохранения государственного снабжения завода дешевым сырьем при полной атрофии государственного контроля за рынком и выходе предприятия в свободное плавание. Например, в обращении Совета представителей СТК к Президенту СССР, Верховным Советам СССР и республик от 21–26 января 1991 г. говорилось:

Трудовые коллективы в лице своих органов самоуправления должны стремиться вывести госпредприятия из административного подчинения министерствам и ведомствам, сделать их независимыми предприятиями. На переходный период к рынку для некоторых предприятий (угольная промышленность, энергетика, часть оборонных предприятий и др.) сохранить соответствующее финансирование (дотации) из госбюджета.¹

Ошибкой было бы недооценивать влияние общего информационного фона, в котором жили советские рабочие. Практическое тотальное господство в СМИ сторонников умеренных и радикальных рыночных преобразований привело к образованию в СССР в конце 1980-х гг. общественного консенсуса: альтернативы капитализму нет. Если капитализм нельзя отсрочить, то нужно получить от него максимальную пользу для трудового коллектива. Подобная логика, распространившаяся среди рабочих на уровне «здорового смысла», оспаривалась на конференциях трудовых коллективов единицами. Позиция людей, поддерживавших сохранение

что есть технические службы, управление, маркетинг, другие службы, то относительно них он считает, что это – хлебники. И основные фонды предприятия он считает своими. На этой идеологии основаны многие требования забастовщиков» (Белановский н.д.).

¹ Обращение Совета представителей СТК к Президенту СССР, Верховным Советам ССР и республик. Комитету конституционного надзора и трудным коллективам предприятий СССР [1991, 21–26 января, Москва]. // Портал «Наследие». URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0123/06.htm.

за государством основной части собственности, не была серьезным образом представлена в СМИ, и вопрос о собственности в советском обществе ставился исключительно в рамках рыночной парадигмы.

Для наглядности необходимо привести пару примеров из приватизационной лихорадки 1990-х гг. На ВАЗе¹ инициативу по изменению экономического статуса завода взял СТК. В октябре 1990 г. СТК принял решение об объявлении завода и его продукции собственностью трудового коллектива, т. е. 129 тыс. человек (Пихоя и др. 2005: 232). Уже в ноябре того же года на массовом митинге работников помимо экономических требований (увеличение заработной платы выше темпов роста цен, передача ВАЗа в собственность трудового коллектива) озвучивались уже и политические лозунги (отставка союзного правительства) (267). Руководитель СТК, бывший рабочий И. Барышников, пытался добиться приватизации завода, играя на противоречиях между союзным и российским руководством. В декабре 1990 г. состоялась встреча между Барышниковым и председателем Совета Министров РСФСР И. Силаевым, в результате чего было достигнуто соглашение о том, что АвтоВАЗ будет приватизирован по варианту «80 % – коллективу завода, 20 % – правительству России» (317). Но на тот момент юридическая база под подобные схемы еще не была разработана, поэтому соглашение не было реализовано. Здесь важно отметить сам факт того, что руководитель СТК пытался договориться о переводе предприятия под юрисдикцию РСФСР.² Это неизбежно усилило бы процесс дезинтеграции союзного государства.

Не менее интересно разворачивались события на заводе 19–21 августа 1991 г., когда в Москве было объявлено чрезвычай-

¹ Стоит отметить, что одной из причин создания ВАЗа стало стремление нарастить выпуск товаров народного потребления для товарного покрытия растущих зарплат. См.: Каданников 2004: 254.

² Более подробно мнение А.И. Ясинского приводится в книге: Кацура 2012: 139–140.

ное положение. Гендиректор В. Каданников, руководители СТК Барышников и профкома С. Чеботарев заняли выжидательную позицию, призвав коллектив придерживаться нейтралитета в конфликте. На сторону ГКЧП встал партком предприятия, а независимый профсоюз «Единство», напротив, поддержал Ельцина (322–323). Проведенный социологами ВАЗа опрос 351 работника предприятия, в большинстве своем простых рабочих, показал: осудили ГКЧП – 59 %, поддержали – 16 %, затруднились дать однозначный ответ – 25 %. Уже 23 августа на митинге в Тольятти люди публично жгли свои партийные билеты, выражая поддержку указу Ельцина о запрете КПСС.

Ключевое значение для приватизации ВАЗа имела случившаяся 15 октября 1992 г. встреча его гендиректора и председателя СТК с президентом России. В ходе переговоров было решено, что половина уставного капитала завода перейдет в собственность коллектива предприятия. Соглашение между сторонами было оформлено в виде президентского указа «Об особенностях приватизации ПО «АвтоВАЗ»». В январе 1993 г. было объявлено о создании акционерного общества „АвтоВАЗ“, и гендиректор Каданников стал председателем его совета директоров. После этого 25 % акций АО были переданы бывшим и действующим работникам предприятия (220 тыс. человек), 10 % голосующих акций – размещены по закрытой подписке среди членов трудового коллектива с 30%-ной скидкой от номинала, 10 % акций – проданы трудовому коллективу по номиналу; 5 % акций с правом опциона получили топ-менеджеры компании (331–332).

Таким образом, половина всех акций перешла к работникам предприятия (рабочие, ИТР и администрация), а оставшаяся половина акций осталась в государственной собственности. Но уже спустя несколько лет вследствие эмиссии акций контроль над заводом перешел к АО «AVVA» и ЦО АФК – структурам, подконтрольным Б. Березовскому и Каданникову. Доля акций, принадлежавших рабочим завода, сократилась в разы: в 1998 г. она составляла 20,3 %, в 2003 г. – 4 % от общего объема (345–346).

Из вышесказанного очевидно, что в ходе приватизации завода руководство СТК и гендиректор действовали в тесной связке. Барышников (2000: 79) впоследствии вспоминал:

Мне очень повезло, что рядом оказались такие сильные и, прямо скажу, мудрые руководители, как В. В. Каданников и А. В. Николаев. [...] Мы же постоянно себя в значительной мере не противопоставляли сторонами, а соратниками, единомышленниками чувствовали, всегда было взаимное, чисто человеческое отношение.

Совет трудового коллектива Кировского завода в 1988 г. возглавил сам директор, П. Семененко. По его же предложению были избран как заместитель, так и секретарь общезаводского СТК. Всего в СТК разного уровня были избраны 1 228 членов: 68 % рабочие, 22 % – ИТР, 10 % – представители администрации. Статистика по избранным председателям была несколько иной: 31 % – рабочие; 32 % – ИТР, 37 % – начальники и заместители.¹

Уже в конце 1988 г. Семененко вносит предложение об освобождении его от обязанностей председателя СТК в силу того, что «председателем должен быть рабочий».² Сложно восстановить в деталях все этапы работы СТК на Кировском заводе, так как в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга имеются протоколы его заседаний только за 1988 г. Но, судя по документам более поздней конференции СТК в 1991 г., можно предположить, что данный орган имел номинальные функции, почему директор и поспешил избавиться от этой должности. На конференции трудового коллектива в январе 1991 г. Семененко заявил:

В СТК должны попасть самые толковые работники, а не только те, которые способны митинговать. [...] Мы пятый раз увеличиваем

¹ Протоколы заседаний СТК с № 1 по № 10 (ПО «Кировский завод»). // ЦГА СПб. Ф. Р-1788 оп. 44–6 д. 461. Л. 8.

² Там же. Л. 58.

в этом году цену на трактор. По государственным предприятиям по наибольшему уровню заработной платы в Ленинграде мы вышли на первое место и тем не менее бастуют цехи 230, 250, 220, и все бастующие требуют для переговоров ГДО [генерального директора объединения — М. Л.], так как СТК веса не имеет.¹

Стоит отметить, что средняя зарплата на Кировском заводе выросла за 1991 г. в несколько раз: январь — 315 руб., сентябрь — 602 руб., ноябрь — 930 руб., декабрь — 1 500 руб.²

Стремление трудового коллектива Кировского завода к экономической самостоятельности предприятия опережало официальную программу разгосударствления экономики. Исследователи Максимов и Мирошниченко (1994: 31) пишут:

Это движение [приватизации — М. Л.] поддерживалось всем коллективом и скорее даже им инициировалось в лице СТК, профсоюзного комитета. Во всяком случае, администрация четко ощущала поддержку и опиралась на нее. Завод в прямом смысле шел в авангарде «выступлений за предоставление больших прав отдельным предприятиям».

Акционирование осуществлялось при поддержке профсоюзного комитета и СТК. По данным социологического опроса, проведенного Максимовым в начале 1990-х гг., около 60 % работников были согласны с приватизацией завода, активных противников было 15 %, 25 % относились к ней индифферентно (31). На конференции трудового коллектива в мае 1992 г. большинство (99,3 %) проголосовало за акционирование предприятия. Здесь хочется привести несколько выдержек из выступлений работников на конференции 1991 г. с критикой в адрес генерального директора:

¹ Протоколы конференций трудового коллектива (ПО «Кировский завод»). // ЦГА СПб. Ф. Р-1788. оп. 44–8. д. 567А. Л. 11.

² Там же. Л. 18.

Герасин В. М.: «При переходе в акционерное общество мы берем всю ответственность на себя за внешнюю и внутреннюю политику руководства акционерным обществом. Сколько же надо платить всевозможных налогов ведь никто не говорит. Акционерное общество — это много не ясно». [...] Дмитриев, слесарь цеха 230: «При подготовке документов для перехода в акционерное общество у рабочего комитета есть недоверие к дирекции, профкому и СТК. Для оценки разработанных документов предлагаю пригласить независимую экономическую комиссию из профессионалов».¹

Нужно отдать должное Семененко — он согласился на создание независимой экономической комиссии.

В результате акционирования производственного объединения трудовой коллектив получил 52,4 % акций от уставного капитала (Чванова 2001: 73). На выборы генерального директора АО ушло всего несколько минут — единственным кандидатом был действующий директор Семененко. Управление акционерным капиталом осуществлялось по производственной иерархии: председателем совета директоров стал генеральный директор, который вел собрание акционеров в производственном стиле. Старая форма наполнилась новым содержанием. Подобное происходило и на других предприятиях. Первоначально рабочие передавали свои голоса для участия в собрании акционеров «представителям» — членам администрации, а в условиях резкого спада объемов производства и уровня жизни в 1994–1996 гг. рабочие стали продавать свои акции за копейки.² На некоторых предприятиях рабочих лишали акций в качестве дисциплинарного наказания (Кларк, Кабалина 1996: 77).

По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, если в 1994 г. каждый третий квалифицированный рабочий относил себя к совладельцам

¹ Протоколы конференций трудового коллектива (ПО «Кировский завод»). // ЦГА СПб. Ф. Р-1788. О. 44–8. Д. 567А. Л. 4.

² Более подробно эта схема описана в: Предприятие... 1997: 76–84.

своего предприятия, то в 2011 г. таковых было только 2% (Темницкий 2014: 47). Один из рабочих завода «Петросталь» (Санкт-Петербург) в начале 2000-х гг. емко прокомментировал продажу акций рабочими (Здравомыслов, Ядов 2003: 446):

У нас, вообще говоря, акционерное общество, и мы акционеры, только почему-то акционеры от такой зарплаты все акции попродавали, чтоб как-то улучшить свое положение финансовое. Очень мало, кто сейчас имеет акции. Смешно — получаешь три рубля «прибыли». Вот люди все акции и продали.

Важно также отметить, что наряду с СТК на Кировском заводе в декабре 1990 г. был сформирован заводской рабочий комитет. Комитет сконцентрировался на политическом противостоянии с КПСС, требуя вывода парткома с территории завода (Чванова 2001: 49). Политические симпатии рабочего комитета находились на стороне Ельцина. По приглашению заводского комитета Борис Николаевич посетил Кировский завод в марте 1991 г. Ельцин призвал коллектив и руководство завода перевести завод из союзной юрисдикции в российскую, пообещав повысить работникам зарплату, ввести льготы для предприятий российского подчинения и т. д. (Коммерсант 1991).

Главная цель Ельцина здесь очевидна — заручиться поддержкой коллектива предприятия в борьбе против Горбачева. Судя по дальнейшим событиям, первый президент Российской Федерации в этом деле преуспел. В дни ГКЧП заводской рабочий комитет отправил Г. Янаеву телеграмму с протестом против действий «заговорщиков» и предупреждением о начале забастовки. 20 августа на Дворцовой площади состоялся большой митинг сторонников Ельцина. Во главе колонны, шедших на площадь демонстрантов были члены заводского рабочего комитета (Чванова 2001: 57). После избрания Ельцина президентом заводской комитет прекратил свою деятельность, а его члены влились в руководство заводского СТК.

Правда, уже через год настроения рабочих Кировского завода резко изменились. На митинге сотрудников в октябре 1992 г. в адрес президента и правительства была высказана резкая критика:

Козырева Т. И., токарь цеха 200: «Президент дважды обманул свой народ. Первое, что не допустит повышения цен. Второе, если к сентябрю не будет улучшений, то он уйдет в отставку. Сейчас октябрь, а жизнь все хуже и хуже». Дмитриев, рабочий цеха 200: «Сейчас я призываю вас поддержать реформы, но не такие, которые нам предлагает правительство Гайдара. Реформы для человека, рабочего, любого гражданина России». Пенсионер ...: «Я отработал на заводе 52 года. Если мы не сможем обуздать наше правительство, то я призываю вас к вооруженному восстанию. Мы требуем человеческой жизни». Казенов А. С., цех 710: «Трудящиеся Кировского завода очень много посодействовали тому, чтобы Ельцин пришел к власти. И мне кажется, что трудящиеся Кировского завода должны принять все возможности, чтобы правительство покинуло командный мостик нашего государства».¹

Важно отметить, что среди требований митингующих не было призывов вернуться к социализму, напротив, рыночные реформы воспринимались выступающими как объективная неизбежность. В силу этого люди не мыслили большими политическими категориями, а стремились улучшить свою жизнь здесь и сейчас. Для этого предлагалось провести индексацию зарплат и сбережений, восстановить жесткое регулирование цен на хлеб, молоко, мясо, товары детского ассортимента, медикаменты и осуществить ряд других мер, которые явно противоречили гайдаровским неолиберальным реформам.

В выступлениях рабочих на митинге особенно заметно отсутствие четкой классовой идентификации («мы — рабочий

¹ Протокол митинга трудящихся ГП «Кировский завод» под лозунгом «Повернуть реформы лицом к человеку труда». // ЦГА СПб. Ф. Р-1788. Оп. 44–8. Д. 583. Л. 1–12.

класс»): солидарность сместилась на уровень производственного коллектива. Соответственно, вся стратегия действий рабочих «Кировского завода» основана лишь на угрозе начать взаимодействовать с коллективами других предприятий, если их требования не будут выполнены. Хочется также привести длинную выдержку из газетной статьи «Гайдар, переходи на нашу сторону», опубликованной в заводской газете «Кировец», 30 октября 1992 года. Посыл ее крайне характерен — реформы правильные, проблема в исполнителях (Кировец 1992):

Да, мы дали добро реформам, обещали терпеть. Но предел всему есть — «беспределу» не бывать! Наша задача — не быть сторонним наблюдателем в «Разборках» на макроуровне, уровне правительства.

На микроуровне, уровне предприятия «Разборка» впереди. Предстоящая приватизация не оставит нас безразличными. К сожалению, идет затяжка! Одно могу сказать — команда Гайдара не даст осуществить нашу «мечту»: 51% собственности — трудовому коллективу. Так что — борьба впереди.

Хочу заметить, что Кировский завод все решения команды Гайдара выполнил: это и переход на продукцию, не связанную с подготовкой к войне; это и готовность к приватизации; это и структурная перестройка — создано 26 профцентров, это и фактическое самофинансирование, самоуправление, демонополизация производства.

Что надо еще — повалить Кировский завод? Не получится, не дадим. Да, трудно нам сегодня. Не надо терпеть, не призываю. Давайте работать — и токарь, и слесарь, и инженер, и начальник, и директор, и профсоюзный функционер. И здесь нам нужна поддержка друг друга. Единство наших рядов, доверие!!!

Вывод напрашивается один — нужна тактическая корректировка курса реформ. «Да» внесению корректировки в проводимые реформы. Гайдар, переходи на нашу сторону, или уходи! Нам нужен ваш задор, ум, опыт рыночника. Не потеряйте шанс — доверие народа исчерпано!!!

В. Павлов (1995: 128–129), бывший в 1990 г. премьер-министром СССР, вспоминает:

Российские власти упорно каждодневно убеждали рабочих и руководителей предприятий: «Переходите под нашу юрисдикцию!» Этот лозунг был тогда поистине боевым кличем. Одновременно он сопровождался обещанием манны небесной, которая посыплется на головы людей сразу же после устранения зловерного Центра. Именно с этим призывом обратился к кузбасским шахтерам и лично Ельцин. Он клятвенно обещал горнякам, что Россия немедленно снимет все их проблемы, решение которых будто бы искусственно тормозит Центр. Более популистскую, безответственную политику трудно себе представить. [...] Велась борьба за общественное мнение с сугубо обывательской точки зрения – кто больше даст? Россия устанавливала заниженные налоги и принимала свой закон о пенсиях, которые оказывались чуть-чуть выше общесоюзных. Вообще говоря, это был примитивный, nepoзвoлитeльный для политиков государственного ранга откровенный массовый подкуп населения. За это страна неизбежно должна была впоследствии поплатиться резким падением жизненного уровня. Такие популистско-административные вторжения экономика, конечно, не прощает.

В 1990-е гг. рабочие продолжали по инерции воспринимать заводское руководство в рамках патерналистских представлений. Этому способствовал и тот факт, что на многих предприятиях сохранились советские директора. Переход к рынку сильнейшим образом повлиял на трудовые отношения в промышленности. Если раньше главная цель предприятия состояла в выполнении плана, то теперь завод работал под определенный заказ. В советское время рабочие могли оказывать давление на руководство, так как именно от них зависело выполнение плана. Становление капитализма в России привело к резкому усилению контроля администрации над трудовым коллективом. Теперь на первый план вышли управленцы, так как от их усилий зависело предоставление предприятию заказа (Борисов, Козина 1994: 18).

Безработица со страниц советской политической литературы пришла в российскую реальность. В начале 1990-х гг.

один рабочий Кировского завода говорил о своем положении на предприятии (Максимов 2016: 16):

Что касается уверенности в своем положении, то ее тоже нет. Сегодня загрузка есть, завтра ее не будет. В любой момент может встать и К[ировский] завод в целом, и наш мартеновский [цех] тоже. Да и при загрузке сейчас действует формула — чуть что: «Не нравится — уходи!». И никто тебя не защитит. Так было, есть и будет. Раньше это прикрывалось какими-то словами, сейчас делается в более открытой форме.

Российский капитализм 1990-х гг. полностью перевернул экономические отношения в стране. Если раньше квалифицированный рабочий формально был представителем «класса-гегемона» и в порядке вещей мог получать больше, чем инженер, то теперь он стал социальным аутсайдером. С предприятий стали уходить наиболее активные и квалифицированные кадры, пытавшиеся открыть свое дело или устроиться в частную фирму. Оставались зачастую люди, которым было сложно найти новую работу: женщины с детьми, сотрудники предпенсионного и пенсионного возраста. Так например, на московском заводе «Серп и молот» в 1994 г. из оставшихся 5 тыс. работников пенсионеров была 1 тыс. Доля женщин на предприятии, где их всегда было незначительное меньшинство, в 1994 г. увеличилась до 41% (Маркевич, Соколов 2005: 303). Председатель цехового комитета на Кировском заводе так описывал настроения среди рабочих в начале 1990-х гг. (Максимов 2016: 18):

Молодые ушли, пришедшие из ПТУ не возвращаются после армии. Остается очень старый контингент, на 75–80% — пенсионеры. Это люди, которые «еще при социализме жили», люди старой закалки, привыкли, что, если «надо» — все исполнят. Выступлений нет не потому, что все хорошо, все вопросы решены и нет недовольных. Да их просто не поднимаешь на забастовку. Зарплату получили, на питание деньги есть — и все. А если бы было больше молодежи — была бы другая жизнь. Было бы больше недовольных, было бы мышление другое.

В Санкт-Петербурге, одном из промышленных центров страны, численность промышленных рабочих сократилась к середине 1990-х гг. на 445 тыс. человек (59%).

Изменение численности рабочих в отраслях народного хозяйства Ленинграда(Санкт-Петербурга) в 1985–1995 гг. (тыс. человек)

	1985 г.	1995 г.	1995 г. в % к 1985 г.
Всего по народному хозяйству	1635,2	1162,4	71,1
В том числе			
Промышленность	751,1	305,8	40,7
Строительство	160,9	149,6	93,1
Связь	208,9	152,8	73
Транспорт	193,1	140,1	72,5
Торговля, общественное питание	163,3	205,7	125,7

Источник: Пологинов 1998: 83 (таблица приводится к сокращенному виду).

Возрастная структура рабочих на крупнейших предприятиях Ленинграда (Санкт-Петербурга) в 1990–1995 гг. (в %)

Обследованные предприятия	В том числе				
	До 20 лет	20–29 лет	30–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
«Кировский завод»					
1990	1,9	13,2	60,3	17,6	7
1995	1,7	8,3	65,8	19,4	4,8
ЛОМО					
1990	4,9	16,9	48,2	22,9	6,9
1995	1,3	6,1	58,3	26,7	7,4
ЛЭМЗ					
1990	2,8	17,4	52,4	21,8	6,2
1995	1,6	6,2	57,5	27,6	6,7

Источник: Пологинов 1998: 101.

Из последней таблицы видно, что в первой половине 1990-х гг. сократилась доля молодых рабочих и увеличился процент рабочих среднего и старшего возраста. Старение трудовых коллективов было прямым следствием снижения престижности рабочих профессий в обществе и разрушения системы среднего профессионального образования в стране. В условиях резкого падения уровня жизни российский пролетариат стал воспроизводить привычные для советского рабочего стратегии поведения – жалобы и личные неформальные контакты с руководством. Рабочие пытались решать свои проблемы (выплата зарплаты, предоставление оплачиваемого отпуска, больничного и т. д.) в индивидуальном порядке с начальством. Несмотря на то, что в условиях катастрофического спада производства их просьбы в большинстве случаев оказывались безрезультатны, практика неформальных связей с руководством засела глубоко в сознании постсоветского пролетариата. В подобной ситуации к забастовке прибегали крайне редко – и лишь как к крайнему методу. Сама забастовка зачастую воспринималась рабочими как сознательный вред производству: считалось, что руководство предприятия заодно с рабочими и делает все необходимое для сохранения завода. Не стоит забывать и о том, что трудящиеся не сразу лишились своих акций. Хотя миноритарии не участвовали в принятии решений, они, будучи мелкими собственниками, чувствовали ответственность за предприятие: «Как же я буду бороться против своего завода?». Ярко данную дилемму описал рабочий одного из московских заводов (Предприятие... 1997: 349):

Мы могли давить, если бы мы были просто работники завода, но так как мы еще и дивиденды получаем, то как я могу давить, если это давление на другой мой карман, куда идут дивиденды. Если давить до конца, то надо забыть про дивиденды, ломать все и развалить. Хотя и были среди нас разговоры о том, чтобы выходить на забастовку, не работать. Но большинство было против нарушения Устава акционерного общества [в уставе был прописан запрет для всех акционеров организовывать забастовку – М. Л.]. Я сам голосовал за этот Устав, как же я могу его нарушить.

Данные Госкомстата РФ свидетельствуют, что пик забастовочной активности промышленных рабочих в начале 1990-х гг. приходится на 1991 г. После развала союзного государства и начала приватизации количество забастовок в промышленности резко падает, что контрастирует с ситуацией в других сферах (медицина, образование). Одной из причин спада забастовок в промышленности была надежда части работников на возможность договориться с новой властью. Так, например, руководство Независимого профсоюза горняков России весной 1992 г. отказалось поддержать забастовки учителей и врачей, обосновав это решение тем, что «повышение зарплаты лишь усилит инфляцию» (Ракитская 2001: 38).

Забастовки в промышленности РСФСР и РФ в 1990–1993 гг.

Год	Общее число предприятий, на которых происходили забастовки	Число промышленных предприятий, на которых происходили забастовки	Число участников забастовок на промышленных предприятиях, тыс. человек	Удельный вес участников забастовок в общей численности занятых на промышленных предприятиях, проводивших забастовки, в %
1990	260	199	85,2	14
1991	1755	324	159,4	23
1992	6273	63	37,5	23
1993	264	176	109,6	32

Источник: *Трудовые конфликты...* 2006: 410–411.

Развал плановой экономики и становление капитализма резко изменили роль социальных фондов предприятий — из важного средства воспроизводства рабочей силы они стали тяжелой финансовой ношей (от 20 до 40 % от общей суммы балансовой прибыли предприятия) (Солодовникова 1999: 22–23). На всем протяжении 1990-х гг. шел медленный процесс муниципализации социальных фондов. Новые собственники

спешили избавиться от избыточной «социалки». Красные директора, напротив, пытались удержать социальные объекты за предприятиями. Они прекрасно понимали, что это важный ресурс для сохранения стабильной кадровой базы, который практически в любой ситуации позволяет держать работника на предприятии под полным контролем. Исследования, проведенные в 1995–1996 гг. Институтом проблем занятости РАН и другими организациями, показали, что заводы в первую очередь избавляются от детских садов (доля владеющих предприятий сократилась на 23 %) и жилья (на 15 %). При этом доля предприятий, владеющих другими объектами, сократилась не более чем на 10 % (Виноградова, Дюк 1997).

Указ Президента РФ № 8 «Об использовании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения приватизированных предприятий»¹ стал формальным основанием для муниципализации социальных фондов предприятий. Но, как уже было отмечено выше, этот процесс шел медленно. Во многом это обуславливалось тем, что сами местные власти не могли финансово поддерживать работу всех передаваемых объектов. В 1998–1999 гг. по всей России было обследовано свыше 180 заводов в машиностроении и химической промышленности. Ниже представлена интересная статистика, демонстрирующая, какой процент социальных объектов не удалось передать местным властям.

В своей стратегии выживания в 1990-е гг. рабочие отталкивались от наличия на многих заводах сохранившейся социальной инфраструктуры. Вот почему люди продолжали работать на заводе даже в условиях многомесячной задержки заработной платы. Их жизнь зависела не только от зарплаты, но и от материальных благ и услуг, которые обеспечивала социальная инфраструктура предприятия. Самый банальный пример — это субсидированные цены в столовых АвтоВАЗа,

¹ Указ Президента РФ от 10.01.1993 № 8 «Об использовании объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения приватизируемых предприятий».

где до сентября 1993 г. завод оплачивал $\frac{2}{3}$ стоимости обеда (Пихоя и др. 2005: 373). На Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате зарплата частично выплачивалась талонами на питание в заводской столовой; часть этих талонов можно было обменять на вещи в столе заказов (Пискунов 2018: 154). Исследовательница Э. Бюссе приводит пример матери из Новосибирска, пытавшейся в конце 1990-х гг. записать своего ребенка в ясли: «Знакомый ее отца работает на фабрике, что находится рядом с ее домом. В результате его помощи мальчик идет в ясли как ребенок сотрудника фабрики. Заметим, что в ясли берут всех детей, но относительно детей сотрудников фабрики действует льготная оплата. Разница составляет 300 рублей в месяц, что для этой женщины довольно существенно» (Бюссе 2002: 99). Уже и в советские времена социальными фондами предприятия могли пользоваться не только его работники. В этом вопросе не было жесткого разделения на «своих» и «чужих», но работники предприятия имели существенные преференции. Исследователи В. Кабакина и Т. Сидорина (1999: 172) пишут: «Ведомственный принцип предоставления социальных благ существовал, но на практике не соблюдался последовательно и жестко».

Движение объектов социальной сферы на промышленных предприятиях РФ и Уральского региона к 1998–1999 гг. (в % от числа обследованных предприятий)

Предприятия	Передали часть объектов	Передать не удалось	Планируют передать	Не планируют передавать
РФ:				
— машиностроения	38	56	52	38
— химии	31	69	31	56
Уральского региона	56	44	20	25

Источник: Солодовникова 1999: 11.

В ситуации резкого обнищания и на фоне резкого роста цен на услуги рабочим крайне важно было зацепиться за сохранившиеся у предприятия социальные объекты. Согласно статистике, в Ленинграде количество рабочих, отдыхавших на базах отдыха при предприятиях, сократилось с 1985 по 1990 г. с 61,5 тыс. до 25 тыс. человек. В 1991 г. фиксируется рост до 37 тыс. человек. В 1995 г. эта цифра сократилась до 22,3 тыс. человек, что можно объяснить резким падением доходов и неспособностью рабочих заплатить за путевку даже символическую цену.

Число баз отдыха и количество отдыхавших в них в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и Ленинградской области в 1985–1995 гг.

	Санкт-Петербург					Ленинградская область				
	1985	1990	1991	1992	1995	1985	1990	1991	1992	1995
Число баз отдыха, принадлежащих предприятиям и учреждениям	18	20	17	15	18	121	131	131	131	117
Обслужено лиц, тыс. человек	61,5	25	37	34,7	22,3	53,6	63,8	77,6	67,2	40,2

Источник: Пологинов 1998: 237–238.

По советской традиции рабочие видели в профсоюзах не органы ведения коллективной борьбы, а инструмент распределения ведомственных благ. Именно по этой причине, несмотря на распространенную среди трудящихся критику пассивности профсоюзов, основная масса рабочих осталась в рамках старой структуры ВСЦПС, которая в 1990-е гг. трансформировалась в Федерацию независимых профсо-

юзов России (ФНПР). Многие профсоюзы, включив в свое название слово «независимый», как это сделала профорганизация на Кировском заводе, продолжили в урезанном виде раздавать путевки в санатории и пансионаты, выступая важным распределительным центром в рамках социальной инфраструктуры предприятия.¹ Социолог Б. И. Максимов, проработавший на Кировском заводе около 10 лет, так описывал настроения рабочих в середине 1990-х гг. (2016: 31):

Главная черта ожиданий – как по части социальных благ, так и защиты – пассивность, потребительский характер. Люди не настроены на использование профсоюзной формы для собственных инициативных действий, напротив, ожидают, что организация «обеспечит, добьется, пробьет». За собой же они оставляют право ворчать и ругаться.

Чтобы проиллюстрировать масштаб зависимости людей от ведомственных объектов, приведем статистику из доклада Е. Солодовниковой «Социальная составляющая промышленной политики предприятия»: на начало 1990-х гг. 42 млн человек жили в домах ведомственного фонда, 31 млн детей ходили в детские сады и ясли в ведении предприятий и ведомств, около 2,5 млн детей ежегодно отдыхали в ведомственных пионерских лагерях. Каждый пятый российский житель получал медицинскую помощь в ведомственных больницах (Солодовникова 1999: 4). По официальной статистике, в 1990 г. из всего жилого фонда на долю государства приходились 55 %, из этой доли ведомственное жилье составляло 54 % (Сборник... 1991: 136–137).

По данным, собранным ВЦИОМ в 1996 г. в ходе изучения 142 промышленных предприятий в семи областях России, предприятия продолжали владеть: столовыми – 80 % предприятий, магазинами – 73 %, общежитиями – 76 %, жильем на ба-

¹ Протоколы заседаний комитета независимого профсоюза (ПО «Кировский завод»). // ЦГА СПб. Ф. Р-1788. Оп. 44–8. Д. 581. Л. 14.

лансе — 65 %, поликлиниками и медсанчастями — 56 %, детскими садами — 45 %, домами отдыха, санаториями, профилакториями — 43 %, детскими летними лагерями — 43 %, спортивными объектами — примерно $\frac{1}{3}$, клубами и домами культуры — примерно $\frac{1}{3}$ всех предприятий (Виноградова 1997).

Распределение жилой площади в СССР в 1990 г. (млн кв. м общей площади)

	Всего	В том числе в населенных пунктах	
		городских	сельских
Весь жилищный фонд в том числе:	4540	2890	1650
1. Государственный из него:	2486	2090	396
Местных Советов народных депутатов	1046	1025	21
Министерств и ве- домств	1322	985	347
2. Общественный	118	18	100
Из него колхозов	91	3	88
3. ЖСК	167	164	3
4. Индивидуальный жилищный фонд	1769	618	1151

Источник: Сборник... 1991: 136.

В моногородах зависимость населения от ведомственных социальных объектов была практической абсолютной. В пример можно привести Тольятти. Почти вся социальная сфера города в советские годы финансировалась из бюджета АвтоВАЗа. Завод успел обрасти огромным числом школ, детских садов, больниц, домов отдыха и т. д. Только одних детсадов

на балансе предприятия к 1985 г. было 110, их посещали 37 тыс. детей (Пихоя и др. 2005: 245). В начале 1990-х гг. руководство завода не могло пойти на полную муниципализацию социального фонда, прекрасно понимая, что бюджет Тольятти не сможет финансировать все переданные объекты. Поэтому был выбран компромиссный вариант: в январе 1993 г. возникло акционерное общество «Автоград», куда вошли все социальные объекты завода. 50 % «Автограда» отошло заводу, оставшаяся половина — местным властям. Между акционерами была достигнута договоренность, что город и предприятие будут поровну финансировать все траты на объекты «Автограда». Федеральные власти обещали, что налоги, выплаченные заводом, будут возвращаться в бюджет муниципалитета и тратиться на больницы и детсады. На деле вышло по-другому — объекты, переданные городу, столкнулись с недофинансированием, зарплаты занятых там работников упали в 2 раза. В подобной ситуации руководство завода приняло решение оказать финансовую помощь социальным объектам, находящимся на балансе муниципалитета (336–338). После ликвидации АО «Автоград» в сентябре 1994 г. АвтоВАЗ вернул себе детские сады и пассажирское предприятие, доставлявшее работников на завод.

Продовольственное снабжение рабочих было организовано через сеть магазинов «АвтоВАЗторг» в Автозаводском районе. Руководство завода вело с поставщиками продуктов бартерный обмен, оплачивая продовольствие машинами и запчастями. Также на заводе действовал комбинат общественного питания, включавший 110 столовых (44 987 посадочных мест). Предприятие выделяло немалые субсидии на оплату комплексных обедов для рабочих. Но руководители комбината не раз бывали замечены в завышении цен, в связи с чем профком должен был согласовывать любое изменение прейскурантов.

Удивительно, но даже в 1991–1992 гг. завод продолжал жилищное строительство. В 1992 г. было сдано 16 домов с 2 850 квартирами. Резкое обнищание населения вследствие

гиперинфляции вынудило руководство пойти на серьезные меры. В 1991 г. на заводе вводится система индексации заработной платы. Чтобы каким-то образом сохранить накопления людей перед предстоящим отпуском цен, в 1991 г. завод распродал среди своих сотрудников 15 136 автомобилей по государственным ценам. Уже в 1992 г. цены на машины АвтоВАЗа подскочили в несколько раз. В тот же период на предприятии было воссоздано Управление рабочего снабжения, обеспечивавшее рабочих необходимыми потребительскими товарами (64). Но ввиду глубокого кризиса, охватившего экономику страны, эти меры не смогли коренным образом улучшить снабжение сотрудников. Пришлось рассчитывать на собственные силы и огороды. По заявке завода в 1991 г. работникам под огороды и дачи были переданы 40 тыс. земельных участков. Важно отметить, что на все вышеперечисленные шаги администрация шла под давлением СТК и профкома, пытавшихся защитить коллектив. А. Иванов, который был председателем профсоюза «Единство» в 1989–1999 г., вспоминает:

1990-е годы были самыми сложными для российской промышленности, при этом самым главным фактором, удерживавшим работников на любом предприятии, был фактор сохранения рабочего места. В этом отношении ВАЗ находился в привилегированном положении, так как его продукция была востребована. Почти без задержек выплачивалась заработная плата. Кроме того, она индексировалась в зависимости от роста потребительских цен в Автозаводском районе города. Для расчета роста потребительских цен был создан специальный отдел, при этом 500 работников в нерабочее время отслеживали цены в торговых центрах района. В эти годы ВАЗ продолжал предоставлять работникам жилье, что удерживало специалистов и даже привлекало из других регионов.¹

Показательно, что в условиях обвального падения промышленного производства и закрытия сотен предприятий

¹ Из интервью А.С. Иванова, данного автору.

официальная статистика не зафиксировала огромного уровня безработицы. В 1990-е гг. количество безработных достигло максимума в 1998 г. (13,3 %), а в 1991–1993 гг. оно не превышало 6 % экономически активного населения.

Уровень безработицы в России в 1992–2000 гг. (в %)

Год	1992 г.	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Доля безработных (в %)	5,2	5,9	8,1	9,5	9,7	11,8	13,2	12,6	9,8
Количество безработных (млн человек)	3,9	4,3	5,7	6,7	6,7	8	8,9	9,1	7

Источник: Экономическая активность... 2002.

Конечно, по сравнению с советским временем этот показатель был высок, но сравнительно со странами Восточной Европы (Болгария, Польша, Словакия) — низок. Там в начале 1990-х гг. безработица достигала 15–20 % (Капелюшников 2001). Впрочем, реальное количество безработных в России превышало официальные цифры. По подсчетам социолога Б. Максимова (2003: 41), «прошли через статус „незанятого“ с 1992 г. по 1998 г. примерно по 10 млн каждый год, а всего более 60 млн человек; из них рабочие составляли около 67 %, т. е. более 40 млн человек». Разница между реальными и официальными цифрами объясняется тем, что в подсчетах Росстата не учитывалась скрытая безработица: люди могли годами формально числиться работниками предприятия, которое временно приостановило свою деятельность и отправило часть сотрудников в неоплачиваемые отпуска (Виноградова, Дюк 1997).

Рабочий класс стремительно маргинализировался. Удержавшиеся на заводах работники, надеясь пережить трудные

времена, были вынуждены сплотиться вокруг фигуры «красного директора». Социолог Г. Ракитская (2001: 19) справедливо писала: «Угроза потерять работу становится главной причиной возрождения прежней атмосферы страха, социальной пассивности и приспособленчества». Страх увольнения был связан не только с потерей заработка, но и с утратой доступа к социальной инфраструктуре предприятия. Особенно болезненна она была для рабочих в моногородах, где муниципальная социальная сфера была развита слабо. Неслучайно в 1990-е гг. самый большой избыток рабочей силы (формально числящиеся в штате, но не работающие сотрудники) фиксировался исследователями именно на крупных градообразующих предприятиях с численностью работников более 4 тыс. человек (Виноградова, Султан-таэб 1997).

IX.

ПОЧЕМУ ТАК ПРОИЗОШЛО?

Руководство КПСС в Третьей партийной программе (1961) заявило (Третья программа... 1974):

По мере продвижения к коммунизму личные потребности будут все больше удовлетворяться за счет общественных фондов потребления, темпы их роста превысят темпы увеличения индивидуальной оплаты по труду. Переход к коммунистическому распределению завершится после того, как принцип распределения по труду исчерпает себя до дна, то есть когда наступит изобилие материальных и культурных благ и труд превратится для всех членов общества в первую жизненную потребность.

Действительно, советские граждане вне зависимости от достатка имели равный доступ к базовым видам образования, медицины, отдыха. То было выдающееся достижение советской экономической системы.

Проблема заключалась в том, что политическая модель СССР, сложившаяся после Гражданской войны, не предполагала массового участия рабочих в управлении государством и экономикой. В рамках этой системы рабочий класс делегировал свою власть партии, осуществлявшей от его имени управленческие функции. Подобная политическая модель

сложилась неслучайно: она отвечала объективным потребностям буржуазной модернизации страны, ранее развивавшейся в рамках зависимого капитализма при сохранении сильных рудиментов докапиталистических хозяйственных укладов.

Исторический опыт показывает, что в странах зависимого капитализма существует очень смешанная и рыхлая классовая структура, в которой классы буржуазного общества накладываются на старые социальные классы. Такой социум для проведения индустриализации остро нуждается в социально-политическом субъекте. В силу глубокой зависимости от империалистических стран в странах периферии крайне слабая компрадорская буржуазия была неспособна провести необходимые буржуазные преобразования. И тогда на историческую сцену выступали наиболее важные для выживания государства структуры с жесткой иерархией – армия и бюрократия. Именно армия и бюрократия провели буржуазную модернизацию и сформировали политические нации в Турции, Иране и ряде других стран зависимого капитализма. Как учит история, бюрократия на какой-то период может оттеснить класс буржуазии, взяв на себя реализацию его исторических задач.

Энгельс (1961: 233–234) в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» приводит в качестве исключения случаи, когда государство получало временную самостоятельность и могло балансировать между борющимися классами. Так было при формировании в Европе абсолютистских режимов в XVII–XVIII вв., французского бонапартизма в период правления Наполеона I и Наполеона III во Франции, Германской империи времен Бисмарка. Во всех вышеназванных случаях класс буржуазии имелся и набирал силу, однако не мог полностью отодвинуть от власти старую дворянскую знать. Наступало временное междоусобице между старым и новым классовыми порядками. В России эти процессы проходили в крайне специфической форме. В 1917 г. российская буржуазия не смогла удержать в своих руках всю полноту власти, вынужденно разделив ее с Советами. Слабость и изначальная зависимость россий-

ской буржуазии как от государства, так в последующем и от западного капитала определили ее недоразвитый характер. В ключевой для себя исторический момент она не смогла удержать власть, в результате чего на историческую сцену вышли принципиально иные политические силы — большевики и левые эсеры. Л. Троцкий (1990: 93–94) писал:

Пролетариат сразу оказался сосредоточенным в огромных массах, а между ним и абсолютизмом стояла немногочисленная капиталистическая буржуазия, оторванная от «народа», наполовину чужестранная, без исторических традиций, одухотворенная одной жадной наживы.

Энгельс в письме к Вейдемейеру допускал возможность наступления момента, когда социал-демократической партии в безвыходной ситуации слабости всех буржуазных партий придется взять власть в стране, по своему экономическому положению не готовой к социализму.¹ Оказавшись на такой исторической развилке, социал-демократы будут доделывать

¹ Энгельс писал: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу» (Энгельс 1962б: 490–491).

работу буржуазии, прибегая к буржуазным методам. Энгельс не был предсказателем, но он хорошо улавливал противоречивость развития революционного процесса. В России зависимый капитализм исчерпал возможности развития, не создав при этом индустриальной базы, достаточной для социализма. Вся историческая трагедия России предреволюционных лет как раз и состояла в том, что государственный капитализм в нашей стране не мог быть достроен на буржуазной основе. В начале XX в. империя Романовых, одной ногой увязнув в феодальном сельском хозяйстве, второй попыталась шагнуть в индустриальный мир. При таком асинхронном движении вступление России в Первую мировую войну делало гибель империи вопросом ближайшего времени.

К концу войны в России оказались развалены и государство, и армия. Большевикам пришлось выстраивать их заново, частично полагаясь на старых управленцев низшего звена и прежний офицерский корпус. Рабочий класс за годы войны сильно поредел. Значительная его часть утратила квалификацию — рабочие разошлись по деревням, чтобы физически выжить в условиях кризиса снабжения городов. Окрестьянванию части рабочих способствовал и тот факт, что в результате Октябрьской революции на деревне начался передел помещичьей земли. Многие солдаты и рабочие устремились за ней в деревню. По подсчетам Е. Гимпельсона (1974: 80), общая численность фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в России сократилась за годы Гражданской войны более чем в два раза: 1917 г. — 3,6 млн человек, 1918 г. — 2,5 млн человек, 1919 г. — 1,4 млн человек, 1920 г. — 1,5 млн человек. При этом общая численность населения России сократилась со 143,5 млн человек до 136,8 млн человек (на 4,7%); убыль городского населения составила 19% (Данилов 1970: 245). Многие рабочие были мобилизованы в Красную и белую армии. Только в Красной армии в 1920 г. служило 814 тыс. рабочих (Гимпельсон 1974: 37–38). На фронтах Гражданской войны погибло около 122 тыс. рабочих. Ослабление пролетариата и его размывание за годы войны неизбежно

вели к усилению роли партии, которая своим авторитетом пыталась восполнить ослабевший класс. Вот почему Ленин (1970в: 20) писал в 1922 г.:

Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него.

После Октябрьской революции основным субъектом модернизации стало партийное государство — специфическая система, сформировавшаяся в результате создания новых государственных институтов на основе однопартийной власти. Последующий приход к власти И. Сталина был закономерен. Фигура Сталина символизировала завершение процесса централизации политической власти, начавшегося еще в годы Гражданской войны.

Сам Сталин (1947: 71) сравнивал Коммунистическую партию с орденом меченосцев, и для этого сравнения были серьезные основания. Большевистская партия со времен Первой русской революции была воюющей организацией, что повлияло на ее внутреннюю структуру. Подпольная жизнь диктовала свои законы, которые не могли соответствовать принципам буржуазной демократии. Вдобавок к этому, Первая мировая война сильно изменила глобальный капитализм, значительно усилив роль государства в общественной жизни всех воюющих стран. Механизмы управления, использовавшиеся большевиками в первые годы Советской власти, соответствовали мировой тенденции к усилению военного индустриализма. Как отмечает Дэвид Хоффман в своей книге «Взращивание масс: модерное государство и советский социализм» (2018: 405), необходимость мобилизации миллионов граждан на фронт требовала от европейских стран поставить

здравоохранение, пропаганду, слежку и репрессии против населения на небывалый до этого государственный уровень:

В отличие от либерально-демократических стран, вновь ограничивших эти меры [тотальный контроль государства за жизнью общества – М. Л.] в послевоенное время, советское государство, зародившееся именно в час тотальной войны, превратило подобные практики в кирпичи, из которых строилось здание нового порядка. Впоследствии советские вожди подключили эти методы к своим планам преобразования общества, но не они придумали инспекцию домов, перлюстрацию писем, пропагандистские технологии и концентрационные лагеря.

Послевоенная стабилизация политической и экономической ситуации в большинстве европейских стран позволила буржуазии отказаться от чрезвычайных репрессивных мер и ослабить государственный контроль за обществом. Большевики же в силу международной изоляции и угрозы интервенции не могли отойти от политического авторитаризма. В конце 1920-х гг. внешнеполитические отношения СССР с капиталистическими странами вновь обострились (СССР и Великобритания разорвали дипломатические связи). В связи с этим большевики вновь ощутили себя гарнизоном осажденной крепости. А если перед началом штурма солдат или офицер начнет оспаривать полномочия коменданта, с ним поступят по законам военного времени. М. Томский на XVI съезде ВКП(б) говорил о том, что партия большевиков находится «под стеклянным колпаком», так как за ней внимательно наблюдает весь мир. В подобных условиях (XVI съезд... 1930: 147)

...всякая более или менее длительная оппозиция против партийной линии и ее руководства [...] неизбежно перерастает и перерастет в оппозицию против партии вообще, неизбежно найдет отклики за стенами нашей партии, перерастая в борьбу против партии пролетарской диктатуры. А это есть борьба против диктатуры пролетариата, против советской власти. Всякая оппозиция

в наших условиях парализует и грозит сорвать всю творческую работу партии, она несет и будет нести опасность не только для партии, но и для всего Советского Союза.

Стремительные индустриализация и коллективизация СССР во враждебном международном окружении не могли проходить на демократической основе. Подобного не было ни в одной из стран периферийного капитализма. Мировая и Гражданская войны настолько сильно расшатали социальную структуру России, что только авторитарная политическая система могла провести успешную индустриализацию на антибуржуазной основе. Политическая централизация приводила к усилению контроля руководства предприятий за рабочими и полному огосударствлению профсоюзов. Все это, безусловно, никак не оправдывает репрессии против невинных в сталинские годы, но позволяет лучше понять, как подобная система могла после них выжить и победить в новой мировой войне.

А. Колганов в одной из своих книг (2018: 382) справедливо пишет:

Бюрократия выступала в сталинской модернизации как социальный субститут устраненной буржуазии. Те задачи модернизации, которые ставила бюрократия, объективно отвечали национальным интересам. Они были по содержанию задачами национального буржуазного государства (промышленный переворот, защита территории и территориальная экспансия, защита позиций в мировой экономике), однако в специфическом преломлении, ибо включали существенный элемент классового компромисса как с рабочим классом, так и, в меньшей степени, с крестьянством (в меньшей — потому, что мелкобуржуазные и патриархальные слои в большинстве своем являются неизбежной жертвой промышленного переворота). Буржуазные цивилизационные задачи и соседствовавшие с ними элементы движения к социализму объединялись в оболочке социалистических лозунгов, а отчасти и социалистических экономических форм, особенно в сфере распределения.

На рубеже 1950–60-х гг. стоявшие перед страной экономические задачи усложнились количественно и качественно. За предшествующие годы, в результате основной волны индустриализации возникли сотни новых заводов. Послевоенный экономический рост связан именно с остаточными волнами индустриализации в рамках четвертого технологического уклада и освоением Сибири и Дальнего Востока. В эти годы в высшее партийное руководство вливается кадровый поток технократов, которые приходят на партийную работу из хозяйственной сферы. Вместе с собой они приносят ведомственные интересы, которые получают поддержку через влияние партийного аппарата управления.¹ Партия теряет способность определять стратегический курс развития страны. Он распадается на противоборствующие группировки, ведущие борьбу за узковедомственные интересы. Апогея этот процесс достигает в 1980-е гг. Рыжков (1995: 96) писал о начале этого десятилетия: «И ЦК, и Совмин раздирала ведомственность. Каждый отдел тащил одеяло на себя, в свой отраслевой огород, ибо сводного отдела ЦК, который формировал бы экономическую политику в целом, не было».

Процесс выстраивания ведомственной вертикали коснулся не только верхов, но и низов – рабочих. Пример внутриведомственного сговора представлен в фильме Владимира

¹ Бачурин писал: «В прошлом, да и теперь, многие руководящие страной деятели не были озабочены овладением экономической наукой, в том числе теорией эффективной рыночной системы. Советские директора в своем подавляющем большинстве считали, что экономика производства – это дело тех, кто сидит в плановом и финансовом отделах завода. А их дело – организовать производство, „дать выполнимый план“. Такая же „организаторская“ психология была и у министров, и у многих работников Госплана. Среди последних на всех уровнях было вообще мало образованных экономистов – преобладали люди с инженерным образованием, узкие специалисты-отраслевники. У них не было и особого интереса к экономической теории вообще» (цит. по: Ольсевич, Грегори 2000: 109).

Довганя «Неудобный человек» (1978). В картине рабочие одного из цехов недовольны тем, что завод работает не на полную мощность: заниженный план на месяц способна выполнить половина рабочей смены. Директор оправдывается отсутствием металлопроката для полноценной работы недавно построенного цеха. Новый цех был построен по решению министерства, но его руководство прекрасно понимало, что сырья для работы не хватает; ввиду этого министерство целенаправленно снижает план заводу. Встает вопрос: зачем министерству новый цех? Дело в том, что в советской экономике 1970-х гг. царила межведомственная война между разными министерствами за раздел бюджетного пирога. Руководство каждого министерства тянуло одеяло на себя и старалось получить под свой контроль новые средства, тем самым увеличив собственное экономическое влияние. Чем больше был финансовый поток, который контролировало министерство, тем оно было влиятельнее. В данных условиях вопрос о целесообразности строительства новых промышленных объектов для всей экономики задавался в последнюю очередь. Выделенные деньги надо было осваивать вне зависимости от того, что новые фонды могли не задействоваться. В данной ситуации министр, директор, рабочие выигрывали, а государство проигрывало, так как замороженные капитальные вложения можно было использовать куда эффективнее.

Согласно данным ЦСУ СССР, 1 400 предприятий нескольких промышленных министерств имели на 1 июля 1967 года 3 млн кв. м готовых, но пустующих производственных площадей. Из них 1 млн не использовался с 1965 г. (Лазарева 2011: 188). Брежнев в своем выступлении на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. привел множество примеров того, как закупленная министерствами импортная техника годами пылилась на складах. По словам Леонида Ильича, стоимость неустановленного оборудования на складах строек оценивалась в 5,5 млрд руб. Импорта из них было на 1,5 млрд руб. (Брежнев 1969).

Исследователь А. Соколов (2003: 118) верно отметил борьбу за инвестиции между советскими руководителями разных ведомств:

...Каждый директор сражался за инвестиции, как лев, и для советской экономики был характерен постоянный голод на капиталовложения. Борьба за них наверху напоминала военные кампании, в которых принимали участие все руководители предприятий, часто «мотаясь» в Москву ходатайствовать о своих нуждах.

При построении нового общества советские коммунисты ставили задачу примирить два вида интереса: личный и общественный.¹ Но между ними существовала и третья форма – групповой интерес. В лоне советской системы этот интерес возник как ответ непосредственных участников и организаторов производства на директивное планирование центра. Неспособность советского руководства оценить важность сочетания трех вышеназванных форм привела к подавлению общественного интереса сначала групповым, а затем и личным.

Косыгинская реформа была нацелена на решение реальной проблемы советской экономики – падения темпов роста национального продукта, производительности труда и фондоотдачи, начавшегося с конца 1950-х гг. Сам Косыгин (1965: 320) признавал:

Следует отметить, что за последние годы произошло некоторое снижение размеров национального дохода и объемов промышленной продукции, приходящихся на рубль основных производственных фондов. Темпы роста производительности труда в про-

¹ В Третьей программе КПСС говорилось: «При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения и активно участвовать в управлении общественными делами. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов» (Третья программа... 1974).

мышленности, также представляющие собой важный показатель эффективности общественного производства, за последние годы несколько замедлились. Мы можем и должны выправить это положение в ближайшие годы.

Проблема усугублялась тем, что обеспечить рост производительности труда в долгосрочной перспективе лишь с помощью увеличения материального стимулирования в рамках плановой экономики было невозможно. В начале 1930-х гг. в СССР сложился мобилизационный тип экономики, который был крайне эффективен в деле быстрой концентрации ресурсов для решения стоявших перед страной сверхзадач (индустриализация, перевооружение армии, послевоенное восстановление). В 1930-е гг. наблюдался относительный подъем уровня жизни городских рабочих, но важнейшую роль в индустриализации играл по-настоящему народный энтузиазм. Как свидетельствуют работы современных историков (Журавлев, Мухин 2004; Маркевич, Соколов 2005), стимулирование труда на советских заводах было комбинированным, особый акцент делался на моральных факторах. Премии за перевыполнение плана выплачивались и до начала стахановского движения в 1935 г., но они носили скорее символический характер (Тяжельникова 2001: 109). Например, в 1930 г. в Нижнем Новгороде одна автостроительная рабочая бригада за ударную работу была премирована фотоснимками – каждому ударнику вручили по карточке. Другую бригаду премировали комплектом нижнего белья, часть которого была не по размеру рабочим (XVI съезд... 1930: 651). Если в Уральской области в 1932 г. премию получили 32 рабочих на сумму 1 840 руб., то в 1933 г. – 268 рабочих на сумму 20 845 (Фельдман 2002: 43).

Включение миллионов крестьян (за годы первых двух пятилеток – 12 млн человек) в индустриальное производство и городскую жизнь стало для этих людей настоящим социально-культурным рывком. Сам по себе переезд из голодной деревни в город был значительным повышени-

ем уровня жизни бывших крестьян. Как отмечает Хоффман (2018: 91), система социального обеспечения СССР вначале была строго дифференцирована по классовому признаку: «...Промышленные рабочие получали еду, жилье и другие преимущества (в том числе страхование по нетрудоспособности и здравоохранение) в самую первую очередь». Стоит также отметить, что внутри рабочего класса также существовала своя иерархия потребления. В начале 1930-х гг. в условиях кризиса продовольственного снабжения приоритет отдавался рабочим тяжелой промышленности в городах особого и первого списков (Москва, Ленинград, Баку, Донбасс и др.) (Осокина 1993: 15–16). Разница в снабжении рабочих по отдельным категориям товаров была довольно существенной. Если рабочие из городов особого списка получали в 1931 г. 0,8 кг хлеба (на человека в день), 3 кг крупы (на человека в месяц), 4,4 кг мяса (на человека в месяц), 2,5 кг рыбы (на человека в месяц), 0,4 кг масла (на человека в месяц), то рабочий из городов 2-го списка получал соответственно: 0,8 кг хлеба, 1,5 кг крупы, 1 кг мяса, 2 кг рыбы; по маслу и яйцам для данной категории отсутствовали твердые норм централизованного снабжения (18).

Городская среда сама по себе давала вчерашним крестьянам преимущества. Еще в Средние века говорили: «Городской воздух делает свободным». В связи с этим людям, вчера приехавшим из деревни, не нужно было долго объяснять, почему нужно больше и лучше трудиться.

Исследователь С. Мишенин (2016: 472) справедливо отмечает:

После системного рывка 1930-х–1940-х гг. советскому обществу потребовался отдых, перегруппировка, «собираание сил» и размышление: как действовать дальше, куда идти. Иначе говоря, в 1950–1960-е гг. наступил период стабилизации, для которого нужна была новая конструкция системы. Один из шагов по конструированию этой новой конструкции и стала так называемая реформа А. Н. Косыгина.

В 1968 г. Е. Касимовский, начальник отдела рабочей силы РСФСР Госплана СССР, подготовил доклад, в котором утверждалось, что в конце 1960-х гг. в СССР возникли признаки абсолютной трудонедостаточности – нехватки рабочей силы во всей районах страны (Левин 2008: 529). Во многом это стало результатом естественного падения уровня рождаемости вследствие процесса бурной урбанизации в 1960-е гг. В 1950 г. на 1 000 человек приходилось 26,7 новорожденных, в 1960 г. – 24,9, а в 1970 г. – 17,4 (Население СССР 1983: 55). Падение рождаемости в послевоенное время было связано также с гендерным дисбалансом вследствие огромных потерь в мужском населении в ходе Великой Отечественной войны. В 1950 г. 100 мужчин приходилось в среднем на 128, в 1960 г. – 100 мужчин на 122 женщин (17–18). Деревня больше не могла выступать бездонным резервуаром дешевой рабочей силы. В связи с этим ставка на экстенсивное развитие экономики была абсолютно бесперспективной.

Важную роль в формировании трудовых резервов играла профориентация учащихся в школе. Как отмечает социолог Шкаратан (1970), с началом индустриализации советская промышленность испытывала острый голод на специалистов с высшим образованием, в связи с чем школа стремилась мотивировать учеников продолжать учебу в вузе. Но в 1960-е гг. наблюдался уже переизбыток людей с высшим образованием: экономика нуждалась в рабочих средней и низкой квалификации. Советская школа не успела быстро перестроиться и учесть запросы народного хозяйства. Согласно исследованию социолога В. Шубкина (1970: 180), собравшего данные по профессиональной ориентации выпускников городских и сельских школ Новосибирской области 1960-х гг., среди детей промышленных рабочих и строителей сами стать рабочими хотели 35 %, 60 % – работниками интеллигентного труда, 5 % – работниками сферы услуг; из детей работников сельского хозяйства и колхозников 88 % стремились стать рабочими промышленности, 12 % – колхозниками; 25 % детей работников интеллигентного труда хотели стать промыш-

ленными рабочими, 71 % — представителями интеллигенции, 3 % — работниками сферы обслуживания, 1 % — колхозниками; 56 % детей работников сферы обслуживания стремились стать промышленными рабочими, 35 % — работниками интеллигентного труда, 4 % — колхозниками, 4 % — работниками сферы обслуживания.

Нацеленность детей промышленных рабочих на профессии интеллигентного труда приводила к тому, что традиция рабочих династий постепенно сходила на нет. Получается, что дети, которые могли получить от своих отцов мировоззрение и привычки кадровых городских рабочих, поднимались по социальной лестнице выше, а их место занимали дети колхозников. Они, в свою очередь, привносили в среду рабочего класса привычки крестьянской жизни, при этом пытались любыми путями закрепиться в городе и получить прописку. Безусловно, эмпирической базы Новосибирской области недостаточно для распространения этих выводов на всю страну, но важно зафиксировать данную тенденцию хотя бы на локальном уровне.

Некоторые советские авторы, к сожалению, не видели проблемы в источниках формирования рабочего класса, рассматривая этот вопрос скорее в пропагандистском, нежели в научном ключе. Вот, например, характерная цитата из книги о рабочем классе СССР в годы восьмой пятилетки (Рабочий класс... 1979: 60–61):

Выходцы из среды колхозного крестьянства, пополняющие ряды рабочего класса, особенно его аграрный отряд, уже не имеют на современном этапе тех существенных социальных отличий от рабочих, которые имели выходцы из деревни, пополнявшие городские слои населения в переходный от капитализма к социализму период и даже в первые послевоенные пятилетки. [...] Сельская молодежь, по своему культурно-техническому и морально-политическому облику ставшая ближе к рабочему классу, вступая в его ряды, не вносила в них того социального контраста, который был раньше.

Подобные оптимистичные выводы зачастую просто постулировались без какой-либо серьезной аргументации. Было бы ошибкой полагать, что руководство КПСС находилось в полном неведении в отношении сложившейся ситуации. Проблему дефицита рабочих рук четко обозначил Брежнев (1969) в своем выступлении на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г.:

Раньше мы еще могли развивать народное хозяйство главным образом за счет количественных факторов, то есть увеличения численности рабочих и высоких темпов наращивания капитальных вложений. Период такого – как его называют, экстенсивного – развития, по существу, подходит к концу. Сейчас у нас из каждых десяти человек трудоспособного населения девять уже работают или учатся. [...] Значит, впредь нам приходится рассчитывать прежде всего на качественные факторы экономического роста, на повышение эффективности, интенсивности народного хозяйства.

К сожалению, политика в данном направлении не продвинулась далее деклараций благих целей.

В послесталинские годы руководство КПСС не смогло сформулировать общие экономические задачи, четко понятные всем трудящимся. С 1960-х гг. в деятельности Госплана на первое место стала выходить не функция проводника общегосударственной стратегии, а роль посредника, согласовывающего интересы разных ведомств (Пихоя 2016: 15). Ведомство погрязло в текущем годовом планировании, упустив из виду стратегическую перспективу.¹ Проблема заключалась в отсутствии общих стратегических задач и показателей, ко-

¹ В своем интервью В.В. Коссов, заместитель начальника отдела Госплана СССР в 1966–1981 гг., сказал: «Если говорить не с позиции догматов, а с позиции существа, в чем был центральный порок Госплана, который, я считаю, убийственен и сейчас? Это слишком сильное увлечение текущими задачами. Госплан начинался с плана ГОЭЛРО и видения проблем на горизонте в 20 с лишним лет, а потом основная работа Госплана свелась к тактическому регулированию в хозяйстве в годовом

торые связывали бы производителей и плановиков в общественное целое. Например, в проекте Директив к XXIII съезду КПСС сказано (Косыгин 1979: 367):

...Главную экономическую задачу пятилетки [восьмой – М. Л.] партия видит в том, чтобы на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить значительный рост промышленного производства, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всех советских людей.

Коротко говоря, речь шла о «размазывании» ресурсов по всем сферам экономики без выделения основного направления. Усиление децентрализации капиталовложений в результате реформы 1965 г. приводило к распылению ресурсов и умножению «долгостроев», которые тяжким бременем висели на советской экономике. Вследствие этого она утрачивала одну из своих сильных сторон – способность концентрировать значительную часть ресурсов в государственном фонде накопления для реализации стоящих перед страной стратегических задач.

В сложившейся ситуации мотивация рядовых работников к увеличению производительности труда падала. Хрущевские попытки использовать моральные стимулы в виде введения звания «бригад коммунистического труда» или создания «морального кодекса строителя коммунизма» приводили к формализму и не давали ощутимого экономического эффекта (Filtzer 1992: 42). Потребительские запросы городского населения с развитием общества усложнились. В связи с этим для

цикле, что является глубокой ошибкой. Вместо того, чтобы перевести текущее регулирование на автомат и заниматься механизмами, поддерживающими вот это состояние гомеостазиса» (Коссов 2019: 22).

стимуляции труда было уже недостаточно лозунгов и званий «ударников коммунистического труда».

К началу 1972 г. в движении за коммунистическое отношение к труду участвовали 42,4 млн человек (50,3 % всех работающих). Из всех участников звания ударника коммунистического труда были удостоены 19,6 млн человек. Российский экономист Колганов (2018:367) справедливо отмечает:

Такой широчайший охват, явно не соответствующий наличию реальных ростков коммунистического отношения к труду, свидетельствовал о практически полной бюрократизации этого начинания, превращении его в игру идеологическими символами, лицемерный характер которой был ясен всем ее участникам.

Важно упомянуть данные советских социологов А. Здравомыслова и В. Ядова. По итогам проведенных ими в 1960-е и 1970-е гг. опросов советских рабочих выяснилось, что в 1960-е гг. среди профессий, требующих высокой квалификации, основным мотиватором к труду было содержание самой работы, т. е. труд для таких людей становился возможностью творческой самореализации. В мотивации же большинства низкоквалифицированных рабочих превалировал интерес высокого заработка. В 1970-е гг. даже в мотивации высококвалифицированных кадров произошел явный сдвиг в пользу материальных факторов поощрения труда: заработка и условий труда (Здравомыслов, Ядов 2003: 419).

Материальное стимулирование не могло коренным образом изменить ситуацию, так как потребительский рынок не поспевал за ростом зарплат рабочих. Со второй половины 1960-х гг. резко стал расти разрыв между денежной массой и ее товарным покрытием (По страницам... 2009: 39). Согласно записке начальника ЦСУ СССР В. Старовского, размер неотоваренного покупательного фонда вырос за десятилетие с конца 1950-х до конца 1960-х с 13 % до 28 % (49). По оценкам Госбанка, неудовлетворенный спрос составил в 1970 году 10–13 млрд руб. (81).

Но, пожалуй, главным признаком ухудшения положения дел на производстве стало сокращение темпов роста производительности труда. В свое время Ленин (1970г: 21) верно заметил:

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. [...] Социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда. [...] Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда.

По оценкам ученых Научно-исследовательского экономического института Госплана, в 1965 г. производительность труда в советской промышленности по отношению к американской (100 %) составляла 40–50 %, сельского хозяйства – 25 % (Современное состояние... 1967: 3).

Впрочем, исследователи из ИМЭМО, проводившие альтернативные расчеты, дают более скромные показатели: в 1963 г. производительность труда по всему народному хозяйству СССР составляла 30 % от американской, в промышленности в 1967 г. – 36,2 %, в сельском хозяйстве в 1970 г. – 18 % (Кудров 2004: 72). Расчеты российских экономистов дают альтернативные значения:

Динамика производительности труда в СССР в 1929–1985 гг. по расчетам Г. Ханина (в %)

	1929	1942	1951	1961	1966	1971	1976	1981
Среднего- довые темпы изменения производи- тельности труда	— 1941	— 1950	— 1960	— 1965	— 1970	— 1975	— 1980	— 1985
	1,30	1,30	5,00	3,41	3,00	1,90	0,20	0,00
	— 11,9	— 4,40	— 8,00	— 6,00	— 6,80	— 4,60	— 3,40	— 3,00

Источник: Ханин 2015: 53. В числителе – результаты расчетов автор; в знаменателе приводятся традиционные оценки, рассчитанные на основе данных Госкомстата СССР.

Динамика производительности труда в СССР в 1950–1987 гг. по расчетам В. Кудрова (по данным ЦРУ и Бюро цензов США, в %)

	1950 – 1965	1965 – 1975	1975 – 1980	1980 – 1985	1986	1987
Народное хозяйство в целом	3,1	2,1	0,7	1,1	3,6	1,4
Промышленность	3,7	3,5	0,8	1,3	2,4	3,3
Строительство	3,1	1,0	–0,1	1,1	2,3	–0,1
Сельское хозяйство	3,5	1,3	0,8	1,2	11,2	–2,5
Транспорт	7,4	4,2	1,3	1,1	3,2	5,2
Связь	3,3	3,1	3,4	3,4	6,5	10,1
Торговля	3,7	1,9	0,8	1,1	–0,4	–0,1
Услуги	–0,4	–0,1	–0,1	0,8	0,8	1,5

Источник: Кудров 2004: 68.

Чтобы сделать индивидуальное материальное стимулирование важным фактором увеличения производительности труда, нужно было коренным образом изменить положение в легкой промышленности, т. е. отказаться от основной парадигмы развития советской экономики – направления основных капиталовложений в тяжелую промышленность. Главным противником этого был генеральский корпус и ВПК, обладавшие немалым влиянием на руководство страны.¹ В условиях обострения Холодной войны этому противоречил

¹ Интересно об этом рассуждает Бачурин: «Брежнев панически боялся возможного отставания СССР от США в военной области. Видимо, питали этот страх личные воспоминания о войне, а также непосредственная ответственность за ВПК. Эту слабость нередко эксплуатировали те, кому это было выгодно, и прежде всего генералитет, Минобороны. В итоге Брежнев постоянно поддерживал увеличение оборонных расходов,

и здравый смысл. При сохранении экономического приоритета за производством товаров группы «А» косыгинская реформа провоцировала глубокий дисбаланс в экономике, так как заработки рабочих в тяжелой промышленности росли заметно быстрее темпов развития легкой промышленности. Возникла институциональная ловушка: люди зарабатывали деньги в быстрорастущей тяжелой промышленности, а тратили в отстающей легкой.

Капитальные вложения в промышленность (в сопоставимых ценах, в млрд руб.)

	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Группа «А»	62,8	88,6	118,8	169,2	220,7	264,4	340,2
Группа «Б»	6,5	13,3	20,9	26,8	30,7	36,3	49,8

Таблица составлена автором на основе книг: Народное хозяйство... 1987; Народное хозяйство... 1991.

Рост общего объема продукции промышленности в 1940–1986 гг. (1940 = 1)

	Производство средств производства (группа «А»)	Производство предметов потребления (группа «Б»)
1960	6,6	3,2
1970	16	6,5
1980	29	11
1986	37	14

Источник: Народное хозяйство... 1987.

в том числе за счет фондов, которые необходимы были предприятиям для модернизации производства, а также на материальное стимулирование работников» (Ольсевич, Грегори 2000: 113).

Рост производительности труда по отраслям промышленности в 1940–1986 гг. (1940 = 1)

Годы	Тяжелая промышленность	Легкая промышленность
1960	4,33	2,13
1970	7,49	2,92
1980	12,88	4,16
1986	16,02	4,69

Источник: Народное хозяйство... 1987.

Дефицит усиливался и многочисленными приписками, которые стали массовым явлением с конца 1920-х гг., когда объемы роста производства стали измеряться в стоимостных показателях. В. Селюнин и Г. Ханин в своей известной статье «Лукавая цифра» (2015: 22) писали:

Искажение информации, на наш взгляд, — главная причина товарно-денежной несбалансированности (денег у населения больше, чем нужных товаров в торговле). За бумажную продукцию платят ведь настоящие рубли. Подсчитано, что в машиностроении фиктивный рост производства составляет, как минимум, 5 процентов в год. За такую прибавку полагается увеличить фонд зарплаты процента на 3, что и делают. Добавочные деньги на руки розданы, а под них ничего не произведено.

На фоне нарастания скрытой инфляции в 1970-е гг. партийное руководство все чаще прибегало к импорту потребительских товаров. Этому способствовало и открытие в Западной Сибири новых запасов нефти, экспорт которой обеспечил огромный приток валюты в советский бюджет. Но своими решениями Политбюро загоняло себя в тупик: растущие зарплаты требовали товарного покрытия за счет экспорта углеводородов, стоимость добычи которых тоже росла.¹

¹ См. более подробно: Лебский 2019: 19–23.

Таким образом, кризис советской экономики в 1970–1980-е гг. был в значительной степени связан с неспособностью руководства страны задействовать новые рычаги усиления мотивации рядового работника к более производительному труду. Экономические достижения СССР – отсутствие безработицы, общественные фонды потребления, стабильная зарплата – не позволяли администрации предприятий обратиться к капиталистическим методам поддержания дисциплины на производстве. Дональд Фильцер отмечает, что верхушка КПСС попала в порочный круг. Основой политической стабильности советского общества был постоянно растущий уровень жизни большинства граждан, но в начале 1980-х гг. этот рост остановился вследствие экономической стагнации. Дальнейший рост уровня потребления был возможен лишь при условии качественной модернизации экономики и перестройки трудовых отношений на производстве. Рабочие, в свою очередь, были согласны на более интенсивный труд и жесткую дисциплину лишь при условии повышения заработной платы и наличия полных полок в магазинах (Filtzer 1994: 216). Горбачев попытался разрешить это противоречие с помощью демократизации трудовых отношений на производстве, но его усилия потерпели закономерный крах – ни администрация, ни рабочие не были готовы отказаться от модели трудовых отношений, устоявшейся на советском предприятии за несколько десятилетий. Интересно, что сам Горбачев так и не признал публично гибельность реформ Перестройки для советской экономики. Напротив, по его мнению, неудачи были связаны с тем, что он якобы не до конца реализовал свои замыслы (Горбачев 1995: 387). Генсеку в очередной раз помешали «антиперестроечные силы» – жу-пел, которым активно пользовался Горбачев для оправдания провалов собственной политики.

Х. ОШИБКИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

СЕРЬЕЗНАЯ ошибка советских лидеров состояла в их уверенности в том, что полноценное социалистическое общество можно было построить на том низком материально-культурном базисе, от которого отталкивалась Советская Россия в 1917 году. Это заблуждение было чревато серьезными последствиями. Классики марксизма писали, что при строительстве коммунизма будут постепенно отмирать специфические потребности, присущие предшествующим формациям, а взамен более широкое удовлетворение получают универсальные человеческие потребности. А что самое важное – общественная организация производства неизбежно приведет к возникновению нового человека, главной потребностью которого будет творческая самореализация в повседневном труде (Энгельс 1955б: 334).

С хрущевских времен в СССР эти мысли трактовались в вульгарно-материалистическом ключе: если в стране построен социализм, она должна производить больше любых товаров, чем капиталистические страны. Если в сталинское время соревнование СССР с западными странами развивалось преимущественно в сфере тяжелой промышленности, то

Хрущев, пытаясь экономически обосновать наличие в СССР социализма, объявил о начале гонки с США уже по уровню потребления. Поставленные цели были абсолютно нереальны — за одно десятилетие (1960–1970 гг.) предлагалось превзойти США по производству продукции на душу населения (Третья программа... 1974).

Потребление основных продуктов питания в СССР и основных капиталистических странах (кг на душу населения в год)

	СССР (1960 г.)	США (1959 г.)	Англия (1957/58 г.)	Франция (1958/59 г.)	Италия (1958/59 г.)
Мясо и сало	39	99	73	71	28
Молоко и молочные продукты	238	308	358	298	135
Яйца (шт.)	114	337	238	181	152
Сахар	28,5	44	49	29	19
Хлебные продукты	167	76	89	113	146
Картофель	145	45	97	112	53
Овощи и бахчевые	70	116	59	123	143

Источник: Доклад ЦСУ... 1961: 9.

У советских руководителей не было теоретического понимания того, что Советский Союз был системой переходного типа на пути от капитализма к социализму, так и не достигшей последнего в силу недостаточного развития производительных сил и обобществления собственности. Когда Хрущев заявлял в начале 1960-х гг. о создании через 20 лет материально-технической базы коммунизма, 52 % всего населения

проживало в деревне (Гордон, Назимова 1985: 24). Почти 40 % трудоспособного населения было занято в сельском хозяйстве, где использовался преимущественно ручной труд (Народное хозяйство... 1971: 507). В промышленности ручным трудом были заняты 52 % рабочих (Гордон, Назимова 1985: 123). Всего в конце 1950-х гг. 52 % всего трудящегося населения занимались простым, преимущественно физическим трудом, не требовавшим профессиональной подготовки до начала трудовой деятельности (164). Необходимо пояснить, что, согласно классификации Л. Гордона и А. Назимовой, ручной труд предполагает использование отдельных механизмов или машин, но кардинальным образом отличается от него индустриальный труд встроенностью работника в конвейерное производство, которое образует систему машин. Хронической проблемой советской промышленности была слабая механизация или ее полное отсутствие на вспомогательных работах: внутренних перевозках, погрузочных работах, ремонте и обслуживании техники, уборке производственных помещений. Слабая механизация вынуждала директоров держать большой штат вспомогательных низкоквалифицированных рабочих, что еще больше усиливало проблему трудонедостаточности в СССР (Filtzer 1992: 22–26).

В начале 1960-х гг. советская экономика нуждалась в завершении индустриализации — на подобном материально-техническом базисе не могло быть и речи о строительстве коммунизма, который предполагает освобождение человека от тяжелого ручного труда. Но советские идеологи почему-то связывали технологические процессы, вполне успешно реализуемые в рамках капитализма (электрификация, механизация, автоматизация, химизация), со строительством коммунизма (Третья программа... 1974). Еще более нелепо в 1960-е гг. было провозглашать основой экономической программы строительства коммунизма электрификацию, ссылаясь при этом на Ленина (XXII съезд... 1962: 173). В 1965 г. США производили электроэнергию на 1 220 млрд кВт/ч, а СССР — лишь на 507 млрд кВт/ч (Современное состояние... 1967: 53).

По логике Хрущева получается, что в США в рамках капитализма уже была создана экономическая основа для коммунизма.

Да, советская экономика в начале 1960-х гг. страдала от падения темпов роста и качества продукции. Но какая буржуазная экономика не имела подобных проблем? Как известно еще со времен Маркса, капитализм цикличен — при нем подъемы сменяются кризисами. Однако советские лидеры всерьез заявляли о «полной и окончательной победе социализма» (Третья программа... 1962). Социализм же не может испытывать экономических кризисов, так как предполагает построение сбалансированного планового хозяйства. Подобный подход, исключавший возможность возникновения в СССР циклических кризисов, не позволял сформировать методики разрешения новых противоречий, неизбежно рождавшихся в обществе переходного типа. Начиная с 1960-х гг. советские руководители совершали стратегическую ошибку — они пытались догнать развитые капиталистические страны, используя рыночные же методы. Г. И. Ханин верно охарактеризовал последствия косыгинской реформы: «Сложившийся хозяйственный механизм в нашей стране соединил все худшие стороны и командной, и рыночной экономики» (Ханин 2008: 314).

Многие сторонники реформы 1965 г. объясняют провал преобразований «сопротивлением аппарата»,¹ имея в виду министерства. В ходе косыгинской реформы руководство КПСС пошло на введение в работу предприятий рыночных элементов, в то время как вся экономическая система и, прежде всего, отраслевые министерства функционировали по принципам директивного планирования. Хотя сам Косыгин (1979: 347) говорил о возможности введения хозрасчета в министерствах легкой и пищевой промышленности, единственным исключением стал эксперимент с переводом на хозрасчет Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления во главе с К. Рудневым.

¹ Например см. мнение Л. Абалкина (2005: 211–212).

На другие министерства он не распространился.¹ На примере Министерства приборостроения можно наблюдать распределение отчислений в фонды стимулирования. Всего за 1967 г. предприятия министерства должны были получить 72,5 млн рублей. Из них 43,1 млн пошло бы в фонд материального поощрения, 15,3 млн — в фонд социально-культурных мероприятий, 14,1 млн — в фонд развития производства (Руднев 1967: 2). На модернизацию производства средства явно выделялись по остаточному принципу, основная часть денег направлялась на премии работникам.

В советском фильме «От зарплаты до зарплаты», поставленном по пьесе экономиста В. Д. Белкина, один из работников сравнивает введение хозрасчета на одном предприятии с анекдотом про дорожный эксперимент в Англии. На одной из улиц английского города ввели правостороннее движение, в то время как в остальном городе оставили левостороннее. Результат внедрения рыночных элементов в плановую экономику также был вполне предсказуем.

Как справедливо отмечает экономист Владимир Конторович (Kontorovich 2006: 15), реформы, нацеленные на усиление хозяйственной автономии предприятия в рамках плановой системы, потерпели крах не только в СССР, но и в Венгрии и Чехословакии. Это говорит о том, что в самой реформе противоречия были заложены на фундаментальном уровне. Ссылка на сопротивление министерств или отказ от

¹ Интересно, что в беседах с Чуевым Молотов обвинял Руднева в синдикализме: «Прочитал статью Руднева, министра приборостроения и средств связи. Это единственное пока министерство, которое с 1970 года в целом переведено на хозрасчет. Он считает, что это целесообразно сделать и в других министерствах. Я-то считаю это вредным делом. Хозрасчет в министерствах. Целыми министерствами. Это синдикалистский такой подход, но автор, министр, совершенно не понимает, теоретической и политической сторон он не касается. Он описывает только положительные явления, ни одного слова о недостатках, ни одного критического замечания» (Чуев 1991: 370).

реформы со стороны руководства КПСС – это лишь попытка найти легкое объяснение для сложного вопроса. Конторович пишет о косыгинской реформе (16):

Экономические реформы были упражнением в подражании, интуитивной попыткой скопировать механизмы конкуренции в работающем рынке. Попытавшись наделить деньги, цены и прибыль, уже существовавшие в командной экономике, теми функциями, которыми они обладали в рыночной экономике, реформаторы попали в языковую ловушку. Это привело к ошибке двусмысленности. Прибыль предприятия от централизованных транзакций, рассчитанная по строго установленным ценам в экономике с пассивными деньгами, несмотря на название, имеет другое значение, чем прибыль, которая функционирует на конкурентном рынке. Нет никаких причин, по которым погоня за прибылью [в советской экономике – М. Л.] приведет предприятия к принятию эффективных решений или акцент на объеме продаж сделает их восприимчивыми к пожеланиям своих клиентов.

Поразительнее всего, что советские экономисты часто говорили о принципиально различных функциях прибыли при капитализме и социализме,¹ но при этом сами верили, что советские предприятия будут добиваться прибыли лишь за счет роста производительности труда и снижения себестоимости.

Мысль Конторовича особенно ярко иллюстрирует предложение исключить расходы на жилищно-коммунальное хозяйство из балансовой прибыли фабрики «Красный Октябрь»,

¹ Либерман (1970: 55–56) писал: «Прибыль при социализме хотя по форме и схожа с капиталистической, по содержанию своему в корне от нее отлична, так как отражает производственные отношения социализма. Прибыль, как известно, есть цель и единственный движущий мотив капиталистического частного предпринимательства. Прибыль в нашей стране не является целью общественного производства. Цель производства при социализме – все полное удовлетворение общественных и личных потребностей людей».

выдвинутое ее директором, А. Гриненко, когда министр финансов СССР В. Гарбузов заявил, что предприятие имеет убыток в 300 тыс. руб. по ЖКХ (Гриненко 1997: 75). Косыгин поддержал идею. Противоречивость ее состояла в том, что строительство ведомственного жилья осуществлялось в зависимости от прибыли предприятия, а расходы на поддержание ЖКХ из последней исключались. Таким образом, предприятие могло построить много жилья, тратя серьезные ресурсы на его поддержание, а на бумаге формальная прибыль была больше фактической. Соответственно, фонды стимулирования наполнялись из формально завышенной прибыли. Если из прибыли предприятия произвольно исключаются некоторые пункты расходов, подменяется сама категория прибыли: «Сколько захочу, столько и нарисую».

Советские руководители стали жертвой собственного неверного представления о роли СССР в мировой истории. Стратегической задачей Советского государства было уничтожение капитализма не в ходе чисто экономического соревнования, а в результате серии социальных революций в странах центра и периферии. США и европейские страны получали огромную империалистическую ренту от эксплуатации периферийных стран, а СССР не мог осуществлять накопление капитала за счет данных источников. Наоборот, Советское государство, несмотря на противоречивость своей внешней политики, оказывало существенную помощь революционным движениям и просоветским режимам.

Изначальная концепция создания СССР подразумевала, что он выступит плацдармом армии мировой революции. В промежутках между волнами мировой революции Советское государство должно было залатывать дыры и готовиться к новому обострению революционной ситуации. На практике вышло иначе. Дело было не только в субъективных ошибках руководителей КПСС, но и в объективных причинах – поражении европейских революций, приходе к власти нацистов в Германии, огромных потерях в результате Великой Отечественной войны, стабилизации капитализма в странах центра,

моральной усталости советского народа от тяжелой войны и подготовки к ней. Все вышеперечисленное закономерно рождало у простых людей желание некоторой передышки. В. Молотов в беседах с Ф. Чуевым (1991: 312) вспоминал о послевоенных настроениях населения и партийного руководства:

Конечно, люди хотели пожить, война была. Дело идет не об отдельных лицах, а об основных кадрах, тем более о широких массах. Они очень устали. И не все наверху выдерживали этот курс. Потому что очень трудно его выдержать. Прямо это не было высказано, а фактически так Брежнев заключал XXIV съезд партии словами: «Легко дышится, хорошо работается, спокойно живется». Конечно, сказал для большевика: «Спокойно живется!» Большевик так не может. Если спокойно живется, большевики не нужны. Абсолютно не нужны. Они где-нибудь наворачивают — идти вперед, пробивать трудность, а для спокойной жизни зачем большевики? Социал-демократы лучше. Они как раз на это годятся. Они подчинились этому, так сказать, стихийному движению капитализма.

Вернувшиеся с мировой войны фронтовики хотели жить иначе. Влияние советских фронтовиков на общественные настроения было сильнее влияния декабристов, которое охватывало только дворянство. Если декабристы хотели изменения политического строя, то советские солдаты стремились не просто восстановить разрушенную страну — они хотели жить в достатке. И, безусловно, имели на это моральное право. Хрущев постарался дать послевоенному поколению новую глобальную цель, которая была бы сопоставима с победой, но направила народные силы в русло мирного строительства. На XXII съезде Хрущев говорил: «Третья программа партии знаменует наступление такого периода, когда все трудности и лишения, которые перенес советский народ во имя своего великого дела, окупятся» (XXII съезд... 1962: 163).

Проблема состояла в том, что руководство КПСС в 1950-е гг. заявило о наступлении периода мирного сосуществования с капиталистическими странами, предполагавшего, прежде всего, экономическое соревнование между двумя системами.¹ Хрущев пошел на авантюрный шаг, заявив, что за двадцатилетие будет обеспечен потребительский эдем: реальные доходы на душу населения возрастут более чем в три с половиной раза; каждая семья, включая молодоженов, получит новую, благоустроенную квартиру; коммунальные платежи, проезд на общественном транспорте, питание на предприятиях и в учреждениях и для занятых в производстве колхозников станут бесплатными. Обещание завершалось утверждением: «КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения – обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма» (Третья программа... 1974). Несмотря на значительный социально-экономический прогресс в 1960–1980-е гг., данная стратегия потерпела закономерный крах, так как в соревновании по уровню потребления на душу населения СССР не смог бы догнать империалистические страны без изменения своей экономической основы. По расчетам НИИ Труда, во второй половине 1960-х гг. потребление материальных благ на душу населения в СССР было в четыре раза ниже, чем в США (Современное состояние... 1967: 33). С 1960-х гг. СССР утратил ориентиры развития. Руководство страны бросилось в погоню за капиталистическими странами, встав на их дорожку.

Было бы совершенно несправедливо закрывать глаза на огромный социальный прогресс, достигнутый СССР с 1950-х по 1980-е гг. Десятки миллионов людей были вытасканы из бедности, советское общество за этот период стало обществом людей среднего достатка (Труд... 1988: 146–147).

¹ На XXII съезде КПСС Хрущев говорил: «Главная арена соревнования социалистической и капиталистической систем – мирное экономическое соревнование» (XXII съезд... 1962: 224).

Для большинства советских семей был решен жилищный вопрос. В конце 1980-х гг. 83 % городских семей проживало в отдельных благоустроенных квартирах и индивидуальных домах (Население СССР 1990: 42). Системы здравоохранения и образования, созданные в СССР, справедливо считались многими странами примером для подражания.

Противоречивость советских достижений заключается в том, что руководство КПСС ориентировало людей на уровень потребления, который вел страну к глубокому экономическому дисбалансу. Это обуславливалось частичной утратой со стороны центральных органов контроля за ростом уровня доходов советских граждан. В рыночной экономике несоответствие между товарами и денежной массой выравнивается автоматически с помощью открытой инфляции. Плановая экономика базируется на строгом контроле экономических органов за фондом зарплат и розничным товарооборотом. Потеря этого контроля вела к тяжелейшим экономическим последствиям: болезнь не излечивалась, а загонялась вглубь. В советской экономике инфляция носила скрытый характер, что обесценивало часть накоплений трудящихся, заставляя их покупать часть товаров на колхозных рынках или у спекулянтов по завышенным ценам. Также принципиально важно, что руководство КПСС в конце 1980-х гг. не смогло обеспечить стабильный рост потребления от поколения к поколению — за эту ошибку расплачивалось уже поколение детей 1990-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ Советского Союза стало своеобразным ответом рабочего класса на неспособность российской буржуазии провести вовремя модернизацию страны. В связи с этим с конца 1920-х гг. вся жизнь советского общества была подчинена главной задаче — сокращению экономического, технологического, военного и культурного отставания СССР от западных стран. В парадигме развернувшейся индустриализации промышленное предприятие вынужденно стало играть огромную социальную роль, взяв на себя функции воспроизводства рабочей силы. Завод выступал одним из главных организаторов жизненного пространства рабочего. Этот факт наложил большой отпечаток на социальную психологию советских рабочих. Официальная пропаганда, борясь с текучестью рабочей силы, старалась сформировать образ завода как второго дома для работников. И эти усилия не прошли даром. Советский рабочий стал воспринимать себя не как часть рабочего класса, а как участника малой корпорации («мы все — от рабочего до директора — члены единого коллектива „нашего“ завода»).' Этому способствовало и то, что руководители завода также были наемными работниками. Работа на государство была общей экономической основой существования работников

¹ См. более подробно: Кудюкин 2012.

и управленцев, что отчасти снимало социальные противоречия внутри трудового коллектива.¹

Косыгинская реформа привела к значительному расширению фондов потребления отдельных предприятий. Активное строительство ведомственных социальных объектов сыграло важную роль в борьбе с текучестью рабочей силы, которая крайне негативно влияла на советскую экономику. В 1965 г. текучесть кадров в промышленности составила 20,5% от среднесписочной численности работников, а в строительстве – 34,2%; через 20 лет эти показатели существенно снизились: до 12,7% и 18,1% (Труд... 1988: 258). Подобная тенденция наблюдалась и в других отраслях народного хозяйства.

В постсоветское время ведомственная социальная инфраструктура выполняла важную функцию амортизатора, позволив миллионам людей выжить в условиях катастрофического падения производства и распада прежних социальных связей. Было бы глупо осуждать людей за то, что они предпочли индивидуальную стратегию выживания за счет использования корпоративной вертикали коллективным формам сопротивления.

В данной книге я постарался объяснить, как косыгинская реформа повлияла на рабочий класс и почему столь радикальные социально-экономические преобразования 1990-х гг. не вызвали массового и организованного сопротивления со стороны промышленного пролетариата. Главный ответ состоит в том, что советские рабочие в условиях новой капиталистической реальности воспроизвели тот тип социального поведения, который они практиковали на протяжении многих лет советской власти, – конформизм и использование неформальных связей в рамках корпоративной вертикали, выстроенной на предприятии. Социальные фонды, сохранившиеся на многих заводах, позволяли это сделать.

¹ Интервью директора РАФа, В.Д. Боссерта (1987), доходчиво показывает настроения внутри директорского корпуса позднего СССР: коллектив в лице руководства и работников против центральных министерств.

Организованное рабочее движение не могло возникнуть в СССР до начала глубокого системного кризиса не только по причине репрессий со стороны государственных органов.¹ Главная причина лежит в другой плоскости — практически вся жизнь работника выстраивалась вокруг фондов потребления предприятия, которое непосредственным образом участвовало в формировании рабочего класса. В подобной ситуации в жизни работника не было автономных от государства зон и институтов, которые он мог бы использовать для организации сопротивления. В связи с этим было бы ошибкой накладывать образ и принципы поведения рабочего класса капиталистического общества на советский рабочий класс. Он требует самостоятельной исследовательской работы, которую еще только предстоит осуществить.

¹ Д. Фильцер усматривает в государственных репрессиях главное препятствие для развития рабочего движения в СССР (Filtzer 1994: 95).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАБЛИЦЫ

Таблица № 1. Среднегодовая численность рабочих и служащих в промышленности СССР по категориями персонала ¹

Годы	Млн человек			В процентах		
	Весь промышленно-производственный персонал	В том числе		Весь промышленно-производственный персонал	В том числе	
		Рабочие ²	Служащие ³		Рабочие	Служащие
1913	4,1	3,9	-	100	94	6
1928	4,3	3,9	0,4	100	91	9
1932	9,4	8,1	1,3	100	86	14
1937	11,6	10,1	1,6	100	86	14
1940	13,1	11,1	2,0	100	85	15
1945	10,7	9,2	1,5	100	86	14

¹ В этой таблице данные о численности рабочих и служащих не включают работников промышленных предприятий, колхозов, рабочих и служащих части мелких подсобных промышленных предприятий. За 1913 г. данные приведены без численности кустарей. Численность промышленно-производственного персонала и кустарей (включая сезонных) в 1913 г. по территории в границах СССР на 1989 составляла 6,2 млн человек, в том числе рабочих – 6 млн человек.

² Включая учеников, младший обслуживающий персонал и работников охраны.

³ Включая руководителей, специалистов и других служащих.

1950	15,3	13,2	2,1	100	86	14
1955	19,0	16,5	2,5	100	87	13
1960	22,6	19,7	2,9	100	87	13
1965	27,4	23,5	4,0	100	86	14
1970	31,6	26,6	5,0	100	84	16
1975	34,1	28,5	5,6	100	84	16
1980	36,9	30,5	6,4	100	83	17
1985	38,1	31,3	6,8	100	82	18
1987	38,1	31,2	6,9	100	82	18

Источник: Промышленность СССР... 1988: 112.

Таблица № 2. Соотношение численности рабочих, занятых механизированным и ручным трудом, в промышленности (в %)

Годы	Всего рабочих	В том числе выполняющих работу		
		При помощи машин и механизмов, а также по наблюдению за работой автоматов	Вручную при машинах и механизмах и не при машинах и механизмах	Вручную по ремонту
1980	100	47,8	38,8	13,4
1985	100	52,5	33,2	14,3
1987	100	53,6	32,2	14,2

Источник: Промышленность СССР... 1988: 122.

Таблица № 3. Текучесть рабочих кадров в промышленности по союзным республикам (в % от среднесписочной численности рабочих)

	1960	1965	1970	1975	1980.	1985.	1987
СССР	18,9	20,5	21,2	19,0	16,1	12,7	12,0
РСФСР	18,0	19,8	20,6	18,5	15,8	12,6	11,7
Украинская ССР	18,5	18,6	19,0	17,2	14,9	11,7	11,2
Белорусская ССР	12,9	15,6	18,2	16,3	14,1	10,2	9,6
Узбекская ССР	23,0	29,0	27,9	21,9	19,5	15,5	15,3
Казахская ССР	32,7	30,5	30,5	26,6	22,6	18,3	16,8
Грузинская ССР	32,3	29,4	28,9	23,2	19,6	13,2	13,6
Азербайджанская ССР	22,1	27,4	26,1	23,7	19,8	13,4	14,3
Литовская ССР	19,2	21,4	25,4	21,4	16,3	12,5	12,2
Молдавская ССР	25,9	32,8	30,6	27,8	22,3	17,8	17,3
Латвийская ССР	26,4	24,9	21,6	20,4	16,1	12,3	11,3
Киргизская ССР	28,3	29,8	32,9	28,5	25,3	16,5	17,3
Таджикская ССР	33,2	36,7	36,4	28,7	24,9	18,9	17,1
Армянская ССР	25,5	29,3	33,3	22,4	17,9	13,1	13,4
Туркменская ССР	34,0	34,5	33,3	31,9	28,1	21,6	19,5
Эстонская ССР	22,6	20,3	21,1	18,3	15,1	11,8	10,9

Источник: Промышленность СССР... 1988: 126.

Таблица № 4. Средняя заработная плата рабочего в промышленности (руб.)¹

Годы	Средняя заработная плата с добавлением выплат и льгот от общественных фондов потребления		Средняя денежная заработная плата		В том числе оплата тпусков		Выплаты и льготы, получаемые от общественных фондов потребления (без оплаты отпусков) в среднем на одного рабочего	
	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц	В среднем за год	В среднем за месяц
1965	1665	139	1220	102	85	7	445	37
1970	2145	179	1567	131	113	9	578	48
1975	2653	221	1930	161	149	12	723	60
1980	3094	258	2226	186	164	14	868	72
1985	3607	301	2540	212	196	16	1067	89
1987	3801	317	2631	219	203	17	1170	98

Источник: Промышленность СССР... 1988: 128.

¹ В категорию «рабочие» включены рабочие, ученики, младший обслуживающий персонал и работники охраны.

ДОКУМЕНТЫ

Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1920 г. «О запрещении вселения учреждений и отдельных лиц в помещения, принадлежащие к территории заводов и предприятий»

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Ни одно учреждение, не исключая военного, не в праве вселять кого бы то ли было в помещения, принадлежащие к территории заводов и предприятий, состоящих в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства или его местных органов.

2. От Высшего Совета Народного Хозяйства или его местных органов по принадлежности зависит разрешить вселение в указанные в п. 1 помещения как учреждений, так и отдельных лиц.

3. Виновные в нарушении настоящего постановления предаются Народному Суду.

Подписали:

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Л. Фотиева.
13 июля 1920 года.

Источник: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1943. С.481.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О распределении прибылей государственных предприятий по балансам за 1929–1930 г. и за октябрь–декабрь 1930 г.»

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

I.

1. Прибыль государственных (в том числе коммунальных) предприятий, действующих на началах хозяйственного расчета, по балансам за 1929–1930 г. распределяется следующим образом:

- а) в фонд улучшения быта рабочих и служащих – 11 % чистой прибыли;
- б) на уплату подоходного налога – 20 % чистой прибыли;
- в) остаток чистой прибыли обращается на увеличение уставного капитала.

Примечание. От уплаты подоходного налога за 1929–1930 г. освобождаются те предприятия, с которых в 1930 г. были получены авансовые платежи в порядке изъятия в бюджет текущих накоплений за 1929–1930 г.

2. Прибыль государственных предприятий по балансам за октябрь–декабрь 1930 г. распределяется следующим образом:

- а) в доход государства – часть, установленная ст. 2 положения об отчислении в доход государства прибылей государственных предприятий от 2 сентября 1930 г. (С. 3. СССР 1930 г. № 46, ст. 478);
- б) в фонд улучшения быта рабочих и служащих – 9 % чистой прибыли;
- в) остаток чистой прибыли обращается на увеличение уставного капитала предприятия.

3. В кредитных учреждениях указанный остаток чистой прибыли после установленных отчислений обращается не в уставный, а в резервный капитал.

4. Прибыль Государственного банка, Банка долгосрочного кредитования промышленности и электрохозяйства,

Центрального банка коммунального хозяйства и жилищно-го строительства, Госстраха Союза ССР и государственных трудовых сберегательных касс распределяется в порядке, установленном в положениях о них.

II.

5. Установленный для государственных предприятий размер отчисления в фонды улучшения быта рабочих и служащих (по балансам за 1929–1930 г. — 11 %, а за октябрь–декабрь 1930 г. — 9 %) распространить и на другие предприятия, учреждения и организации, образующие эти фонды путем отчислений из чистой прибыли.

Председатель ЦИК Союза ССР Г. Петровский.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов (Скрябин).

И. о. Секретаря ЦИК Союза ССР А. Медведев.

Москва—Кремль.

3 мая 1931 г.

Источник: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год. М., 1931. С. 362–363.

*Постановление Центрального Исполнительного Комитета
и Совета Народных Комиссаров от 19.05.1936 «О Фонде
директора предприятия за счет прибылей»*

(Документ приводится в сокращенном виде)

В целях упорядочения дела образования и расходования фондов премирования и улучшения быта работников на предприятиях, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

Установить с 1 января 1936 года во всех производственных предприятиях (фабриках, заводах, шахтах и т. п.) вместо существовавших до сих пор фондов и отчислений на премирование и улучшение быта работников предприятий — единый фонд директора предприятия за счет прибылей в размере:

- а) 4 % от полученной предприятием чистой прибыли в пределах утвержденного плана;
- б) 50 % от сверхплановой прибыли.

Средства из фонда директора расходуются, с утверждения народного комиссара или в установленном им порядке, распоряжением директора на следующие мероприятия сверх утвержденного государственного плана:

- а) на жилища для рабочих, инженерно-технических работников и служащих предприятия — не менее 50 % всего фонда;
- б) на улучшение других видов культурно-бытового обслуживания рабочих, инженерно-технических работников и служащих данного предприятия (ясли, детские сады, клубы, столовые и т. д.);
- в) на индивидуальное премирование особо отличившихся работников предприятия;
- г) на дополнительные капитальные работы;
- д) на дополнительные рационализаторские мероприятия и техническую пропаганду.

План расходования средств фонда устанавливается директором по согласованию с фабрично-заводским комитетом профсоюза.

Отчисления в фонд директора производятся один раз в квартал из полученных плановых и сверхплановых прибы-

лей в половинном против указанного в ст. 1 размере. Окончательный расчет производится после утверждения в установленном порядке годового отчета и баланса предприятия.

Воспретить директорам предприятий с изданием настоящего постановления создание из доходов предприятий каких-либо других фондов на бытовые нужды, премирование и т. п., а также расходование на эти цели других средств, кроме фонда директора.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин.

Председатель СНК Союза ССР В. Молотов.

И. о. Секретаря ЦИК Союза ССР И. Уншлихт.

Москва, Кремль.

19 апреля 1936 г.

Источник: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. М., 1946. С. 298–299.

Постановление Совмина СССР от 04.02.1961 № 99 «Об утверждении Положения о фонде предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства»

(Документ приводится в сокращенном виде)

1. Фонд предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства образуется во всех состоящих на хозяйственном расчете с самостоятельным балансом государственных промышленных предприятиях, находящихся в ведении советов народного хозяйства, министерств, ведомств и исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся. В подсобных промышленных предприятиях, входящих в состав транспортных, строительных, торговых и иных хозяйственных организаций, фонд предприятия образуется в тех случаях, когда подсобное промышленное предприятие состоит на хозяйственном расчете с самостоятельным балансом и имеет отдельный расчетный счет в банке.

В подсобных промышленных предприятиях, состоящих при бюджетных учреждениях, а также при научно-исследовательских и конструкторских организациях, не переведенных на хозяйственный расчет, фонд предприятия не образуется.

2. Отчисления в фонд предприятия производятся при условии выполнения или перевыполнения утвержденных предприятием в установленном порядке государственных планов: по выпуску товарной продукции и по основной номенклатуре, по снижению себестоимости продукции, по прибылям, а по планово-убыточным предприятиям — по экономии от снижения себестоимости продукции.

Отчисления в фонд предприятия в сплавных и лесоперевалочных организациях производятся при условии выполнения плана по приплаву или перевалке древесины и плана по стоимости сплавных и лесоперевалочных работ на один кубометр приплавленной или переваленной древесины, а также при выполнении других условий, установленных настоящим пунктом.

3. Источником образования фонда предприятия является прибыль предприятий, а на предприятиях, у которых по плану прибыль не предусмотрена, — экономия, полученная от снижения себестоимости продукции.

4. Отчисления в фонд предприятия по планово-убыточным предприятиям производятся при выполнении установленных настоящим Положением условий, при этом, если сумма фактически полученных убытков превышает плановые убытки, пересчитанные на фактический объем реализованной товарной продукции, то отчисления в фонд предприятия не производятся.

5. Отчисления в фонд предприятия от плановой прибыли или суммы экономии, полученной от снижения себестоимости продукции, производятся в следующих размерах:

а) 6 процентов — по промышленным предприятиям черной и цветной металлургии, топливной и химической промышленности, химико-фармацевтической промышленности, промышленным предприятиям по производству цемента, по добыче и первичной обработке асбеста и слюды;

б) 4 процента — по промышленным предприятиям машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов (кроме предприятий по производству цемента), промышленности неметаллических руд (кроме предприятий по добыче и первичной обработке асбеста и слюды), стекольной и фарфоро-фаянсовой промышленности, по производству электроэнергии и теплоэнергии, по производству абразивных, слюдяных и углеграфитовых изделий, медико-инструментальной промышленности, а также по промышленным предприятиям Гознака Министерства финансов СССР;

в) 2 процента — по промышленным предприятиям текстильной промышленности;

г) 1 процент — по промышленным предприятиям остальных отраслей промышленности, а также по промышленным предприятиям районного подчинения.

Предприятия, производящие продукцию нескольких отраслей промышленности, относятся целиком к той отрасли

промышленности, продукция которой составляет преобладающую часть валовой продукции предприятия.

6. Предприятия машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности отчисления в фонд предприятия от плановой прибыли, получаемой в результате выпуска изделий новой техники, предусмотренных в годовых планах предприятия по новой технике (или суммы экономии от снижения себестоимости этих изделий), в течение первого года серийного выпуска их производят в размере 10 процентов при выполнении предприятием условий, установленных пунктом 2 настоящего Положения.

7. При перевыполнении предприятием плана по прибыли или экономии от снижения себестоимости продукции в фонд предприятия дополнительно отчисляется от сверхплановой прибыли или суммы сверхплановой экономии, полученной от снижения себестоимости продукции, 60 процентов по предприятиям, перечисленным в подпункте «а», 50 процентов по предприятиям, перечисленным в подпункте «б», 40 процентов по предприятиям, перечисленным в подпункте «в», и 30 процентов по предприятиям, перечисленным в подпункте «г» пункта 5 настоящего Положения.

Установить, что отчисления в фонд предприятия от сверхплановой прибыли или суммы сверхплановой экономии от снижения себестоимости продукции производятся только в пределах полученной сверхплановой прибыли или суммы сверхплановой экономии.

8. Общая годовая сумма отчислений в фонд предприятия от плановой и сверхплановой прибыли или суммы экономии, полученной от снижения себестоимости продукции, не должна превышать 5,5 процента годового фонда заработной платы промышленно-производственного персонала предприятия в пересчете на фактический объем выпуска товарной продукции.

На предприятиях машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности предельные размеры отчислений в фонд предприятия повышаются: при удельном весе изделий новой техники в общем объеме производства от 10 до 15 процентов – до 6 процентов, от 15 до 25 процентов – до

6,5 процента и свыше 25 процентов – до 7 процентов годового фонда заработной платы промышленно-производственного персонала.

9. Советы народного хозяйства, министерства, ведомства, отделы (управления) исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся и директора предприятий при определении размера сверхплановой прибыли или сверхплановой экономии от снижения себестоимости продукции, от суммы которой производятся отчисления в фонд предприятия, учитывают отклонения от плана, вызванные причинами, не зависящими от производственной деятельности предприятий.

Отчисления в фонд предприятия не должны производиться от прибыли, полученной в результате реализации продукции, по которой нарушены сроки действия временных оптовых цен или на которую применяются постоянные оптовые цены, утвержденные с нарушением установленного порядка. Это ограничение в начислении фонда предприятия действует до момента утверждения в надлежащем порядке оптовых цен на соответствующие виды продукции.

10. Отчисление в фонд предприятия авансом производится по результатам работы за каждый квартал на основе балансов и отчетов предприятия в размере 60 процентов сумм, исчисленных в соответствии с настоящим Положением. Окончательный размер отчислений в фонд предприятия устанавливается по годовому отчету.

Авансовые отчисления в фонд предприятия не должны превышать установленных пунктом 8 настоящего Положения размеров (в процентах) от фонда заработной платы промышленно-производственного персонала за соответствующий период в пересчете на фактический объем выпуска товарной продукции.

11. Средства из фонда предприятия расходуются:

а) на осуществление мероприятий по новой технике, на модернизацию оборудования и на расширение производства – не менее 20 процентов;

б) на жилищное и культурно-бытовое строительство, а также на ремонт жилищного фонда предприятий – не менее 40 процентов.

Эти средства предприятия могут расходовать на строительство совместно с другими предприятиями и организациями жилых домов, клубов, домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей, детских садов и яслей, спортивных сооружений и других объектов культурно-бытового назначения;

в) на индивидуальное премирование, улучшение культурно-бытового обслуживания работников, приобретение путевок в дома отдыха и санатории и на оказание работникам единовременной помощи – до 40 процентов.

12. Утверждение сметы использования средств фонда предприятия, а также выдача индивидуальных премий и оказание единовременной помощи работникам производятся директором предприятия совместно с фабричным, заводским комитетом профсоюза.

Директор предприятия совместно с фабричным, заводским комитетом профсоюза имеет право выделять в распоряжение цехов средства для премирования администрацией цеха совместно с цеховой профсоюзной организацией рабочих и других работников, отличившихся в работе по обеспечению выполнения плана и социалистических обязательств.

Средства фонда предприятия, направляемые на индивидуальное премирование и оказание единовременной помощи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, должны составлять сумму, пропорциональную фонду их заработной платы в общем фонде заработной платы работников предприятия.

Премирование руководителя предприятия (директора, начальника и т.д.) и оказание ему материальной помощи на лечение и приобретение путевки может производиться только по распоряжению руководителя вышестоящей организации, согласованному с соответствующим областным, краевым, республиканским комитетом отраслевого профсоюза, а при его отсутствии – с советом профсоюзов.

Перераспределение средств фонда предприятия между предприятиями или изъятие этих средств на какие-либо цели не допускается.

13. Сумма премий из фонда предприятия и премий, выплачиваемых в соответствии с постановлением ЦК КПСС

и Совета Министров СССР от 2 июля 1959 года № 710, не должна превышать размеров, предусмотренных указанным постановлением.

14. Отчисления в фонд предприятия от плановой прибыли или суммы экономии, полученной от снижения себестоимости продукции, включаются в годовой баланс доходов и расходов (финансовый план) предприятия в размере авансовых отчислений за I, II и III кварталы планируемого года и доотчислений за предшествующий год.

Расходы за счет фонда предприятия могут производиться только в пределах имеющихся сумм; расходование средств за счет ожидаемых в будущем поступлений в этот фонд запрещается.

15. Советы народного хозяйства, министерства и ведомства, отделы (управления) исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся рассматривают и утверждают фонд предприятия по итогам деятельности за год при выполнении условий, предусмотренных настоящим Положением.

Председатели советов народного хозяйства, министры, руководители ведомств и руководители отделов (управлений) исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся могут разрешать в отдельных случаях образование фонда предприятия полностью или в уменьшенном размере при частичном невыполнении предприятием установленного плана производства продукции по основной номенклатуре.

16. Правильность образования фонда предприятия проверяют в порядке последующего контроля финансовые органы.

*Источник: Собрание постановлений Правительства СССР. М., 1961.
№ 2. С. 34–39.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Абалкин 2005

Абалкин Л. Россия.
Поиск самоопределения.
М., 2005.

Андреева 2015

Андреева О. Эту историю надо по-
слушать хотя бы теперь. // Эксперт.
19.02.2015.

Андреевкова, Кротов 1989

Андреевкова Н.В., Кротов П.П.
Совет трудового коллектива и де-
мократизация управления.
М., 1989.

Антонов 1965

Антонов О.К. Для всех и для себя.
М., 1965.

Антонов 2005

Антонов М.В. Капитализму в России
не бывать! М., 2005.

Бабкина 2018

Бабкина Н.М. Межведомствен-
ная комиссия при Госплане СССР:
1965–1971 гг. : дисс. ... к.и.н.
М., 2018.

Байбаков 2011

Байбаков Н.К. От Сталина
до Ельцина.
М., 2011.

Барышников 2000

Барышников И. Что возьму на
себя? [интервью к 30-летию ВАЗа
с Иваном Антоновичем Барышни-
ковым]. // ВАЗ: страницы истории:
воспоминания и факты.
Тольятти, 2000.

Батыгин 2003

Батыгин Г.С. Структурный функ-
ционализм Толкотта Парсонса. //
Вестник РУДН. Серия: Социология.
2003. № 4–5.

Белановский н.д. Белановский С.А.

Интервью с министром СССР. //
Личный сайт Сергея Белановского.
URL: [http://sbelan.ru/index.php/ru/
intervyu/138-intervyu-s-ministrom-
sssr/index.html](http://sbelan.ru/index.php/ru/intervyu/138-intervyu-s-ministrom-sssr/index.html)

Белкин 2003

Белкин В. Тернистый путь эконо-
миста. М., 2003.

Белкин 2013 Белкин В.

О реформе Косыгина – из первых
уст. // Прямые инвестиции. 2013.
№ 3 (131).

Белкин 2015

Белкин В.Д. Цены единого уровня и
экономические измерения на их ос-
нове. // Избр. труды. Т.1. М., 2015.

Бехтерев 2013

Бехтерев С. Л. Трудовые коллективы в системе советского хозяйствования: историко-правовой аспект. // Социум и власть. 2013. № 4.

Богданов 2008

Богданов С. В. Коллективные трудовые конфликты в СССР в 1930–50-х гг.: причины возникновения, формы протекания, способы разрешения. // Историко-экономические исследования. 2008. № 1.

Богданова 2006

Богданова Е. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы». // ЖССА. 2006. № 1.

Борисов, Козина 1994

Борисов В.А., Козина И.М. Об изменении статуса рабочих на предприятии. // Социологические исследования. 1994. № 11.

Боссерт 1987

Боссерт В. Хочу быть директором. // Юность. 1987. № 11.

Брежнев 1969

Брежнев Л.И. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л.И. на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. //

Альманах «Россия. XXI век».

Архив Александра Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1014781>.

Брежнев 1978

Брежнев Л.И. Советские профсоюзы – влиятельная сила нашего общества: Речь на XVI съезде профсоюзов СССР 21 марта 1977 г. // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978.

БСЭ 1950

Безработица // Большая советская энциклопедия в 51 т. 2-е изд. Т. 4. М., 1950.

Буров 1912

Буров Я. Хозяйские квартиры. // Правда. 28.08.(10.09.)1912.

Бюссе 2002

Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России. // Мир России. 2002. № 2.

Валовой 1991

Валовой Д.В. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991.

Восканян и др. 1940

Восканян В., Соловьев А., Уваров Н., Устинов Д. О единоначалии и правах директора. // Правда. 10.09.1940.

Виноградова 1997

Виноградова Е. Социальная роль предприятий: мнения руководителей. // Мониторинг. 1997. № 5.

Виноградова, Дюк 1997

Виноградова Е. В., Дюк Е. А. Российские промышленные предприятия в 1996 г.: занятость, оплата труда, социальная поддержка работников. // Мониторинг. 1997. № 2.

Виноградова, Султан-таэб 1997

Виноградова Е., Султан-таэб Э. Избыток рабочей силы на российских промышленных предприятиях: экономический и социальный аспекты. // Мониторинг. 1997. № 3.

Вопросы труда... 1930

Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М., 1930.

Воробьев и др. 1993

Воробьев Ю.Ф., Люлихина Н.Д., Скробов А.А. и др. Очерки экономических реформ. М., 1993.

Гельман 2003

Гельман А.И. Протокол одного заседания. Пьеса в двух актах с прологом. // Гельман А.И. Наедине со всеми: Пьесы. М., 2003.

Герасимова, Чуйкина 2000

Герасимова Е., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду: изменение социально-пространственной структуры города в 30-е годы. // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. СПб., 2000.

Гимпельсон 1974

Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918–1920 гг. Социально-политические изменения. М., 1974.

Гольцман, Коган 1934

Гольцман М., Коган Л. Старые и новые кадры пролетариата (по данным переписи 13 профсоюзов, произведенной в 1932–33 гг.). М., 1934.

Горбачев 1988

Горбачев М.С. Выступление в Кремле на встрече с представителями французской общественности (29 сентября 1987 года). // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988.

Горбачев 1995

Горбачев М. Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995.

Гордон 1992

Гордон Л.А. Рабочее движение:

документальные и аналитические материалы. М., 1992.

Гордон, Назимова 1985

Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития М., 1985.

Горлов 2013

Горлов В.Н. Ведомственное жилье в СССР. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 1.

Грегори 2008

Грегори П. Политэкономика сталинизма. М., 2008.

Григорьева 2010

Григорьева О. В. Основные причины отношений Фердинанда Лассалля и Отто фон Бисмарка. // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 2.

Гриненко 1997

Гриненко А. У истоков экономических преобразований. // Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А.Н. Косыгине. М., 1997.

Гусев 2012

Гусев В.К. Эпоха реформ. М., 2012.

Данилов 1970

Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970.

Доклад ЦСУ... 1961

Доклад ЦСУ СССР «О дальнейшем повышении материального благосостояния рабочих, колхозников и служащих в 1960 году». М., 1961.

Дьяченко 1978

Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950). М., 1978.

Жидкова 2008

Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950–60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки. // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008.

Журавлев, Мухин 2004

Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

Забелин 2002

Забелин А. На болоте растет не только клюква. // Северный край. 05.02.2002.

Загоруйкин, Колесников 1983

Загоруйкин В.А., Колесников В. Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. М., 1983.

Закон... 1985

Закон о трудовых коллективах в действии. // Советское государство и право. 1985. № 6.

Записка... 2006

Записка Общего отдела ЦК КПСС «О положении в рабочем движении страны и задачах партийных организаций», представленная в ЦК КПСС. // Трудовые конфликты в СССР. Сборник статей и документов. М., 2006.

Записка... 2008

Записка Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС о планировании капитального строительства от 18 июля 1963 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления. Т. 3. М., 2008.

Запись... 2019

Запись беседы Н. И. Кротова с А. Ю. Петровым. Москва. 02.07.2019 г. Архив АНО «Экономическая

летопись». // Кротов Н.И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М., 2019.

Захарченко 2018

Захарченко А. В. Министерские разногласия и давление на Госплан в советской экономике в начале 1950-х годов. // СНВ. 2018. № 1.

Здравомыслов, Ядов 2003

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человечек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2003.

Земсков 1990

Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата). // Радуга. 1990. № 6.

Зидер 1997

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997.

Зилниекс 1971

Зилниекс М.В. Практика образования и использования фондов социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и развития производства. Рига, 1971.

Иванов 2010

Иванов Е. А. Госплан СССР:

попытка воплотить в жизнь великую мечту. // ЭНСР. 2010. № 4.

Игнатовский 1971

Игнатовский П.А. Рабочий класс — ведущая сила коммунистического строительства. М., 1971.

Интервью с директором... 1989

Интервью с директором завода резинотехнических изделий. // Производственные интервью. Вып. 2. М., 1989.

Интервью с рабочим... 1988

Интервью с рабочим завода по производству электронных микросхем (Беседа первая, 1985 г.). // Производственные интервью. Вып. 1. М., 1988.

История... 2001

История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. II. Тирасполь, 2001.

Кабалина, Сидорина 1999

Кабалина В. И., Сидорина Т. Ю. Предприятие — город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ. // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 1-2.

Кабе 1926

Кабе Я. Юридическая природа фонда улучшения быта рабочих

и служащих. // Еженедельник советской юстиции. № 20. 23.05.1926.

Каданников 2004

Каданников В. ВАЗ: идея и воплощение. // Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М. 2004.

Капелюшников 2001

Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации М., 2001.

Карпенко 2014

Карпенко К.С. Возникновение шахтерского движения Ростовской области в конце 80 — начале 90-х годов XX века: этапы и содержание. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 4.

Кацура 2012

Кацура П.М. АвтоВАЗ и его время. Тольятти, 2012.

Кацура и др. 1985

Кацура П. М., Ясинский А. И., Смирнов В. М. Экономический эксперимент в производственном объединении АвтоВАЗ. М., 1985.

Кировец 1992

Гайдар, переходя на нашу сторону. // Кировец. 30.10.1992.

Кировский завод н.д.

ПАО «Кировский завод». Предприятия социальной сферы. // Интернет-сайт kzgroup.ru.

Кириянов 1979

Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX вв.). М., 1979.

Кларк, Кабалина 1996

Кларк С., Кабалина В.И. Политика приватизации и борьба за контроль над предприятием в России. // Рубеж (альманах с социальных исследований). 1996. № 8–9.

Колганов 2018

Колганов А.И. Путь к социализму. Пройденный и непройденный. М., 2018.

Колотов 1974

Колотов В.В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1974.

Коммерсант 1991

Борис Ельцин в Петрограде: мартовские тезисы. // Коммерсант Власть. № 12. 18.03.1991.

Комплексная программа... 1983

Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005. М., 1983.

Корнилов 1966

Корнилов А. От российского пролетариата к социалистическому рабочему классу. М., 1966.

Коссов 2019

Коссов В.В. Советский Союз уничтожили два решения (интервью А.В. Сафронову 25.07.2019). // Личный архив А.В. Сафронова.

Костюченко и др.

1966 Костюченко С., Хренов И., Федоров Ю. История Кировского завода. 1917–1945 гг. М., 1966.

Косыгин 1979

Косыгин А.Н. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. // Косыгин А.Н. К великой цели. Избранные речи и статьи. Т. 1. М., 1979.

Круглов, Лабудин 2010

Круглов В. В., Лабудин А. В. Иная стратегия реформ (к 95-летию Ю. В. Андропова). // Управленческое консультирование. 2010. № 1.

Кудров 2004

Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР. // Экономическая история. Ежегодник, 2003. М., 2004.

Кудюкин 2012

Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира. // СССР: Жизнь после смерти. М., 2012.

Кулагин 1982

Кулагин Г. Трудно быть универсальным. // Правда. 08.12.1982.

К XV съезду... 1927

К XV съезду ВКП(б). М.–Л., 1927.

Лазарева 2011

Лазарева Л.Н. Экономическая реформа А.Н. Косыгина: предпосылки, причины, результаты, следствия: дисс. ... к.и.н. М., 2011.

Лайков 1972

Лайков А.М. План по фундаментам экономического стимулирования. М., 1972.

Лебский 2019

Лебский М.А. Новый русский капитализм: От зарождения до кризиса (1986–2018 гг.). М., 2019.

Левин 2008

Левин М. Советский век. М., 2008.

Ленин 1967

Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов. // Ленин В.И.

Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 2. М., 1967.

Ленин 1969

Ленин В.И. Проект программы РКП(б). // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 38. М., 1969.

Ленин 1970а

Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М., 1970.

Ленин 1970б

Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. М., 1970.

Ленин 1970в

Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М., 1970.

Ленин 1970г

Ленин В.И. Великий почин. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М., 1970.

Ленин 1974

Ленин В.И. О демократизме и социалистическом характере советской власти. // Ленин В.И.

Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. М., 1974.

Либерман 1964

Либерман Е. Еще раз о плане, прибыли и премии. // Правда. 19.09.1964.

Либерман 1970

Либерман Е.Г. Экономические методы повышения эффективности общественного производства. М., 1970.

Либерман 2016

Либерман Е. План, прибыль, премия. // Историко-экономические исследования. 2016. № 3.

Лигачев 1999

Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1999.

Максимов 2000

Максимов Б. И. Трудовые организации как субъекты общественной жизни: динамика изменений. // ЖССА. 2000. № 2.

Максимов 2003

Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика. // СОЦИС. 2003.

Максимов 2004

Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России,

1990-е — начало 2000-х годов. М., 2004.

Максимов 2014

Максимов Б. И. Социология в сфере производства: быть или не быть (и как). // Социологические исследования. 2014. № 3.

Максимов 2016

Максимов Б.И. Флагман индустрии в рыночной стихии. Социологические статьи и очерки. СПб., 2016.

Малахова 1969

Малахова Л.К. Некоторые вопросы труда и образования женщин-работниц при переходе от социализма к коммунизму (На опыте текстильной промышленности РСФСР). М., 1969.

Маркевич 2003

Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2003.

Маркевич, Соколов 2005

Маркевич А., Соколов А. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

Маркс 1941

Маркс К. Нищета философии.
М., 1941.

Маркс, Энгельс 1955а

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.

Маркс, Энгельс 1955б

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.

Мау 1990

Мау В.А. В поисках планомерности. Экономические дискуссии 1930–1960-х годов. М., 1990.

Медведев 1993

Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1993.

Меерович 2008

Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937). М., 2008.

Меерович 2007

Меерович М. Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. // Советская

социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

Меньшиков 1990

Меньшиков С.М. Советская экономика: катастрофа или катарсис? М., 1990.

Методические указания... 1966

Методические указания по переводу отдельных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования промышленного производства в 1966 г. Одобрены Межведомственной комиссией при Госплане СССР 24 января 1966 г. М., 1966.

Методические указания... 1972

Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1972.

Милюков 1974

Милюков А.И. Поощрительные фонды на предприятии. М., 1974.

Милюков 2018

Милюков А. И. Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60–80-е годы. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 2 (32).

Мирошниченко, Максимов 1994

Мирошниченко Н.С., Максимов В.И. Приватизация Кировского завода как процесс. // Социологические исследования. 1994. № 11.

Мишенин 2016

Мишенин С. Е. Экономические преобразования в СССР в 1965–1982 годах в оценках постсоветского обществоведения. // Историко-экономические исследования. 2016. № 3.

Москаленко, Балан 1989

Москаленко В.П., Балан М.Ф. Переход предприятия на самофинансирование (опыт Сумского машиностроительного объединения им. М.В. Фрунзе). М., 1989.

Народное хозяйство... 1962

Народное хозяйство СССР в 1961 году (Статистический ежегодник). М., 1962.

Народное хозяйство... 1965

Народное хозяйство в 1963 г. М., 1965.

Народное хозяйство... 1971

Народное хозяйство СССР в 1970 году (Статистический ежегодник). М., 1971.

Народное хозяйство... 1973

Народное хозяйство СССР в 1972

году (Статистический ежегодник). М., 1973.

Народное хозяйство... 1976

Народное хозяйство СССР в 1975 году (Статистический ежегодник). М., 1976.

Народное хозяйство... 1981

Народное хозяйство СССР в 1980 году (Статистический ежегодник). М., 1981.

Народное хозяйство... 1984

Народное хозяйство СССР в 1983 году (Статистический ежегодник). М., 1984.

Народное хозяйство... 1987

Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

Народное хозяйство... 1988

Народное хозяйство СССР в 1987 году (Статистический ежегодник). М., 1988.

Народное хозяйство... 1989

Народное хозяйство СССР в 1988 году (Статистический ежегодник). М., 1989.

Народное хозяйство... 1990

Народное хозяйство СССР в 1989 году (Статистический ежегодник). М., 1990.

Народное хозяйство... 1991

Народное хозяйство СССР
в 1990 году (Статистический
ежегодник). М., 1991.

Население СССР 1983

Население СССР: Справочник.
М., 1983.

Население СССР 1988

Население СССР: Статистический
сборник. М., 1988.

Нейман 1935

Нейман Г.Я. Внутренняя торговля.
М., 1935.

Некрасов 2017

Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество. // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54).

Ольсевич, Грегори 2000

Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000.

Основные положения... 1972

Основные положения об образовании и расходовании фонда материального поощрения и фонда социально-культурных мероприятий

и жилищного строительства на 1971–1975 гг. М., 1972.

Основы... 1971

Основы и практика хозяйственной реформы в СССР. М., 1971.

Осокина 1993

Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.

Остапенко, Воскресенский 1958

Остапенко И.П., Воскресенский Ю.В. Из истории производственных совещаний в промышленности СССР (1926–1932 гг.). // Вопросы истории. 1958. № 6.

Островский 2010

Островский А.В. Кто поставил Горбачева? М., 2010.

Павлов 1990

Павлов В.С. О государственном бюджете на 1990 год. М., 1990.

Павлов 1995

Павлов В.С. Упущенный шанс. Финансовый ключ к рынку. М., 1995.

Петрова 2009

Петрова Л. Многострадальное Пикалево лишили горячей воды.

// Интернет-сайт 47news.ru.
15.05.2009.

Пискунов 2017

Пискунов М. О. Микрополитика позднесоветского завода: общее «Своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай Выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982–1985 годы). // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 2.

Пискунов 2018

Пискунов М.О. Советский завод в эпоху перемен: Трудовой коллектив Выборгского целлюлозно-бумажного комбината между государством и гражданским обществом (1982–2000 гг.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2018.

Пихоя 2016

Пихоя Р.Г. Как разваливалась социалистическая экономика в СССР (об одной из причин распада страны). // Социально-политические науки. 2016. № 4.

Пихоя и др. 2005

Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Зезина М.Р., Соколов А.К. АвтоВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода, 1966–2003. Тольятти, 2005.

По страницам... 2009

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 7: Денежное обращение в СССР в документах (1965–1975 годы). М., 2009.

По страницам... 2011

По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 12: Денежное обращение в СССР в документах (1986–1991 годы). М., 2011.

Положение... 1973

Положение о товарищеских судах. Утверждено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. с изменениями и дополнениями на 16 января 1965 г. // Справочник профсоюзного работника. М., 1973. С. 47–54.

Полтерович 1993

Полтерович В.М. Экономическая реформа 1992 г.: битва правительства с трудовыми коллективами. // Экономика и математические методы, Т. 29. № 4. М., 1993.

Полынов 1998

Полынов М.Ф. Российские рабочие во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов: Проблемы и тенденции соц. развития (на материалах С.-Петербурга и Ленингр. обл.). СПб., 1998.

Постников, Фельдман 2009

Постников С.П., Фельдман М.А.
Социокультурный облик про-
мышленных рабочих России
в 1900–1941 гг. М., 2009.

Поткина 2004

Поткина И.В. На Олимпе делового
успеха: Никольская мануфактура
Морозовых, 1797–1917. М., 2004.

Правда 1969

Продукции больше, работников
меньше. // Правда. 09.10.1969.

Правда 1977 Совет и город. //

Правда. 15.03.1977.

Предприятие... 1997

Предприятие и рынок: динамика
управления и трудовых отноше-
ний в переходный период (Опыт
монографических исследований
1989–1995 гг.). М., 1997.

Промышленность СССР... 1988

Промышленность СССР. Статисти-
ческий сборник. М., 1988.

Профком и совет... 1989

Профком и совет трудового коллек-
тива: формы и характер взаимодей-
ствия. М., 1989.

Рабочий класс... 1979

Рабочий класс СССР, 1966–1970.
М., 1979.

Рабочий класс... 1983

Рабочий класс от зарождения до
начала XX в. М., 1983.

Ракитская 2001

Ракитская Г.Я. На пути к собствен-
ной идеологии (Идейн. представле-
ния и требования трудящихся
в ходе четвертой рус. революции).
М., 2001.

Ракитская, Шохин 1984

Ракитская Г.Я., Шохин А.Н. Преоб-
разования в сфере труда в 80-е гг.
М., 1984.

Рашин 1930

Рашин А.Г. Состав фабрично-
заводского пролетариата СССР.
М., 1930.

Реформа... 1968

Реформа ставит проблемы.
М., 1968.

Реформы... 2016

Реформы в России с древнейших
времен до конца XX века. Т. 4.
М., 2016.

Римашевская, Римашевский 1991

Римашевская Н.М., Римашевский
А.А. Равенство или справедли-
вость? М., 1991.

Романов 2005

Романов П. В. Промышленный

патернализм в системе социальной политики предприятий. // ЖИСП. 2005. № 3.

Руднев 1967

Руднев К. Эффект реформы. // Правда. 05.07.1967.

Рыжков 1988

Рыжков Н.И. О роли кооперации в развитии экономики страны и проекте Закона о кооперации в СССР: Докл. на совмест. заседании Совета Союза и Совета Национальностей девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 24 мая 1988 г. М., 1988.

Рыжков 1992

Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М., 1992.

Рыжков 1995

Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.

Сборник..., 1991

Сборник статистических материалов. 1990. М., 1991.

Селюнин, Ханин 2015

Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра. // Ханин, Г. И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Избранные труды в 2-х тт. Т. 1. Новосибирск, 2015.

Семин 2007

Семин Н. Если нужен людям... ДААЗ: страницы истории. Т. 2. Мозаика заводской жизни. Димитровград, 2007.

Сидорина 2007

Сидорина Т. Ю. Социальные обязательства предприятия в СССР и их трансформация в постсоветский период. // ЖИСП. 2007. № 3.

Ситарян 2010

Ситарян С. Уроки будущего. М., 2010.

Сметанин 2017

Сметанин А.В. Директорские фонды советских предприятий (1946–1965 гг.): ресурс трансформации социального порядка. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 3.

Соболев 2009

Соболев Э.Н. Косыгинские реформы – невыученный урок истории. // Вопросы экономики. 2009. № 8.

Совет..., 1989

Совет трудового коллектива: Опыт, проблемы, поиск. Киев, 1989.

Современное состояние..., 1967

Современное состояние экономического соревнования СССР и США. М., 1967.

Соколов 2003

Соколов А.К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе. // Экономическая история: ежегодник. М., 2003. № 7.

Солодовникова 1999

Солодовникова Е.Ф. Социальная составляющая промышленной политики предприятия. Екатеринбург, 1999.

Спиноза 2015

Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 2015.

Справка... 2003

Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. // Советская жизнь. 1945–1953 гг. М., 2003.

Сталин 1947

Сталин И.В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов: набросок плана брошюры. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947.

Сталин 1948

Сталин И.В. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад 7 декабря 1926 г. на VII расширенном пленуме ИККИ. //

Сталин И.В. Сочинения. Т. 9. М., 1948.

Сталин 1951

Сталин И.В. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951.

Сталин 1952

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Сталин 1997

Сталин И. В. О проекте конституции Союза ССР (25 ноября 1936 г.). // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997.

Столяр 1990

Столяр И. Г. Совет трудового коллектива. Опыт, проблемы. М., 1990.

Тарасов 2009

Тарасов А.Н. Мать беспорядка. // Неприкосновенный запас. 2009. № 5.

Темницкий 2014

Темницкий А.Л. Становление наемного работника в условиях трансформации отношений собственности. // Социологические исследования. 2014. № 5.

Третья программа... 1974

Третья программа КПСС (принята XXII съездом КПСС). М., 1974.

Троцкий 1990

Троцкий Л. К истории русской революции. // Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М., 1990.

Труд... 1988

Труд в СССР. М., 1988.

Трудовой кодекс... 1978

Трудовой кодекс кировца. Л., 1978.

Трудовые конфликты... 2006

Трудовые конфликты в СССР. Сборник статей и документов. М., 2006.

Тяжельникова 2001

Тяжельникова В.А. Отношение к труду в советский и постсоветский период. // Социально-экономическая трансформация в России. М., 2001.

Тяжельникова 2003

Тяжельникова В. С. Заводское жилье в 1935—первой половине 1960-х гг. (по материалам завода «Серп и молот»). // Вестник РУДН. История России. 2003. № 2.

Ульянова 2013

Ульянова С. Б. Формирование «Треугольника» на советских предприятиях в первой половине 1920-х гг. // НИР. 2013. № 2.

Упущенный шанс... 2017

Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.). М., 2017.

Фельдман 2002

Фельдман М.А. Материально-бытовое положение рабочих Урала в 1929–1941 годах. // Вестник ЧелГУ. 2002. № 1.

Феномен... 2000

Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000.

Фильцер 2011

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.

Фирсов 2004

Фирсов Ю.В. Косыгин и его время. // Гвишиани А.Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004.

Фирсов 2013

Фирсов Б.М. Как наводились мосты между советской и зарубеж-

ной социологией, или «Self-made sociologists». // Мир России. Социология. Этнология. 2013.

Фицпатрик 1990

Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8.

Ханин 2008

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск. 2008.

Ханин 2010

Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Новосибирск, 2010.

Ханин 2015

Ханин Г. Экономический рост: альтернативная оценка. // Ханин, Г. И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива. Избранные труды в 2-х тт. Т. 1. Новосибирск, 2015.

Хлевнюк 2001

Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х гг. и «дело Госплана». // Отечественная история. 2001. № 3.

Хоффман 2018

Хоффманн Д.Л. Вращивание масс:

Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.

Хрущев 1957

Хрущев Н.С. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957.

Хрущев 2007

Хрущев Н.С. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007.

Чазов 1992

Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. М. 1992.

Чванова 2001

Чванова В. В. Кировский завод. Вместе с Россией. Исторические Очерки. СПб., 2001.

Черняк 1988

Черняк Ю.Л. Занимаемой должности не соответствует: драма в 2 д. М., 1988.

Чуев 1991

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

Шаалимов 1971

Шаалимов А. Поощрительные фонды в системе экономических

рычагов развития производства.
Ташкент, 1971.

Шаблинский 1995

Шаблинский И.Г. Рабочее движение и российская реформа. М., 1995.

Шкаратан 1970

Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М., 1970.

Шкурко, Симаков 1989

Шкурко С.И., Симаков А.Г. Совет трудового коллектива. М., 1989.

Шубин 2007

Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2007.

Шубкин 1970

Шубкин В.Н. Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М., 1970.

Щербаков 2016

Щербаков В. И. Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. М.. 2016.

Экономическая активность... 2002

Экономическая активность населения России (по результатам

выборочных обследований). М., 2002.

Экономическая реформа... 1990

Экономическая реформа: поиск решений. // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы, 13–15 ноября 1989 г. М., 1990.

Энгельс 1955а

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955.

Энгельс 1955б

Энгельс Ф. Принципы коммунизма. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955.

Энгельс 1961

Энгельс Ф. К жилищному вопросу. // К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М., 1961.

Энгельс 1961

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М., 1961.

Энгельс 1962а

Энгельс Ф. Письмо И. Вейдемейеру 12 апреля 1852 г. // Маркс К.,

Энгельс Ф. Сочинения.
2-е изд. Т. 28. М., 1962.

Энгельс 1962б

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу
7 октября 1858 г. // Маркс К., Эн-
гельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 29.
М., 1962.

Энгельс 1970

Энгельс Ф. Проект коммунистиче-
ского символа веры. // Вопросы
истории КПСС. 1970. № 1.

Шкаратан 2002

Шкаратан О.И. «Рутинные интелли-
гентные проблемы». // Социологи-
ческий журнал. 2002. № 3.

Ядов 2007

Ядов В. «Социология труда
начала умирать, потому что поя-
вился рынок...» // Экономическая
социология. 2007.
Т. 8. № 5.

Arnot 1988

Arnot B. Controlling Soviet Labour:
Experimental Change from Brezhnev
to Gorbachev. London, 1988.

Filtzer 1992

Filtzer D. Soviet Workers and de-
Stalinization: The Consolidation
of the Modern System of Soviet
Production Relations, 1953–1964.
Cambridge, 1992.

Filtzer 1993

Filtzer D. The Khrushchev Era,
De-Stalinization and the Limits
of Reform. Basingstoke, 1993.

Filtzer 1994

Filtzer D. Soviet Workers and the
Collapse of Perestroika: the Soviet
Labour Process and Gorbachov's
Reform. Cambridge, 1994.

Gregory, Stuart 1994

Gregory P.R., Stuart R.C. Soviet and
Post-Soviet Economic Structure and
Performance. New York, 1994.

Kontorovich 2006

Kontorovich V. Soviet Economic
Reform. 12.02.2006. // Интер-
нет-портал SSRN. URL:
<https://ssrn.com/abstract=913431>.

Lenta.ru 2015 «

Для шахтеров Кузбасса своим
Валенсой стал Ельцин». Рабочий
вожак и губернатор Кузбасса
Михаил Кислюк о роли горня-
ков в развале СССР. // Lenta.ru.
28.07.2015.

Thompson 1966

Thompson E. Making
of the English Working Class.
N.Y., 1966.

XIX всесоюзная... 1988

XIX всесоюзная конференция

КПСС: Стенографический отчет.
Т. 1. М., 1988.

XVI съезд... 1930

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б): Стенографический отчет. М., 1930.

XXII съезд... 1962

XXII съезд Коммунистической
Партии Советского Союза. 17–31
октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1.

Лебский М. А.
Л33 Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышлен-
ного патернализма. – М.: Издательство «Горизонталь»,
2021. – 250 с.

ISBN: 978-5-6043030-4-7

В исследовании анализируется влияние социальной инфраструктуры советского предприятия на условия жизни и поведение промышленных рабочих в 1965–1995 гг. В основе концепции автора лежит идея о том, что советский рабочий класс был производным социальным субъектом от советской экономической системы и, соответственно, было бы ошибкой применять для его изучения шаблоны капиталистического общества.

УДК 33+314+316+93/94
ББК 60.54 63.3(2)28 65.8

Максим Лебский

Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма

Научное издание

Макет

*Никиты Вознесенского
и Лизаветы Богдановской*

Редактор

Владислав Федюшин

Вёрстка

и внешнее оформление
Лизаветы Богдановской

Подписано в печать 21.05.2021. Формат 84×108/32. 7,25 уч.-изд. л., 12,02 усл. печ. л. Доп. тираж 300 экз. Номер заказа: 163313. Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательство Горизонталь», www.horizontal.pub, e-mail: horizontalpub@gmail.com. Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии». 109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5. Тел.: 8 (495) 221-89-80. www.t8print.ru